

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Этнос и среда обитания

Сборник статей по этнической экологии

Выпуск 5

Исследования систем жизнеобеспечения

УДК 39+504.75+572 ББК 63.5 Э91

> Подготовка книги к печати осуществлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы», проект «Формирование и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения этнокультурных регионов на Евразийском пространстве (социальная и экологическая составляющие)» (рук. Н.А. Дубова).

Репензенты:

доктор исторических наук Ю.Д. Анчабадзе (ИЭА РАН), доктор географических наук В.Н. Калуцков (МГУ)

Этнос и среда обитания. Сборник статей по этнической эколо-991 гии. Вып. 5. Исследования систем жизнеобеспечения / Редколлегия: Н.А. Дубова (отв. ред.), Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков. — М.: Старый сад, 2017. — 204 с.

ISBN 978-5-89930-153-7

Книга подготовлена по материалам симпозиума «Факторы, определяющие локальное разнообразие систем жизнеобеспечения населения Евразии, их стабильность, устойчивое развитие и эволюцию» (24 ноября 2015 г., г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН). Авторы демонстрируют примеры использования понятия «жизнеобеспечение» и производных от него применительно к экологически ориентированным исследованиям культур коренных народов Сибири и Крайнего Севера, немецкого и русского старожильческого населения Сибири, русских Поволжья, а также древних и средневековых групп на Юге Средней Азии. Также рассмотрены вопросы развития понятийно-терминологического аппарата исследований жизнеобеспечения применительно к современному и древнему населению.

УДК 39+504.75+572 ББК 63.5

© ИЭА РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Козлов В.И.
Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия
и его экологические аспекты
ЧАСТЬ 1.
ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
Ямсков А.Н.
Системы жизнеобеспечения
и хозяйственно-культурные типы
Сатаев Р.М., Сатаева Л.В.
Палеоэтноботаника и палеоэтнозоология
в системе знаний об экологии древних обществ47
ЧАСТЬ 2.
ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП
РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО НАРОДОВ
Григулевич Н.И.
Рыбная ловля на Верхней и Средней Волге:
традиции и динамика жизнеобеспечения60
Любимова Г.В.
Религиозные установки как регулятор культуры
жизнеобеспечения (по материалам традиционного
природопользования сибирских старообрядцев)78
Охотников А.Ю.
Влияние аграрной модернизации на эволюцию
маркеров этнокультурного ландшафта
сибирско-немецкого села (на материалах
этнографических экспедиций в Омское Прииртышье)95

ЧАСТЬ 3.
ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ
И КРАЙНЕГО СЕВЕРА
Клоков К.Б., Михайлов В.В.
Механизмы воздействия природных
и социальных факторов на жизнеобеспечение
локальных сообществ оленеводов в таежных
и тундровых ландшафтах108
Адаев В.Н.
О роли традиционного мировоззрения
народов Севера в качестве регулятора режима
природопользования
ЧАСТЬ 4.
ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
Дубова Н.А.
Биологическая и социальная адаптация древнего
и средневекового населения южных районов
Средней Азии к среде обитания: комплексный подход150
Вальков И.А.
Изделия из кости в системе жизнеобеспечения
населения Гонур-депе
НАШИ АВТОРЫ195
11/111/101010101
ABSTRACTS197
CONTENTS
201

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тятый выпуск серийного издания «Этнос и среда обитания» посвящен 35-летию сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР (с 1990 г. – Институт этнологии и антропологии – ИЭА РАН) и 25-летию выхода в свет первого в нашей стране тематического сборника по этноэкологической тематике, подготовленного по инициативе и в основном усилиями создателя сектора этноэкологии профессора В.И. Козлова (Этническая экология ..., 1991). Эта книга приобрела заслуженную известность и стала, например, наиболее цитируемым в «Российском индексе научного цитирования» изданием по этнической экологии, несущим в своем названии данный термин. Она также положила начало практике выпуска этноэкологических сборников, которые готовятся к печати сотрудниками сектора этнической экологии ИЭА РАН и которые в последние годы выходили в рамках данной серии – «Этнос и среда обитания». Большинство сборников представлены на сайте сектора (www.ethnoecology.ru).

Наиболее важной в методологическом отношении статьей в вышеуказанной книге под редакцией В.И. Козлова стала его работа, посвященная понятию «жизнеобеспечение» и производным от него (Козлов, 1991). С точки зрения масштабов воздействия на взгляды научного сообщества этноэкологов в нашей стране, эта статья уступает по своему значению, пожалуй, только лишь его предшествовавшей работе, в которой был впервые введен и обоснован сам термин «этническая экология» и очерчены основные задачи данного научного направления (Козлов, 1983). Следует подчеркнуть, что взгляды В.И. Козлова на жизнеобеспечение до сих пор оказывают весьма сильное влияние не только на тех специалистов, которые занимаются непосредственно этноэкологической и близкой проблематикой, но и на гораздо более широкий круг отечественных этнографов (этнологов) и социально-культурных антропологов (см. подробнее: Ямсков, 2009).

В свете вышесказанного и в преддверии четверть векового юбилея публикации первого этноэкологического сборника и открывавшей его статьи проф. В.И. Козлова было решено организовать спе-

циализированный симпозиум с ограниченным кругом участников — в большинстве своем известных в данной области знаний ученых. Коллеги получили персональные приглашения, преимущественно во время работы симпозиумов и секций этноэкологической и смежной проблематики (Адаев, Любимова, 2015; Ерохина, Ямсков, 2015), организованных в рамках XI Конгресса антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г.).

Симпозиум «Факторы, определяющие локальное разнообразие систем жизнеобеспечения населения Евразии, их стабильность, устойчивое развитие и эволюцию» состоялся 24 ноября 2015 г. в стенах ИЭА РАН (г. Москва)¹. Непосредственно перед началом работы симпозиума прошло заседание Ученого Совета Института, посвященное приближавшемуся юбилею сектора этнической экологии. На Ученом Совете с научными докладами историографического характера выступили Н.А. Дубова и А.Н. Ямсков, соответственно охарактеризовавшие в своих сообщениях историю этноэкологических исследований в Институте и существующие трактовки понятия «жизнеобеспечение» в отечественной этнографии (этнологии)².

Основную задачу симпозиума мы видели в том, чтобы получить картину того, как именно специалисты, работающие ныне в области этноэкологии и близкой тематики, используют в своих исследованиях понятие «жизнеобеспечение», и насколько их трактовки этого понятия близки взглядам профессора В.И. Козлова. Не менее важным было выяснить, используют ли они вообще это понятие и производные от него, или же предпочитают иные способы и методы анализа природопользования и хозяйства, материальной и духовной культуры и других аспектов обеспечения жизнедеятельности конкретных сообществ. Ответить на эти важные вопросы мы предоставляем читателям, держащим данную книгу в руках, самостоятельно. Но одно можно утверждать вполне определенно - выбор тематики Симпозиума оказался весьма актуальным и важным для многих известных ученых, работающих в наши дни в сфере этнической экологии и смежных дисциплин, а содержание большинства докладов и написанных по ним статей данного сборника, несомненно, имеет большое научное значение.

¹ См. информацию о Симпозиуме и его программу на сайте ИЭА РАН: http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=917

² См. информацию об этом Ученом Совете на сайте ИЭА РАН: http://iea-ras.ru/index. php?go=News&in=view&id=943

Для того чтобы основная цель сборника была достигнута, его открывает вышеупомянутая статья В.И. Козлова. Основу книги составляют тексты докладов, доработанные авторами по итогам дискуссий на указанном симпозиуме. Мы чрезвычайно признательны нашим коллегам, приехавшим на симпозиум из Кемерово, Омска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Уфы и выступившим с докладами, а также присутствовавшим на заседаниях и участвовавшим в прениях гостю из Саранска проф. А.В. Каверину, сотрудникам и аспирантам ИЭА РАН и ряда научных учреждений Москвы. К сожалению, в силу ряда технических причин в сборник не вошел интересный доклад В.В. Поддубикова, заведующего Лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета: «Коренные малочисленные этносы и особо охраняемые природные территории: традиционные формы жизнеобеспечения в контексте конфликтного дискурса (на примере Шорского национального парка)».

Мы надеемся продолжить нашу работу в сфере этноэкологии и близкой к ней проблематики, и приглашаем коллег к сотрудничеству и возможному участию в последующих тематических сборниках данной серии «Этнос и среда обитания». Информацию о текущей деятельности сектора этнической экологии ИЭА РАН, новые публикации и планы по организации новых конференций или сборников можно видеть на уже упомянутом сайте «Этническая экология».

Редколлегия

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Адаев В.Н., Любимова Г.В. (ред.). Секция 10. Экологическое сознание и модели экологического поведения в северной и центральной Евразии // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 168-177.
- 2. Ерохина Е.А., Ямсков А.Н. (ред.). Секция 41. Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 418-427.

Предисловие

- Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ, 1983. № 1.
 С. 3-16 (http://ethnoecology.ru/images/books/Kozlov%20V.I.%201983%20 Osnovnie%20problemy%20etnicheskoy%20ekologii.pdf)
- 4. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика / Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М.: Наука, 1991. С. 14-43 (http://ethnoecology.ru/texts/kozlov_teoriya%20i%20praktica.pdf)
- Этническая экология: теория и практика / Ред. В.И. Козлов (отв. ред.), Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991.
- 6. Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Том 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73-94 (http://ethnoecology.ru/images/books/Yamskov%20A.N.%202009%20Traktovki%20ponyatiya%20 zhizneobespecheniya.pdf)

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭТНОСА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

дной из примечательных особенностей развития советской этнографии в 80-х годах является усилившееся внимание к вопросам жизнеобеспечения этносов в процессе их существования и воспроизводства. Это было обусловлено, как мне представляется, двумя основными причинами. Одной из них явилось то обстоятельство, что ставшие уже традиционными типологические по своей основе и по своим задачам исследования хозяйства, материальной и отчасти духовной культуры народов (что особенно четко проявилось при работе над историко-этнографическими атласами по различным районам СССР) часто замыкались «на себе» и приводили к накоплению груд материалов, которые требовали надлежащего обобщения и анализа, но обычно оставались без таковых не только из-за трудности работы, но и из-за недостаточной ее актуальности. Это само по себе заставляло искать в рамках этнографической науки новые более перспективные направления и методы исследования, к числу которых можно отнести заметно прогрессирующую этническую социологию, этническую демографию и др. Вторая причина, непосредственно связанная с первой, заключалась в положительной реакции этнографов на насущные требования теории и практики, связанные с проблемами жизнеобеспечения людей как в нашей стране, так и за рубежом. Можно предполагать, что в ближайшем будущем из-за продолжающегося обострения таких экологических по своей сущности проблем, особенно в развивающихся странах мира, действие этой побудительной причины разработки вопросов жизнеобеспечения еще более усилится.

Этнографической науке, изучающей жизнь народов мира, их происхождение и расселение, их культуру и быт, всегда были близки и вопросы их жизнеобеспечения в специфических для каждого народа природных условиях. Наиболее заметно это проявилось,

¹ Статья была впервые опубликована в книге: Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43.

пожалуй, при разработке концепции хозяйственно-культурных типов. Поскольку, однако, и при этом на первый план выдвигались сравнительно-типологизационные принципы, то вопросы жизнеобеспечения этнических групп оставались недостаточно четко сформулированными. В последнее время тенденция к формализации вопросов жизнеобеспечения этносов заметно продвинулась в научном направлении, которое может быть названо «этнокультурологическим». Это нашло отражение в опубликованной в 1984 г. в Армении коллективной монографии «Культура жизнеобеспечения и этнос», а также в статьях, так или иначе связанных с этой монографией и частично рассматриваемых ниже (Культура жизнеобеспечения и этнос, 1984; см. также: Арутюнов, Мкртумян, 1984). Почти одновременно с этим проблемы жизнеобеспечения стали разрабатываться в направлении, получившем название «этнической экологии» (Козлов, 1983).

В публикациях, относящихся к первому и второму направлениям, были изложены методологические положения, связанные с исследованием данной темы, прежде всего с определением содержания понятия «жизнеобеспечение этноса» и параметров его составляющих компонентов. Однако не все из этих положений достаточно раскрыты и четко сформулированы, а положения, относящиеся к тому или другому направлению, не были согласованы между собой. Попутно отмечу недостаточную разработанность таких базовых положений и в зарубежной, главным образом в американской науке, где на первый план, кстати сказать, выступает не этнокультурология, а уже давно разрабатываемая этническая экология (или «культурная экология», «экологическая антропология» и т.п.) (Краткий обзор основных ее направлений см.: Orlov, 1980. Vol. 9; также: Козлов, Ямсков, 1989). Поэтому дальнейшее успешное исследование вопросов жизнеобеспечения по все расширяющемуся фронту этой работы в немалой степени зависит от более полной и четкой разработки основных базовых положений, чему и посвящена данная статья.

Решение поставленной задачи несколько затруднено, как это нередко бывает, кажущейся простотой исходного термина, в данном случае — «жизнеобеспечение» 2 , сводящегося в его бытовом

² И.И. Крупник в рецензии на монографию «Культура жизнеобеспечения и этнос...» (СЭ. 1985. №1) отнес к творческим удачам автора само применение термина «культура жизнеобеспечения», не вдаваясь, правда, в сущность его толкования.

смысле к пище, одежде и т.п., тогда как в действительности за этой внешней простотой скрывается сложная структура процессов и явлений. Человек жив «не хлебом единым»; он представляет собой социально-биологическое существо и его жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или «физических», так и социально-культурных, в частности духовных потребностей. Удовлетворение тех или иных потребностей органически связано между собой, причем во многих случаях, как будет показано далее, биологическое жизнеобеспечение не только побуждает социально-культурную деятельность, но и регламентируется в той или иной степени социально-культурными, в том числе этническими параметрами и установками.

Структуру жизнеобеспечения человека целесообразно рассмотреть через структуру потребностей как основного фактора активной деятельности людей. Общепринятой классификации потребностей человека пока еще не существует, и даже в психологии, где этому вопросу уделяется довольно много внимания, различные авторы подходят к нему по-разному. Так, А.В. Петровский классифицирует потребности по их происхождению с выделением естественных (биологических) и культурных (социальных) и по их предмету с выделением материальных и духовных потребностей (См.: Общая психология, 1970. С. 12). К. Обуховский, концентрируя внимание на «общих», преимущественно биологических потребностях человека, выделяет среди них потребности самосохранения (физиологические и «ориентировочные» по отношению к среде) и потребности размножения (сохранения вида) (Обуховский, 1977. С. 81). К.К. Платонов разделяет потребности на биологические (потребности в дыхании, питании, воде, отсутствии нарушения теплообмена, движении, общении, отсутствии сенсорного голода, самосохранении и сохранении рода) и сошиальные (потребности в труде, познании, красоте, а также «все социологизированные биологические потребности, показанные К. Марксом на примере голода, а Ф. Энгельсом – на примере половой потребности») (Платонов, 1981. С. 102). В этой классификации, как и в предыдущих, усматриваются неточности. Так, потребность в общении явно относится к группе социальных.

Среди специалистов других наук вариаций еще больше. Демограф Л.Е. Дарский, например, выделил в качестве фундаментальных, универсальных потребностей такие, как материально-энергетические, информационно-исследовательские

и социального взаимодействия, заявив, в частности, что особой потребности в детях не существует: детей по его мнению, рожают, «чтобы удовлетворить какие-то другие потребности» (Дарский, 1979. С. 89—92). Последний тезис Л.Е. Дарский пытается доказать ссылкой на женщин, которые никогда не рожали, но сохранили физическое и психическое здоровье. Однако аналогичным образом, ссылаясь на «пример» отшельников, можно отрицать ведь и потребность в социальном взаимодействии. Совершенно ясно, что если бы у людей не было сильной потребности в детопроизводстве, то человечество давно бы вымерло.

Этнограф и культуролог С.А. Арутюнов утверждает, что одной из важнейших потребностей является завоевание престижа, без этой потребности якобы не может существовать общество, а «человек... вообще не может быть человеком» (Арутюнов, 1979. С. 95). Здесь перед нами пример того, как второстепенная, в сущности, потребность возводится в разряд первостепенных; подобным образом можно утверждать, например, что человек не может быть человеком без потребности в любви, без потребности в страдании и т.д. Существование подобных расхождений и неточностей в определении круга жизненно важных потребностей человека призывает к тому, чтобы данный вопрос был рассмотрен достаточно подробно.

Начинать здесь приходится, конечно, с той стороны жизнеобеспечения, которая сводится к удовлетворению биологических или «физических» потребностей в пище, в защите от неблагоприятных для организма воздействий внешней среды и т.п. Такие потребности определяются особенностями человека как биологического существа (вид *Homo sapiens*, отряд приматов, класс млекопитающих), возникшего первоначально, вероятно, в ближневосточной зоне сухих субтропиков, а затем расселившегося и по другим природным зонам благодаря биологической адаптации (см.: Алексеева, 1971, 1986), но главным образом в результате перестройки социально-культурных механизмов системы жизнеобеспечения, на чем в дальнейшем придется остановиться более подробно. Биологические потребности человека, как и других существ, связаны с обеспечением личного существования (самосохранения) и с обеспечением сохранения вида, конкретно представленного более или менее обособленной группой или популяцией. Удовлетворение этих потребностей у человека, как и у других существ, поддерживается мощными инстинктами, но у человека в эти рефлекторные механизмы включается и высшая нервная деятельность, благодаря которой он, в той или иной степени осмысливает и направляет свои действия.

В признании важнейшего значения удовлетворения биологических потребностей человека, конечно, нет никакого «биологизма», тем более, что это признание не нарушает огромную значимость социальной природы человека и его развитого разума. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали нерасторжимость человека и природы. К. Маркс писал: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию - теле*сная* (курсив мой - B.К.) организация этих людей и обусловленное ею отношение их к остальной природе» (Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 18-19). Ф. Энгельс указывал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода» (Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 25-26).

Человек исторически возник и существует как существо социальное и поэтому даже удовлетворение его чисто биологических потребностей обычно принимает социальные формы. «Чтобы производить, - писал К. Маркс, - люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 441). И в другом месте: «По мере того, как мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивид, а, следовательно, и производящий индивид выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще в совершенно естественной форме в семье и в семье, развившейся в род; затем в возникающих из столкновения и слияния родов общине (обществе) в ее различных формах» (Маркс, Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 710). Таким образом, история «производящих индивидов» с самого ее начала предстает не как история каких-то робинзонов, а как история семьи, рода и других форм их социальных объединений, в том числе и интересующих нас этносов. Однако прежде чем перейти к этническим аспектам жизнеобеспечения, остановлюсь еще на одном вопросе.

Известно, что более или менее социальных характер имеет и жизнь многих других живых существ — от муравьев до некоторых видов приматов. Поэтому главным отличием человека от других животных является, конечно, его разум, отличающийся от имеющихся у многих из них элементов «разумности» не только в «количественном», но и в «качественном» отношении представляющий собой высшую форму движения материи по сравнению с ее «биологическими» формами. Попытки разобраться в существе этой высшей формы движения материи, проникнуть в тайны сознания пока не дали значительных результатов.

В.П. Алексеев в монографии о возникновении человека и человеческого общества, коснувшись вопроса о специфике человеческого сознания, кратко рассмотрел основные его компоненты или «сферы» (эмпирического опыта, обобщения результатов этого опыта и абстрактного сознания) и подчеркнул, что в их основе лежит рациональная логика. Но рациональный эмпирический опыт, а возможно, и какое-то обобщение его результатов в виде элементов абстрактного сознания есть и у высших млекопитающих; во всяком случае, в этом еще недостаточно проступает качественно иной характер человеческого сознания. Такое новое качество В.П. Алексеев, видимо, пытается нащупать, ставя в заглавие одного из подразделов книги вопрос «Почему человеческий ум ищет объяснений?». Однако, как мне представляется, он несколько упростил и отчасти затемнил ответ на этот вопрос, сравнив человеческий ум с очень сложной кибернетической системой, которой для нормального функционирования необходимо якобы «предугадывать ход будущих событий» (Алексеев, 1984. C. 241, 453–455).

Вопрос о качественном своеобразии человеческого сознания весьма сложен и требует обстоятельной разработки, выходящей далеко за пределы данной статьи. Поэтому ограничусь лишь ссылкой на такого оригинального и глубокого исследователя данного вопроса, как Б.Ф. Поршнев, который особо отметил наличие в человеческом сознании не только преобладающих рациональных, но и существенных иррациональных элементов; люди, по его меткому замечанию, — «единственный вид, способный к абсурду» (Поршнев, 1969. С. 110). Кстати сказать, и другая отмеченная им, опять-таки отнюдь не ведущая, но весьма специфичная черта человека — систематическая практика «взаимного

умерщвления» (особенно членов чужих групп или общностей), настолько противоречит естественному (в том числе и «кибернетическому») рационализму, что может быть объяснена только какой-то «абсурдностью» человеческого мышления. И вообще всю историю человечества от ее ранних этапов, когда, как показал Л. Леви-Брюль, особенно проявлялись черты «дологического мышления» и возникали «странные» для людей нового времени верования и обряды, до современности, когда бурно развивающаяся наука сосуществует в сознании многих людей с религией, и когда человечество поставило себя перед угрозой полного самоистребления, было бы трудно понять без признания того, что в человеческом сознании были и есть какие-то иррациональные, «абсурдные» элементы.

Изложенное выше подводит нас к некоторым заключениям, непосредственно относящимся к тематике данной статьи. Первое из них состоит в том, что сознание человека не только служит удовлетворению биологических в конечном счете потребностей по сохранению индивида и вида, но и обладает своего рода надбиологической самостоятельностью, проявляющейся, например, в самопознании и требующей самоудовлетворения, причем получаемое при этом духовное удовлетворение может не уступать по силе и по жизненной значимости телесным, так сказать, удовольствиям. Последнее обстоятельство, кстати сказать, в немалой степени способствует развитию как самого сознания, так и связанной с ним сферы духовной культуры. Такой самостоятельностью характеризуется не только личное, но и общественное сознание, определяемое в своей основе, как известно, общественным бытием с его материальной основой в виде производства. Это проявляется, в частности, в сильной дифференциации языка и духовной культуры у этносов, которые живут в сходных природных условиях и заняты, в сущности, одной и той же деятельностью (например, земледельческие народы в тропиках, скотоводческие в степях и полупустынях и т.п.). Второе заключение состоит в том, что человеческое сознание, которому присущи и некоторые иррациональные, «абсурдные» элементы, способно находить удовлетворение не только в успешной рациональной деятельности, но и в чем-то иррациональном, например, в религии (которую К. Маркс назвал «опиумом для народа»), в различных иллюзиях и социальных мифах, «сознательном» самоодурманивании алкоголем или иными наркотиками и т.п.

Сознание человека неразрывно связано с его, так сказать, сошиальностью и вместе с нею оказывает сильнейшее влияние на удовлетворение жизненно важных биологических в своей основе потребностей как по производству средств существования, так и по продолжению рода. Ведущая роль рациональных мотивов в сфере материального производства и потребления достаточно очевидна, она подробно показана в сотнях работ, причем в общественное производство и потребление может быть почти целиком включена, например, и такая отмеченная Л.Е. Дарским «потребность», как «информационно-исследовательская». Поэтому представляется более целесообразным упомянуть о существовании в этой сфере некоторых иррациональных, «абсурдных» элементов. К ним относятся, в частности, различного рода пищевые табу, установленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу, малорациональные изначально или ставшие таковыми вследствие их догматического соблюдения вне зависимости от изменения условий существования той или иной этнокультурной группы. Так, правоверный мусульманин во избежание немилости Аллаха скорее предпочтет голодную смерть, чем будет питаться свининой, а христианин решительно откажется от употребления в пищу конины. Многие традиционные методы приготовления пищи, например, жарение мяса на открытом огне, при которых уменьшается ее калорийность и теряются витамины, также никак нельзя отнести теперь к рациональным; часть из них, впрочем, перешла в разряд ритуальных. Одежда издавна подчинялась традициям, отнюдь не всегда полезным для здоровья, а теперь — причудам моды, которые зачастую также не относятся к рациональным, и т.д.

В социально осуществляемом и регулируемом процессе производства средств существования конкретные люди играют разную роль и имеют разные социальные статусы. Потребность в получении должного и по возможности более высокого статуса (вплоть до статуса главаря), наблюдаемая в элементарном виде и у некоторых стадных животных, у человека сочетается с более широкой потребностью утверждения себя как личности, не только чем-то отличающейся от других личностей, но и чем-то превосходящей. Эта отмеченная С.А. Арутюновым потребность «престижа» иногда удовлетворяется через, казалось бы, нерациональную форму «вейстинга» («растранжиривания»). «И накопление ненужных вещей, — пишет С.А. Арутюнов, — и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием (потлачи первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика — все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен» (Арутюнов, 1979. С. 75).

Особого и более пристального рассмотрения заслуживает до сих пор сравнительно слабо освещенный в нашей науке процесс, названный Ф.Энгельсом «производством самого человека, продолжением рода», и связанный с биологическим разделением основных половых функций мужчины и женщины, с появлением нового живого существа – нового человека. Некоторые стороны такого процесса недостаточно изучены до сих пор, а в прошлом были окутаны (как, впрочем, и смерть человека) покровом поистине священной тайны. Трудность изучения процесса, нередко именуемого «детопроизводством», состоит еще и в том, что его естественное начало – половой акт – у человека (в отличие почти от всех других животных) осуществляется и тогда, когда женщина физиологически не способна к зачатию: только в конце 20-х годов было установлено, что такая способность при всех прочих благоприятных условиях ограничена всего 1,5-2 днями месячного цикла (подробнее см.: Козлов, 1977. С. 82-91). Есть резон утверждать поэтому, что такая биологически не вполне рациональная потребность в половом сношении обусловлена в конечном счете особым инстинктом, могущим быть названным «половым инстинктом», удовольствие от удовлетворения которого по своей силе превосходит, как известно, все другие телесные и духовные удовольствия, но который, тем не менее, может удовлетворяться и некоторыми другими путями или не удовлетворяться вообще, обычно без особого вреда для индивида.

Относительная самостоятельность полового инстинкта, отчасти усиленная и нерациональными элементами сознания, отчетливо выявилась в ходе не так давно прошедшей на Западе «сексуальной революции», но она же и показала, что потребность в его удовлетворении не следует смешивать с «потребностью в детях», как это получилось у Л.Е. Дарского (подробнее по этим и другим рассматриваемым ниже вопросам детопроизводства см.: Козлов, 1977). Исследование сильного полового инстинкта, лежащего в сфере подсознательного, но проявляющегося нередко весьма причудливым образом через сознание, на своих высших «надстроечных» уровнях — в форме «любви» (см., например: Рюриков,

1967), в европейской науке долгое время сдерживалось стеной христианского ханжества, пока 3. Фрейду не удалось пробить в этой стене широкую брешь. И хотя сам 3. Фрейд и его последователи преувеличили роль полового влечения («либидо») в жизни людей, многие выдвинутые им положения, в частности о так называемой сублимации, т.е. о возможности хотя бы частичного удовлетворения либидо косвенным путем, например, через творческую деятельность в области искусства и литературы, заслуживают внимания. Во всяком случае, идея сублимации дает возможность хотя бы отчасти объяснить происхождение тех потребностей, которые называются «эстетическими», не связывая их с таинственной «душой», как это получается у многих наших авторов.

С самого начала истории человеческого общества половой инстинкт регулируется различными социальными установками как рационального, так и иррационального характера, определяющими допустимый возраст половых сношений и брачный возраст, выбор брачного партнера, форму брака, и даже время половых сношений; достаточно сказать о половом воздержании христиан во время постов, а также о том, что традиционные ограничения половых сношений в сельских местностях Индии в недавнем прошлом охватывали свыше 100 дней в году, было принято воздерживаться в дни молений определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии, а также в 11-й день лунного цикла, при подготовке к религиозным праздникам, после рождения ребенка (от 6 до 12 месяцев) и т.д.

Наряду с половым инстинктом в биологической сфере «детопроизводства» имеется и другой, особенно важный в видовом отношении инстинкт, который может быть назван «родительским» инстинктом. Удовлетворение этого инстинкта сильнее затрагивает духовную сферу человека, помогая многим ответить на «роковой» вопрос о смысле жизни, и он не менее сильно, чем половой, регулируется социальными установками. Такие установки носят здесь в целом более направленный характер, что проявляется, например, в традиционном для многих народов осуждении бездетности и восхвалении многодетности; религиозные установки индуизма и ислама особенно приветствуют при этом рождение сыновей.

Немаловажную роль в регулировании родительского инстинкта играют и меры в области так называемой демографической политики, проводимой сейчас во многих странах мира. Поэтому, хотя неудовлетворение этого инстинкта или его косвенное частич-

ное удовлетворение (например, путем заботы о домашних животных), подобно неудовлетворению полового инстинкта, обычно не оказывает пагубного влияния на здоровье, мощная социальная поддержка именно этого инстинкта позволяет отвратить угрозу для существования вида, возникающую благодаря биологически нерациональному поведению людей.

Сказанное выше относится главным образом к так называемому естественному воспроизводству людей, однако это лишь начальная стадия их воспроизводства, за которой следует стадия «социализации», или социально-культурного воспроизводства. В этом воспроизводстве на первых порах обычно принимают участие лишь родители младенца или — несколько шире — члены его семьи, которые учат его разговорному языку и передают какие-то элементы культуры, которые были до того усвоены ими самими от той социально-культурной общности, в которой они росли, воспитывались и обучались. Когда же дети, подрастая, вступают во все более широкие контакты с окружающими людьми, то социально-культурное влияние на них становится еще более сильным. Эту социально-культурную сторону воспроизводства людей надлежит особо учитывать в случае воспроизводства этносов с их сложными комплексами материальной и духовной культуры.

Очень важной является собственно природно-экологическая сторона жизнеобеспечения, к рассмотрению которой теперь можно перейти. Расселение людей из области их первоначального происхождения, лежавшей, как предполагают, в зоне сухих субтропиков, по всей ойкумене, вплоть до полярных областей, стало возможным благодаря способности человека к адаптации и переадаптации. Некоторую роль при этом играла биологическая (физиологическая) адаптация, что отчасти проявилось в возникновении расовых (антропологических) различий. Так, темная кожа негроидов, живущих в тропической зоне, за счет высокого содержания меланина защищает их от вредного влияния ультрафиолетовых лучей, широкие носовые отверстия, а также пропорции тела, обеспечивающие большую поверхность кожи, способствуют их лучшей терморегуляции и т.д. Но главным механизмом адаптации являлась культура, в первую очередь материальная культура, с помошью которой люди не только приспосабливались со временем к той или иной новой природной среде («экологической нише»), но и преобразовывали в большей или меньшей степени саму эту среду, создавая «культурные ландшафты».

Подводя здесь некоторые предварительные итоги изложенному, можно определить жизнеобеспечение человека на индивидуальном и групповом (этническом) уровне как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социальнокультурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства. Последнее относится как к преобладающим и ведущим рациональным компонентам, так и к некоторым иррациональным, но значимым в данном отношении ее элементам, без чего процесс жизнеобеспечения человека действительно может быть уподоблен процессу обеспечения деятельности очень сложной кибернетической системы, а вся история человечества — направленному (и здесь никак не обойтись без телеологии) «отлаживанию» этой системы.

В упомянутых выше работах культурологического направления вопросы жизнеобеспечения людей излагаются, к сожалению, неполно, да и не вполне точно, что отразилось и в толковании «культуры жизнеобеспечения». Авторы соответствующего подраздела в книге «Культура жизнеобеспечения и этнос...» по этому поводу пишут: «Непосредственный процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально-организованного территориального освоения, которое выражается в поселениях и образующих их жилищах, путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды. Эти элементы культуры могут быть интегрированы благодаря общему понятию «культура жизнеобеспечения» (КЖ) (Культура жизнеобеспечения и этнос, 1984. С. 36). Перечисленные элементы культуры, обычно включаемые этнографами в понятие «материальная культура», авторы предлагают включить в понятие «материальная сфера культуры», но это. так сказать, лишь детали рассуждения. Главное же состоит в том что «культура жизнеобеспечения» фактически отождествляется ими только с частью материальной культуры и ограничивается ею. «... Исследователя КЖ не должно, - заявляют авторы, - смущать то обстоятельство, что поселения, жилища, одежда пища выполняют определенные функции элементов духовной культуры» (Культура жизнеобеспечения и этнос, 1984. С. 37).

Далее, в разделе «Культура жизнеобеспечения в этнических системах», авторы, касаясь возможных аспектов характеристики

«культуры жизнеобеспечения», еще более урезают ее рамки, отмечая, что она больше касается сферы потребления, нежели сферы производства: «Грань между первичным производством материальных благ и завершающими этапами их производства на уровне КЖ следует проводить там, где блага (!?) начинают принимать форму, окончательно направленную на удовлетворение биологических жизненных потребностей. Так, производство муки не входит в КЖ, а выпечка хлеба входит; рубка леса не входит, а заготовка балок для дома входит в КЖ и т.д.». Авторы замечают, что человеческие потребности являются «не только физиологическими, но и в огромной мере социально обусловленными. Поэтому, изучая жилище, поселения, одежду и пищу, мы даже порой(?) не столько концентрируем внимание на чисто витальных функциях, сколько на том, как в них отразились художественно-эстетические, престижно-знаковые, этнические и идеологические установки данного общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру» (Культура жизнеобеспечения и этнос, 1984. С. 57-58). Однако такая «пора» для авторов монографии, видимо, еще не пришла, и в дальнейшем они дают обычное описание сельских поселений Армении, сельского жилища армян и «системы питания», дифференцируя их по трем основным природным зонам Армении. Никакого анализа подобной «культуры жизнеобеспечения», применительно к конкретной природной среде при этом не дается, и насколько полно она удовлетворяет потребности населения - остается по существу неизвестным.

В статье «Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре» С.А. Арутюнов и Ю.И. Мкртумян повторяют основные положения, относящиеся к упомянутой «культуре жизнеобеспечения», в том числе и пример со ссылкой на производство муки, что к «культуре жизнеобеспечения», по их мнению, не относиться, и выпечку хлеба, которая к ней относиться. При этом, правда, они, видимо отдавая дань моде на «системные» исследования, заменяют термин «культура жизнеобеспечения» на «жизнеобеспечивающая система» (Арутюнов, Мкртумян, 1984. С. 20), но анализ связей между компонентами «системы» не производится, и все это не делает сами рассуждения более убедительными как в теоретико-методологическом, так и в практическом, или «операционном» отношении.

Несовершенство изложенных рассуждений о «культуре жизнеобеспечения» («жизнеобеспечивающей системе») проявляется

в двух основных аспектах. Во-первых, как ясно из предыдущего, обеспечение людей жилищем, пищей и одеждой хотя и представляет собой биологически важную часть жизнеобеспечения, но составляет всего лишь ее часть, не вполне достаточную даже для нормального существования индивида и явно не способную поддерживать жизнь этноса. Во-вторых, их несовершенство в недостаточной обоснованности предложенного принципа выделения «культуры жизнеобеспечения» только из материальной культуры. Конечно, «культура» – понятие настолько широкое, что допускает самые разнообразные типологические построения, но они не должны быть алогичными. Даже в разделении культуры на ее материальную и духовную сферы есть доля условности, ибо элементы материальной культуры могут отражать и удовлетворять не только физические, но и какие-то духовные потребности, а элементы духовной культуры, например «идеи», могут, как известно, обладать и «материальной силой».

Внутри материальной культуры действительно можно выделить пищу, а пищу характеризовать «типологически» и по ее составу и питательным свойствам, и по способу приготовления, и по особенностям ее сезонного и внутрисемейного употребления и т.п. Но коль скоро речь идет и процесс жизнеобеспечения людей, являющегося, как указывал Ф. Энгельс, важнейшей стороной материального производства, то включить в него только выпечку хлеба и исключить из этого процесса все важные предшествующие стадии получения зерна и муки — значит нарушать элементарную логику. То же самое относится, естественно, и к рассуждению, по которому рубка дерева не относиться к жизнеобеспечению, а обрубка сучьев и затесывание ствола является «культурой жизнеобеспечения». В подобной «типологизации» явно поступают те самые элементы иррационального, без удовлетворения которых, очевидно, трудно обойтись, не только в бытовом сознании, но иногда и на научном поприще.

В культурологической трактовке «культуры жизнеобеспечения» («жизнеобеспечивающей системы») прослеживается некоторая связь с распространенной среди советских этнографов концепцией «хозяйственно-культурных типов» (ХКТ). Эта концепция, устанавливая связь между природной средой, хозяйством и материальной культурой этносов, по существу, имеет дело с проблематикой материального жизнеобеспечения, хотя разрабатывавшие ее ученые и их последователи сам этот термин до

сих пор обычно не используют. Касаясь этой концепции, отмечу, что этнографы давно уже обратили внимание на то, что народы, живущие в сходных природных условиях и стоящие примерно на одном и том же уровне развития, занимаются близкими видами хозяйственной деятельности, например, обитатели всей зоны степей — на низком уровне развития — охотой на диких животных и собирательством, на более высоком — земледелием и животноводством (скотоводством). В связи с этим у таких народов имеется немало однотипных элементов материальной, а иногда и отдельных элементов духовной культуры.

Однако в советской науке осознание факта существенного влияния природной среды на культуру и быт народов (особенно на доклассовой или первобытнообщинной стадии их развития) сильно тормозилось жупелом «географического детерминизма» и только в середине 50-х годов вылилось в концептуальную форму. По определению, предложенному в то время М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым и принятому без особых изменений до сих пор, под ХКТ следует понимать «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития» (Левин, Чебоксаров, 1955).

Концепция ХКТ и связанная с ней концепция историко-этнографических областей (ИЭО) позволили восстановить в этнографических работах чуть было не утраченную связь этносов со средой их обитания, что способствовало появлению добротных сочинений, характеризующих жизнь различных народов мира и их традиционную культуру, причем не только в конкретно-описательном плане, с особым вниманием к материальной культуре, но и с попытками обобщения и анализа. Однако имеющиеся в концепции ХКТ исследовательские потенции оказались то ли невелики изначально, то ли трудны для своего воплощения. Во всяком случае, созданные на основе этой концепции карта Л.А. Фадеева и Я.В. Чеснова «Хозяйственно-культурные типы в XV в.» (карта дана в кн.: Чебоксаров, Чебоксарова, 1971; 2-е изд. 1985. С.182-183) и даже более подробная карта Б.В. Андрианова «Хозяйственнокультурные типы мира (конец XIX – начало XX в.)» (Андрианов, 1985) в этнокультурном отношении недостаточно информативны.

Так, на первой карте, относящейся к XV в. и характеризующей ситуацию до начала интенсивной европейской колонизации,

в один и тот же тип: «охотники и собиратели степей и полупустынь» включены ареалы аборигенов Австралии, бушменов и готтентотов Южной Африки, индейцы южноамериканских пампасов и индейцы североамериканских прерий; хотя хорошо известно, например, что между австралийцами, небольшие бродячие группы которых занимались главным образом собирательством съедобных растений и насекомых с эпизодической охотой на птиц и животных, и индейцами прерий, основу жизнеобеспечения которых составляла охота на бизонов, в хозяйственно-культурном отношении нет почти ничего общего. Отраженное на карте типологическое подобие таких народов может лишь дезориентировать читателя.

Показательно, что и Б.В. Андрианов, немало потрудившийся над применением концепции ХКТ, в одной из основных своих статей по этой тематике пишет: «На всей территории первобытной ойкумены вплоть до периода неолитической революции (начавшейся 12-10 тыс. лет назад) медленно развивался один XKT, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и таежные охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн (Андрианов, 1981. С. 256). Нетрудно заметить, что предложенная «типологизация» не выдержана ни таксономически, ни экологически. Малочисленные первобытные коллективы обычно охотились либо в степи, либо в лесу. Поэтому выделение, с одной стороны, «степных охотников» и, с другой, - например, «охотников степей, саванн и лесов» (вероятно, субтропических лесов, но о них говориться в пункте «8») не очень логично.

Есть в ней и другие изъяны. Так, В.П. Алексеев, обратив внимание на объединение в одном типе «охоты» столь различных видов хозяйств, как охота на морского зверя в Арктике и охота на крупных животных в центральных районах Африки, резонно задал вопрос об «эвристической ценности» такой типологизации (Алексеев, 1984. С. 353). Если же перейти от типологии хозяйства к типологии культуры, то предложенная «типологизация» мало помогает познанию ее дифференциации.

Отсутствие в работах последователей концепции XKT не только понятия, но обычно и самого термина «жизнеобеспечение», что видно и по следующей далее статье Б.В. Андрианова, конечно, досадно. Однако простое приложение к описанию та-

ких важных для этой концепции элементов материальной культуры, как жилище, пища и одежда, термина «жизнеобеспечения» по рассмотренному выше примеру культурологов способно не на много продвинуть вперед изучение проблематики жизнеобеспечения. Здесь требуются какие-то дополнительные конкретно-методологические разработки. Видную роль в данном отношении играет выдвинутая В.П. Алексеевым концепция антропогеоценоза.

В.П. Алексеев, отметив сравнительно слабую «эвристичность» концепции ХКТ, с целью углубления этой концепции развил понятие биогеоценоза, обычно применявшегося к популяциям животных, до приложимого к популяциям людей понятия «антропогеоценоза». Последнее он трактует как «симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией (или, говоря иначе, коллектив в сочетании с эксплуатируемой им территорией) на ранних этапах человеческой истории». Он считает антропогеоценозы «элементарными ячейками, из которых слагаются хозяйственно-культурные типы», однако сумма соседствующих антропогеоценозов не приводит, по его мнению, к появлению у ХКТ необходимых признаков «системы».

Основными компонентами структуры антропогеоценозов В.П. Алексеев полагает «хозяйственный коллектив», «производственную деятельность» и «эксплуатируемую территорию» и, кратко рассматривая каждый из них, отмечает, в частности: «Что получает коллектив от эксплуатируемой территории? В первую очередь пищу. Состав, изменение состава по сезонам, количество пищи, характерные именно для данного антропогеоценоза, можно обозначить как пищевую цепь. Очевидно, пищевая цепь есть одна из функциональных связей микросреды и хозяйственного коллектива. Она зависит от численности коллектива, производительности труда, интенсивности хозяйства и географических характеристик среды, а также в отдельных случаях и от состояния других пишевых цепей в границах данного хозяйственно-культурного типа. Вторая линия связи хозяйственного коллектива и среды осуществляется через получение им материалов для построек, одежды, сырья для изготовления орудий труда и оружия. В последнем случае можно говорить и об обменных контактах с другими антропогеоценозами как своего, так и иных хозяйственно-культурных типов, так как природная среда антропогеоценоза не всегда снабжает хозяйственный коллектив всем потребным ему сырьем... Всю совокупность извлекаемого в процессе производства сырья, полезного для человека, можно обозначить как производственно-хозяйственную цепь внутри данного антропогеоценоза» (Алексеев, 1975).

Кроме «обменных контактов», обусловленных потребностями в сырье, В.П. Алексеев отмечает и контакты, приводящие к передаче трудового опыта от одного коллектива к другому, и пишет: «Будь то самостоятельные технические достижения, будь то заимствованные – все они в совокупности образуют сумму знаний, в какой-то степени неповторимых, отличающих данный хозяйственный коллектив от всех других. Эту сумму знаний можно назвать информационным полем хозяйственного коллектива». Кроме того, В.П. Алексеев выделяет два основных типа антропогеоценозов, относя к первому из них «хозяйство собирателей и охотников», «охотников и рыболовов», а также подсечно-огневое земледелие и кочевое скотоводство, и ко второму типу хозяйства, основанные на «стойловом содержании скота и развитом земледелии», при которых хозяйственные коллективы «изменяют природную среду и определяют ее динамику, а не подчиняются ей», как это наблюдается при первом типе. Обращаясь к динамике этих типов антропогеоценозов во времени, он обуславливает ее тем, что «любой хозяйственный коллектив стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей и, следовательно, заинтересован в интенсификации своей производственной деятельности» (Алексеев, 1975).

Философ Э.Г. Юдин в статье, следующей за изложенным В.П. Алексеевым понятия антропогеоценоза, отмечает конкретность и системность этого понятия и его преимущества перед понятием ХКТ, которое «достаточно для построения общей схемы эволюционного процесса... но оказывается слишком скудным, когда речь заходит об анализе процессов функционирования». Вместе с тем он отмечает некоторые недостатки в рассуждениях В.П. Алексеева. По его мнению, проделанное тем «выделение структурных компонентов, функций и связей несет на себе заметный отпечаток произвольности». Э.Г. Юдин считает, в частности, неточным отнесение производственной деятельности в разряд только структурных компонентов и пишет: « «Если... нас интересует динамика антропогеоценоза, то деятельность коллектива лучше, вероятно, рассматривать как функцию, а если мы строим, к примеру, типологию антропогеоценоза, то здесь деятельность окажется, скорее всего, компонентом структуры».

Обращая внимание и на «методологические неудобства анализа внутренних связей антропогеоценоза», Э.Г. Юдин замечает,

что «информационное поле, например, едва ли можно непосредственно соотнести с пищевыми цепями». По его мнению, можно интуитивно предположить, что с возрастанием информационного поля должна возрастать и плотность пищевых связей, но такое предположение трудно эмпирически проверить. Понятие «информационное поле» вообще представляется ему очень неопределенным и поэтому не операционным. «Во-первых, — пишет он, - сами по себе знания вряд ли правомерно толковать как связи в системе: связи создаются не знаниями как таковыми, а их применением. Во-вторых, представляется маловероятным, чтобы при анализе конкретных антропогеоценозов можно было оперировать такой общей категорией, как «знание», за которым фактически скрывается вся сфера духовной деятельности; по-видимому, здесь нужен кто-то иной, более определенный параметр... Наконец, с категорией информационного поля трудно работать при анализе реальных антропосистем, ибо это поле нечем "вспахивать" - т.е. измерять его» (Юдин, 1975).

Других обстоятельных попыток подвергнуть критическому анализу понятие антропогеоценоза, насколько мне известно, не было, и, видимо, поэтому В.П. Алексеев, оставив это понятие, по существу, без изменений, в своей новой книге «Становление человечества» расширил и развил его в концепцию, отнюдь не уступающую по своей методологической значимости концепцию XKT, а в методически-исследовательском отношении и превосходящую ее. В частности, он пояснил свое понимание «информационного поля», разложив его на три «уровня». «Первый из них — этнический уровень, т.е. тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и предопределяют включение именно в состав данного народа и никакого другого. Второй уровень, видимо(?), составляют те знания и представления, которые связаны с отношением данного антропогеоценоза с другими антропогеоценозами сходного или, наоборот, противоположного(?) типа, иными словами, все то, что входит в сферу обмена и контактов. Наконец, в качестве третьего уровня можно выделить те конкретные знания, которые накоплены в коллективе и которые составляют его узколокальную специфику: определенные агротехнические навыки и наблюдения, полученные в процессе ведения земледельческого хозяйства на данных почвах, навыки пастьбы животных в условиях именно данного ландшафта и выбора лучших пастбищ, знакомство с охотничьими угодьями и т.д., т.е. по возможности, полное представление о своем микрорайоне» (Алексеев, 1984. С. 370—371). Однако и при таком пояснении понятие «информационное поле» остается недостаточно операционным: вряд ли кто возьмется его измерять и моделировать, тем более что его «уровни» выделены недостаточно четко; если антропогеоценоз входит, например, в состав какого-то народа (а именно так обычно и бывает), то второй «уровень» почти невозможно отделить от первого и т.п.

Более полно В.П. Алексеевым было показано и значение антропогеоценоза как «самостоятельной единицы в сфере географических адаптаций культуры», что особенно близко к тематике этнической экологии и потому заслуживает внимательного рассмотрения. Прежде всего, В.П. Алексеев подчеркивает сильную зависимость охотничьих коллективов от богатства фауны эксплуатируемой территории. При кризисах в животном мире «наступает кризисная ситуация и в хозяйственном коллективе: он либо вымирает (собирательство может восполнить недостаток пищи лишь в слабой степени и на короткий промежуток времени), либо должен перейти к иной системе хозяйства и жизнеобеспечения, либо, наконец, вынужден покинуть эту экологическую нишу и занять новую» (Алексеев, 1984. С. 374). Подсечно-огневое земледелие и его другие примитивные виды также зависят от природных условий, характеристики которых легко, по мнению автора, поддаются, как и в случае охоты, количественному учету и позволяют «... легко вывести в условиях конкретного этнографического изучения оптимальный баланс, потребный для функционирования данного хозяйственного коллектива.... Этот баланс предопределяет минимальный лимит урожая (численность коллектива соотносится... не с максимальными, а с минимальными цифрами необходимых запасов пищи), и через него и демографические характеристики хозяйственного коллектива в пределах данного антропогеоценоза» (Алексеев, 1984. С. 375). Далее В.П. Алексеев отмечает «отражение ландшафтно-климатической специфики» в конструкции жилищ, в видах одежды и орудий труда, а также и в сфере духовной жизни: в народном искусстве и в фольклоре, основанном на конкретных образах.

Некоторые из этих положений, по моему мнению, также желательно уточнить или доработать, а иногда просто оговорить. Следует учесть, прежде всего, что антропогеоценоз в отличие от биоценоза представляет собой не замкнутую, а довольно откры-

тую систему, которая (как неоднократно отмечал и сам В.П. Алексеев) обычно существует лишь в контакте с системами других антропогеоценозов. Но он об этом обстоятельстве затем почему-то «забывает», а именно оно сильно затрудняет составление какихто балансов и шире – моделирования, основанного только на внутренних характеристиках. В учете же внешних факторов появляется много произвольного. Это касается даже баланса по «пищевым цепям», не говоря уже о множестве других «цепей», которые необходимо учитывать в этнической экологии. Не вполне понятно далее, как на основе такого «баланса» можно исчислить демографические характеристики, ибо один и тот же количественный рост может получиться, например, как при сочетании высокой рождаемости с высокой смертностью, так и при низкой рождаемости с низкой смертностью. Кроме того, антропогеоценоз (опять-таки в отличие от биогеоценоза) характеризуется не только количественным ростом, но и «качественным» развитием, а движущие силы этого развития в концепции антропогеоценоза даны довольно туманно. Вначале В.П. Алексеев объясняет такое развитие тем, что хозяйственный коллектив сам собой стремится ко все более полному удовлетворению своих потребностей, но не называет никаких иных потребностей, кроме пищи и других элементов физического жизнеобеспечения, кстати сказать, мало отличающих людей от других видов млекопитающих. Затем он предлагает сбалансировать систему антропогеоценоза не по максимальному или «полному» удовлетворению потребностей, а уже по «минимальному лимиту», что применительно к реальной жизни может означать постоянно-повседневный режим строгой экономии, который был неизвестен, кажется, ни одному из наблюденных этнографами народов и который скорее тормозит развитие, нежели способствует ему.

Идея о самоограничении племенными общностями своих потребностей очень близка, кстати сказать, к развиваемой демографом А.Г. Вишневским концепции «демографического гомеостаза», согласно которой первобытные люди были своего рода стихийными мальтузианцами и, чтобы сбалансировать свои потребности с природными условиями, прибегали к абортам, детоубийствам, убийству стариков и т.п. (Вишневский, 1976. С. 24—29; 1982. С. 52—58). В действительности же люди на ранних стадиях своего развития не очень стремились к самоограничению, и даже при сократившемся числе промысловых животных, например,

охота обычно нацеливалась не на минимум, а на максимум добычи. За удачной охотой следовало пиршество, а затем вновь полуголодное или голодное существование с надеждами на новую удачу. Возникавшие же время от времени экологические кризисы в случае невозможности разрешить их путем миграций являлись важным стимулом развития: побуждали совершенствовать орудия труда, способы охоты и т.д.

Довести понятие антропогеоценоза до полной, так сказать, операциональной кондиции — очень трудно, но, тем не менее, его вполне можно употребить в этнической экологии. В.П. Алексеев полагает, что его могут использовать и этнографы, но без экологизации традиционной этнографии надеяться на это не приходится. Он же сам заметил, что при этнографической характеристике питания, например, «в плане оценки ее (пищи — B.K.) места в культуре данного общества или данного народа, то основное, что в ней выделяется, это не набор продуктов, более или менее общий как у земледельческих, так и у скотоводческих народов, а способы их приготовления» (Алексеев, 1984. С. 368). То же самое В.П. Алексеев отмечает по отношению к характеристике жилища, когда основное внимание обращается на форму жилища, специфику интерьера (в частности, расположение очага) и т.д.

Но дело даже не столько в этом, сколько в том факте, что и способы приготовления пищи интересуют этнографов-культурологов преимущественно в типологическом плане, а не в плане жизнеобеспечения. Очень трудно найти этнографическую работу, автор которой, характеризуя различные способы традиционного приготовления пищи, обратил бы внимание, например на калорийность пищи и на изменение ее основных потребительских характеристик в результате того или иного приготовления. Нередко отвергается даже возможность такого подхода; заявляется, что «этнографов пиша интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности (!?), а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношение людей в обществе и нормы их поведения(?), формы поведения, традиционные для данного общества» (Этнография питания народов Зарубежной Азии, 1982. С. 3). Составить по таким работам хоть какое-то представление о проблемах пищевого обеспечения тех или иных народов мира, конечно, столь же трудно, как, скажем, по поваренной книге. И видимо, поэтому ценная концепция антропогеоценоза, нацеленная, в частности, на учет баланса в пищевых и других «цепях» жизнеобеспечения, не привлекла до сих пор пристального внимания традиционных этнографов. Использовать ее надлежащим образом могут только этноэкологи.

Критический анализ изложенных выше культурологических и этнографо-антропологических подходов проводился мной с позиции этнической экологии, содержание которой рассмотрено во введении к данной книге. Поэтому к сказанному можно добавить немного, главным образом в виде заключительных выводов. Первый из них состоит в том, что трудная задача изучения сложной системы жизнеобеспечения этносов в настоящее время обычно упрощается и нередко ограничивается вопросами физического (материального) обеспечения. При этом культурологи видят свою основную задачу в типологическом описании некоторых важных сторон материальной культуры с точки зрения их структурных связей с физическим обеспечением, например способов приготовления пищи, не обращая существенного внимание на конечные, т.е. жизненные результаты таких действий.

Собственно этнографы (и этноантропологи) обычно также не идут далее общей типологической систематики хозяйства и материальной культуры в рамках концепции ХКТ. Предложенная В.П. Алексеевым концепция антропогеоценоза, позволяющая в некоторых случаях применить системный подход, еще не опробована практически и нуждается, как уже отмечалось выше, в некоторой доработке, чтобы приблизить ее к понятию экосистемы, под которой поднимается группа людей, связанных этнокультурными традициями и способами удовлетворения жизненных потребностей в определенных природных (и природно-социальных) условиях существования относительно автономно от других групп людей. Правда, и в этом случае применение понятия «антропогеоценоз» не упрошает, а усложняет исследование, но зато может дать ценные результаты. До настоящего времени известны попытки более или менее детального анализа лишь одной, хотя и не очень важной, части экосистемы в виде «пищевой цепи» (Крупник, 1989). Что же касается духовного жизнеобеспечения, но эта проблематика как таковая в этнографической литературе по существу никак еще не разрабатывалась, огромные материалы по духовной культуре, большей частью описательного характера, ждут направленного анализа.

Проблемы, связанные с естественным воспроизводством этносов, основательно разработаны главным образом в рамках эт-

нической демографии и нуждаются лишь в несколько большем внимании к влиянию экологизации, в частности, к учету влияния на воспроизводство экологических кризисов. Довольно основательно разработана и проблематика социально-культурного воспроизводства этносов, главным образом в рамках исследования этнических процессов, хотя некоторые разделы, в первую очередь те, которые связаны с этнической психологией (например, о «ценности» этнической принадлежности), еще ждут своих исследователей. Здесь требуется и гораздо большая экологизация исследований, особенно в отношении анализа связи этнического (национального) самосознания со спецификой материальной и духовной культуры, с представлением о «родной земле», с привычными ландшафтами и т.д., что на примере этнических групп мигрантов рассматривается далее в статье Н.М. Лебедевой.

Дальнейшие исследования жизнеобеспечения этносов могут, как мне представляется, развиваться по двум основным путям. Первый из них направлен на продолжение исследований «пищевых цепей» и предполагает включение других «цепей» материального обеспечения с возможно более подробными и количественными характеристиками. Однако доведение расчетов до бухгалтерского «баланса» не представляется возможным из-за того, что этнологические системы жизнеобеспечения являются обычно более или менее открытыми, а также из-за больших трудностей измерения внешних, далеко не всегда устойчивых «приходов» и «расходов». Другой путь направлен на возможно больший охват всех слагающих систему жизнеобеспечения, включая и ее духовную сферу, с возможной количественной характеристикой отдельных элементов, но с обязательным анализом их конечных результатов.

Проблема выбора критериев для оценки конечных результатов жизнеобеспечения этнических групп или успешности адаптации популяций к среде обитания не подверглась до сих пор специальному рассмотрению. Сделанный мной по этому вопросу доклад на конференции по исторической экологии (Нальчик, 1987) ставил целью наметить основные варианты разработки таких критериев (Козлов, 1987. С. 177). В биологии главным критерием степени адаптации, или жизнеобеспечения, считается режим воспроизводства — возрастание численности особей в той или иной популяции. Для этнических групп и вообще для популяций людей показатель воспроизводства явно недостаточен. Тот факт, что естественный прирост населения в развивающихся странах

больше, чем в развитых, еще не означает, что система жизнеобеспечения в первых значительно лучше. Поэтому для отбора таких критериев требуется специальный анализ, отчасти проводимый далее в статье О.Д. Комаровой. Представляется целесообразным включить в число показателей успешной адаптации такие показатели, как заболеваемость и смертность (с выделением прежде всего эндогенных и экзогенных причин), психическое здоровье, а также долгожительство (показатель, уже опробованный в комплексном исследовании явлений долгожительства) (Феномен долгожительства, 1982; Абхазское долгожительство, 1987; Долгожительство в Азербайджане, 1989). Примерная схема подобных исследований в настоящее время уточняется в ходе исследования русских сельских старожилов в республиках Закавказья (Дубова, Лебедева, Оборотова, Павленко, 1989)³.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Абхазское долгожительство. М., 1987.
- Алексеев В.П. Антропогеоценозы сущность, типология, динамика // Природа. 1975. №7.
- 3. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.
- 4. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
- 5. Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1971.
- 6. Андрианов Б.В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М., 1981.
- 7. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985.
- Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1979. №12.
- 9. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- 10. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982.
- Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М. 1979. С.89-92.

³ На основании исследований, проведенных в 1980–1990-е годы в Закавказье (Русские старожилы Азербайджана, 1990; Русские старожилы Закавказья, 1995) и в Пермской области (см., например: Дубова, Комарова, Ямсков, 1995; Дубова, Лопуленко, 1995) была разработана методология этих исследований, подготовлены специальные схемы и опросники (Методы этноэкологической экспертизы, 1999) – Примеч. ред.

- 12. Демографическая революция. М., 1976.
- 13. Долгожительство в Азербайджане. М., 1989.
- Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 81. М., 1995.
- Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожилов в Азербайджане (середина XIX—начало XX в.) // СЭ. 1989. №5.
- Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 87. М., 1995.
- 17. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. №1.
- 18. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
- Козлов В.И. Этнокультурная адаптация к среде обитания и проблема ее оценки // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С.177.
- Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канале. М.. 1989.
- 21. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
- Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования. (На материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984.
- 23. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ. 1955. №5.
- 24. Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В.В. Степанов. М., 1999.
- 25. Обуховский К. Психология влечения человека. М., 1977.
- 26. Общая психология: Учебное пособие для пединститутов. М., 1970.
- 27. Платонов К.К. Краткий словарь психологических понятий. М., 1981.
- 28. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- Русские старожилы Азербайджана / Отв. ред. Козлов В.И., Дубова Н.А. Ч. 1, 2. М., 1990.
- Русские старожилы Закавказья / Отв. ред. Козлов В.И., Павленко А.П. М., 1995.
- 31. Рюриков Ю.Б. Три влечения. М., 1967.
- Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 1-е изд. М., 1971; 2-е изд. 1985.
- 34. Этнография питания народов зарубежной Азии. М., 1982.
- 35. Юдин Э.Г. Системные идеи в этнографии // Природа. 1975. №7.
- 36. Orlov B.C. Ecological anthropology // Ann. Rev. of Anthrop., 1980. Vol. 9

ЧАСТЬ 1

Понятийно-терминологический аппарат исследований жизнеобеспечения

СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ¹

Анализируется содержание понятий «жизнеобеспечение» и «система жизнеобеспечения» в понимании профессора В.И. Козлова, их сходства и различия с разработанным в советской этнографии понятием «хозяйственно-культурный тип». Негативно оценены недавние попытки заменить последнее на производные от термина «жизнеобеспечение» в подражание англоязычной культурной антропологии. Намечены перспективные сферы применения и дальнейшей разработки понятия «системы жизнеобеспечения» в указанной трактовке В И Козлова

ыход в свет статьи В.И. Козлова, посвященной понятию «жизнеобеспечение» и производной от него «системе жизнеобеспечения» (Козлов, 1991. С. 26, 39), действительно стал принципиально важным событием в развитии этнической экологии. Более того, эта работа существенно повлияла и на эволюцию взглядов гораздо более широкого круга отечественных специалистов на задачи этнографического исследования и применяемый понятийно-терминологический аппарат. Мне уже доводилось отмечать, что именно предложенная В.И. Козловым расширенная трактовка «жизнеобеспечения» стала в наши дни наиболее распространенной в российской науке, что далеко не всегда прямо признается применяющими ее исследователями (Ямсков, 2009. С. 75). Это произошло несмотря на то, что ранее были сформулированы и обоснованы существенно иные взгляды на данное и близкие ему понятия, включающие в себя тот же корень «жизнеобеспечение» (Арутюнов, 1989. С. 202; см. также: Арутюнов, Мелконян, 1983;

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы». Проект «Формирование и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения этнокультурных регионов на Евразийском пространстве (социальная и экологическая составляющие)». Руководитель проекта д.и.н. Н.А. Дубова.

Крупник, 1989. С. 14-15; см. также: Крупник, 1977). Однако предшествовавшие трактовки «жизнеобеспечения», предложенные С.А. Арутюновым и И.И. Крупником, в итоге получили ныне заметно более ограниченное распространение (см. подробнее: Ямсков, 2009. С. 89, 92).

Как отмечал В.И. Козлов, «... можно определить "жизнеобеспечение" как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путём адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ ...» (Козлов, 1994. С. 93; см. также исходное и мало отличающееся определение: Козлов, 1991. С. 26). Ему принадлежат и такие слова: «Жизнеобеспечение групп (общностей) людей достигается путём их адаптации к условиям среды обитания ...» (Козлов, 2005. С. 19). В связи с этим повторю свой прежний вывод, что подобное крайне расширенное понимание В.И. Козловым понятия «жизнеобеспечение» по сути позволяет считать его своего рода синонимом, или почти синонимом, понятия «адаптация». Отсюда возникает закономерный вопрос, а нужно ли вообще вводить в науку такую всеобъемлющую трактовку термина «жизнеобеспечение», и если да, то зачем (Ямсков, 2009. С. 86). Попытке отыскать возможный ответ на этот принципиальной важности вопрос и посвящена данная статья. В более общем плане, речь ниже пойдет о том, каким образом и с какой целью стоит или не стоит применять указанные понятия «жизнеобеспечение» и близкие к нему.

Начнем с того, что понятие «система жизнеобеспечения» как строгий и точно определенный научный термин получило свою трактовку в работах И.И. Крупника под несомненным влиянием исследований американских эколого-антропологов. В частности, он сам прямо указывал на использование этого термина в качестве расширенного и дополненного аналога применяемого американскими авторами термина «subsistence» (Крупник, 1989. С. 14-15), а ранее активно употреблял «жизнеобеспечение» просто как перевод последнего (Крупник, 1988. С. 58; см. также: Крупник, 1977). Термин «subsistence» действительно можно условно перевести как жизнеобеспечение, но все же более точное его значение — средства существования, или обеспечение средствами существования (Ямсков, 2009. С. 80). В зарубежном аналоге отечественной этноэкологии, то есть в американской экологической антропологии (см. подробнее о последней: Ямсков, 2011; Ямсков, 2013б), ши-

роко используется целая серия производных от «subsistence» терминов. Это, например, «subsistence activities», или виды деятельности по обеспечению средствами существования, такие как «выпас скота, выращивание культивируемых растений» (Netting, 1986. Р. 44); «subsistence techniques», или способы обеспечения средствами существования, как, например, «собирательство, охота, рыболовство, скотоводство, подсечно-огневое земледелие» и т.д. (Ellen, 1989. Р. 125). Очень часто также встречается термин «subsistence systems», под которым обычно понимаются различные системы обеспечения средствами существования, свойственные «охотникам-собирателям, скотоводам, традиционным земледельцам» (Могап, 1982. Р. 42; см. также аналогичное словоупотребление: Lomax, Arensberg, 1977. Рр. 666-667; Sutton, Anderson, 2014. Рр. 55-56, 215).

Очевидно, что понятие «subsistence systems», или «системы обеспечения средствами существования», равно как и близкие к ним по лексическому оформлению, по своему содержанию весьма напоминают отечественный «хозяйственно-культурный тип» (Левин, 1947; Левин, Чебоксаров, 1955). Например, И.И. Крупник прямо указывает на то, что используемое им в переработанном англоязычном издании монографии понятие "subsistence mode" (т.е. «способ жизнеобеспечения») наиболее близко такому понятию советской этнографии, как «хозяйственно-культурный тип» (Krupnik, 2014. Р. 7). К сожалению, это определенное сходство данных понятий привело к участившимся в последнее время попыткам заменить последний термин на производные от «жизнеобеспечения». В частности, академик В.А. Тишков уже писал о «способах жизнеобеспечения» (то есть фактически об отраслях хозяйства - охоте, собирательстве) или о «формах жизнеобеспечения» либо «системах жизнеобеспечения». Последние термины он применял в качестве синонимов и трактовал их именно как «subsistence systems». или различные системы обеспечения средствами существования, на основе которых сложились «общества охотников-собирателей», «скотоводческие общества», «аграрные общества» и т.д. (Тишков, 2003, с. 80-84). Каких-либо аргументов в пользу такого подхода или причин для игнорирования отечественной концепции хозяйственно-культурных типов В.А. Тишков при этом не приводил. Вероятно, его примеру последуют многие наши ученые, особенно начинающие. Но насколько оправданна такая замена, и в чем заключаются ее конкретные преимущества?

Напомню, что через понятие хозяйственно-культурного типа (далее – ХКТ) раскрывается культурная дифференциация человечества, являющаяся следствием неоднородности земной поверхности с точки зрения природных условий и обеспеченности природными ресурсами, что приводит к различным результатам культурной адаптации в сфере хозяйства, пищи, одежды и жилища и т.п., то есть к формированию разных ХКТ на отличающихся друг от друга по природным условиям и ресурсам территориях. Понятие историко-культурной области (далее – ИКО) отражает культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами, то есть различий в их пространственной близости друг к другу и в длительности культурных контактов между ними. Эти различия приводят как к возникновению достаточно мощного общего пласта культуры, в основном относящегося к соционормативной и гуманитарной сферам, в границах одной ИКО, так и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно из пространственно отдаленных ИКО (Ямсков, 2003. С. 69; Ямсков, 2013a. C. 51-52).

Концепция хозяйственно-культурных типов и историкокультурных областей во многом близка концепции или методологии «культурной экологии» (cultural ecology) Дж. Стюарда, появление которой обычно считается моментом рождения американской экологической антропологии как особого научного направления (Ямсков, 2011. С. 42—44). Обе эти концепции, советская и американская, не только были опубликованы в один и тот же 1955 год, но и, что главное, они очень схожи по своей сути. Так, элементы культуры, по которым определяется ее вхождение в тот или иной хозяйственно-культурный тип (ХКТ), вполне аналогичны «культурному ядру» Дж. Стюарда. Напротив, явления, позволяющие отнести определенную культуру к какой-либо историко-культурной области (ИКО), практически точно соответствуют «вторичным» или периферийным элементам культуры по Дж. Стюарду (Steward, 1955. Р. 37).

Таким образом, есть все основания считать, что концепция XKT и ИКО — одно из важнейших новаторских теоретических достижений советской этнографии, появившихся одновременно с американским аналогом. Более того, в отличие от советской этнографии, в зарубежной этнологии или культурной антрополо-

гии столь же детальных и обоснованных классификаций культур вообще не было создано. Например, попытка учесть все или по возможности большинство компонентов культуры в единой классификационной схеме, представленная многочисленными исследованиями американской школы "культурных ареалов" (culture area) первой половины – середины XX в., успеха не принесла (см. подробнее: Чеснов, 1976). Ведь при этом игнорировался сам факт принципиальной неоднородности любой культуры, лишь часть элементов которой выполняет функции непосредственной адаптации к условиям и ресурсам физико-географической среды и потому в своем пространственном распространении напрямую зависит от последних. Появление культурной экологии Дж. Стюарда преодолело данную ошибочную методику, что в итоге привело к свертыванию исследований в русле указанного методологического направления "культурных ареалов" (Ямсков, 2013а. С. 52-53).

Помимо очевидного превосходства в теоретическом отношении, отечественная концепция ХКТ обладает ещё одним бесспорным преимуществом над зарубежными исследованиями и обобщениями, основанными на понятии «subsistence systems», или системы обеспечения средствами существования. Дело в том, что советские этнографы создали многочисленные, весьма проработанные и детальные классификации ХКТ и карты их распространения на Земле на период конца XIX – начала XX века, когда на планете ещё в основном господствовали традиционные и близкие к ним сообщества. Впрочем, американские антропологи в итоге тоже пришли к сходным выводам, группируя традиционные культуры в определенные "системы обеспечения средствами существования" (subsistence systems), что по сути копирует подход в рамках XKT (Moran, 1982. P. 42; Sutton, Anderson, 2014. Рр. 55-56). Переходя к постановке и решению сходных задач в отечественной науке, в этой связи следует прежде всего упомянуть работы Б.В. Андрианова, то есть его развернутую схему классификации ХКТ (Андрианов, 1991. С. 167-169) и картосхему с более ранней и несколько менее подробной классификацией (Андрианов, 1985. Карта на форзаце). В советской этнографии были созданы и многие другие варианты картосхем распространения ХКТ, с соответствующими классификациями ХКТ (Алексеев, 1985. С. 88-89; Алексеева, 1986. С. 164-165; Андрианов, Чебоксаров, 1972. С. 8-9; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971. С. 172-173).

Правда, в американской культурной антропологии тоже был один пример очень подробной и развернутой классификации «систем обеспечения средствами существования», или «систем жизнеобеспечения» (subsistence systems). Основываясь на ряде экологических и социально-культурных параметров, Алан Ломакс и Конрад Аренсберг в итоге выделили 6 «классов» традиционных (доиндустриальных) обществ: собиратели, охотники и рыболовы, мотыжные земледельцы Америк, мотыжные земледельцы и животноводы Азии и Африки, кочевые и пастушеские скотоводы Африки и Азии, плужные земледельцы Азии и Европы (Lomax, Arensberg, 1977. Pp. 665, 668-679). По детальности и охвату культур народов мира эта работа вполне сопоставима с наиболее подробными классификациями хозяйственно-культурных типов, когда-либо выполненными советскими этнографами. Так, эти авторы положили в основу своей формальной классификации традиционных культур данные из атласа Дж. Мердока (Murdock, 1967) по 1254 культурам, добавив к ним сведения еще по 54 культурам из других литературных источников (Lomax, Arensberg, 1977. P. 663).

Однако, несмотря на большую известность и хорошую цитируемость, классификационная схема А. Ломакса и К. Аренсберга по существу не имела продолжения и дальнейшего развития. Дело в том, что они подошли к задаче классификации культур по вариациям «систем обеспечения средствами существования», или «систем жизнеобеспечения» (subsistence systems) сугубо формально. Эта строгость и жесткость в применении выбранных формальных критериев привели, однако, ко многим странным, мягко говоря, результатам. Например, в действительности близкие друг другу по культуре и часто — по происхождению группы («племена») из тропических лесов Амазонии оказались включены в таксоны то вместе с охотниками и рыболовами американской Арктики. то с мотыжными земледельцами и охотниками лесной зоны Северной Америки, то с собирателями Африки (см. подробнее: Dole, 1977. Р. 702). Кроме того, американские антропологи во второй половине – конце XX в. вообще не стремились к разработке детальных типологий культур, акцентируя свое внимание на вопросах функционирования, воспроизводства или трансформации последних. Что же касается классификации культур и их носителей – человеческих сообществ. то англоязычные специалисты обычно ограничивались самым обобщенным разделением на охотниковсобирателей, скотоводов, земледельцев и т.п. (см., например: Могап, 1982. Р. 42).

В свете сказанного выше можно сделать вывод, что попытки замены понятия «хозяйственно-культурный тип» на «систему жизнеобеспечения» и близкие к ней для классификации культур народов мира не имеют рационального обоснования и обусловлены лишь стремлением заимствовать подход, применяемый в современной американской культурной антропологии. Однако такое заключение справедливо только применительно к традиционным, или доиндустриальным, обществам (о последних см. подробнее: Ямсков, 2000. С. 178-179). Ведь именно для характеристики и классификации последних и была разработана концепция хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей. Повторю, что использование понятий этноэкосистема (антропогеоценоз) и XKT как обобщённой характеристики ряда однотипных этноэкосистем возможно лишь «... до mex nop, noкa соответствующие локальные сообщества основную часть продуктов питания и топлива получают непосредственно из освоенного ими участка географической среды либо за счёт натурального товарообмена с соседними группами. Но как только в используемой местным населением пище и энергоносителях начинают преобладать привозные товары, приобретаемые в рамках рыночных отношений, становится нецелесообразным применять концепцию ХКТ для описания соответствующей культуры, переставшей быть традиционной» (Ямсков, 2010. С. 117).

Для обобщения сведений о сообществах, находящихся на различных стадиях социо-культурной модернизации и уже явно отошедших от традиционного (в социально-экологическом и этнографическом смыслах слова) уклада жизни, становится необходимым применение понятия «система жизнеобеспечения» и производных от него. Видимо, именно в этой области лежат перспективы дальнейшей разработки содержания понятия «жизнеобеспечение» или «система жизнеобеспечения» как, с одной стороны, методологического основания конкретных исследований и сбора и упорядочивания фактических данных, так и, с другой стороны, обобщения полученных результатов и, возможно, классификации изученных сообществ.

* * *

Итак, на основе сказанного выше, можно сделать следующие предварительные выводы.

- 1. Понятия «жизнеобеспечение» или «система жизнеобеспечения» вполне можно трактовать в духе В.И. Козлова, то есть в крайне расширенном виде, тем самым практически сближая их по содержанию с понятиями «адаптация» либо «система адаптации». Однако это полностью оправдано только в том случае, когда, вслед за В.И. Козловым, в проводимом исследовании учитывается и демонстрируется, что ряд элементов культуры, прежде всего гуманитарной или социо-нормативной, может фактически играть дезадаптивную или нейтральную с точки зрения адаптации к среде обитания роль. Поэтому в данном случае изучение «жизнеобеспечения» или «системы жизнеобеспечения» выходит за рамки анализа функционирования только и исключительно адаптивных составляющих культуры исследуемого сообщества, то есть исследования адаптации в строгом смысле слова. В иных же случаях вряд ли целесообразно дублировать понятие «адаптация» термином «жизнеобеспечение» и производными от него, хотя это, увы, нередко случается в наши дни, ведь научный текст — не место для использования многочисленных и разнообразно звучащих синонимов для одного и того же понятия.
- 2. В отечественной науке, к сожалению, стали появляться факты использования термина «система жизнеобеспечения» для обозначения некритически заимствованного из англоязычной науки понятия «subsistence system» (система обеспечения средствами существования). Последнее применяется для обобщения основных черт хозяйственных укладов традиционных обществ и тем самым потенциально может фактически вытеснить понятие «хозяйственно-культурный тип», что следует считать крайне нежелательным. Во-первых, созданная в нашей стране концепция «хозяйственно-культурных типов» отличается гораздо большей детальностью и проработанностью и потому намного лучше подходит для классификации и упорядочивания сведений о природопользовании, хозяйстве, пище и других компонентах материальной культуры и т.п. особенностях уклада жизни доиндустриальных сообществ, выражаемых в зарубежной англоязычной науке понятием «subsistence systems». Во-вторых, использование термина «система жизнеобеспечения» в качестве фактического синонима понятия «хозяйственно-культурный тип» опять-таки прямо нарушает логику развития понятийно-терминологического аппарата науки, идущего в сторону все более точной и однозначной трактовки используемых терминов.

3. Наиболее перспективным представляется использование понятий «жизнеобеспечение» или «система жизнеобеспечения» при изучении и классификации сообществ, проходящих процесс социо-культурной модернизации или уже достигших высоких уровней модернизированности своего уклада жизни. В таких случаях концепция «хозяйственно-культурных типов» уже не может применяться в силу её внутренних ограничений. Поэтому применительно к модернизированным сообществам следует вести речь именно о «системах жизнеобеспечения» и различиях между последними в самых разных сферах культуры. К последним могут относиться, например, рационы питания, одежда, жилища с их внутренним убранством и оснащением бытовой техникой, системы расселения и трудовые миграции (маятниковые или сезонные), виды хозяйственной деятельности и орудия труда, используемые транспортные средства и т.п. Именно максимально расширенное понимание «жизнеобеспечения», предложенное в трудах профессора В.И. Козлова, наилучшим образом подходит для решения подобного рода задач этнографического и этноэкологического изучения современных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Алексеев В.П.* Человек: эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М.: Наука, 1985, 287 с. [картосхема «ХКТ мира» на вклейке между с. 88-89]
- Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: изд. МГУ, 1986, 216 с. [картосхема «ХКТ России» (реально – СССР) на с. 164-165]
- 3. *Андрианов Б.В.* Закономерности географической среды и хозяйственнокультурная дифференциация народов мира // Этническая экология: теория и практика / Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М., 1991. С. 149-171.
- 4. *Андрианов Б.В.* Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985, с. 17-40 [картосхема «ХКТ мира (конец XIX начало XX в.)» на форзаце]
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ, 1972, № 2, с. 3-16 [картосхема «ХКТ земного шара на рубеже XIX-XX в.» между с. 8-9]
- Арутнонов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса // Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 200-229.

- 7. *Арутнонов С.А., Мелконян Э.Л.* Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. С. 53-60.
- Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика / Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М., 1991. С. 14-43.
- 9. *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994.
- Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005. С. 15-32.
- Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореферат дисс... канд. исторических наук. М., 1977.
- Крупник И.И. Основные направления этноэкологии американской Арктики // Экология американских индейцев и эскимосов / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1988. С. 55-63
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.
- Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 2. С. 84-86.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ, 1955. № 4. С. 3-17.
- 16. *Тишков В.А.* Системы жизнеобеспечения и историческая типология обществ // Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 79-85.
- 17. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 169-214 [картосхема «ХКТ мира в XV в.» между с. 172-173]
- 18. Чеснов Я.В. О теории «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1976. С. 68–95.
- 19. *Ямсков А.Н.* Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом «Стратегия», 2000. С. 172-185.
- 20. Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара "Культурный ландшафт". Ред.: Калуцков В.Н., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. М.: изд. МГУ, 2003. С. 62-77.

- Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Том 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. Ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73-94.
- 22. Ямсков А.Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В.П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения) / Отв. ред. Н.А. Дубова. М. Одинцово, изд. «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т. 1. С. 114-118.
- 23. Ямсков А.Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Киров, 27-29 октября 2011 г. Киров: изд. «Коннектика», 2011, с. 39-51.
- Ямсков А.Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // ЭО, 2013а, № 4, с. 49-64
- Ямсков А.Н. Структура американских университетских учебников по основным направлениям экологической антропологии (рецензия на книги) // Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки». 20136, № 1 (11), с. 135-140.
- 26. *Dole G.E.* Comments on: *Lomax A., Arensberg C.* A Worldwide Evolutionary Classification of Cultures by Subsistence Systems (Current Anthropology, 1977. Vol. 8, № 4. Pp. 659-701) // Current Anthropology, 1977. Vol. 8, № 4. Pp. 702-703.
- 27. *Ellen R*. Environment, subsistence and system: the ecology of small-scale social formations. Cambridge, 1989 (первое издание 1982 г.).
- 28. *Krupnik I.I.* Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover: Dartmouth College Press, 2014.
- 29. *Lomax A., Arensberg C.* A Worldwide Evolutionary Classification of Cultures by Subsistence Systems // Current Anthropology, 1977. Vol. 8, № 4. Pp. 659-701.
- 30. *Moran E.F.* Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. 2nd ed. Boulder (CO): Westview Press, 1982 (первое издание 1979 г.).
- 31. *Murdock G*. Ethnographic atlas. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967.
- 32. *Netting R.M.* Cultural Ecology. 2nd ed. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 1986 (первое издание 1977 г.).
- 33. *Steward J.* Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear evolution. Urbana (IL): University of Illinois Press, 1955.
- 34. *Sutton M.Q., Anderson E.N.* Introduction to Cultural Ecology. 3nd ed. Lanham (MD): AltaMira Press, 2014.

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКА И ПАЛЕОЭТНОЗООЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ ОБ ЭКОЛОГИИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

В статье рассмотрены содержание терминов «палеоэтноботаника» и «палеоэтнозоология», их связи с этнической экологией, археологией и биологией, соотношение с близкими понятиями в сфере археологии, относящимися к исследованиям остатков животных и растений. Анализируются методы исследований в рамках палеоэтноботаники и палеоэтнозоологии и используемые археологические источники.

тническая экология — научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией). В ее основные задачи входит изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических общностей в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, закономерности формирования и функционирования экосистем (Козлов, 1991. С. 8). Поэтому, можно говорить, что этническая экология занимается «экологически ориентированными исследованиями культур народов мира» (Ямсков, 2005. С. 267).

В виде субдисциплин в этническую экологию включают «этническую ботанику» («этноботанику») и «этническую зоологию» («этнозоологию») (Этнография и смежные..., 1988. С. 89). Этническая ботаника — отрасль науки на стыке этнографии и ботаники, предмет которой составляет комплекс взаимосвязанных проблем, рассматриваемых под углом зрения отношения производственного коллектива с растительной частью экосистемы (Этнография и смежные..., 1988. С. 84). Проблематика этноботанических исследований охватывает вопросы, связанные с интродукцией растений (в т.ч. доместикацией — окультуриванием), адаптацией растительности в сферах материальной и духовной жизни, отра-

жением этого процесса в языке символов и в этнопсихологических особенностях восприятия мира (Этнография и смежные..., 1988. С. 84). Стоит отметить, что термин «этноботаника» достаточно прочно вошел в научную литературу и правомочность его использования не обсуждается, в крайнем случае, дискутируется лишь содержание термина. В свою очередь, термин «этноботаники» (построенный по тому же самому принципу) практически не используется в отечественной научной практике, хотя такое научное направление формально существует.

Под «этнозоологией» понимают научную дисциплину, изучающую своеобразие взаимоотношений отдельных этнических групп с миром животных, рассматривая эти взаимоотношения в двух планах: как они складываются практически и как они отражаются в духовном мире людей (Этнография и смежные..., 1988. С. 88-89). Первое связано со спецификой хозяйственных систем и годового хозяйственного цикла, которые в некоторой степени определяют своеобразие социальных отношений, церемоний и ритуалов, а также с использованием продуктов полученных от животных в хозяйстве, социальной жизни, народной медицине, ритуалах и т.д. Второе направление характеризует представления о мире животных, являющихся важной частью мировоззрения (местные системы классификации, названия животных в различных языках, символика, вызванная теми или иными представлениями о животных и их взаимоотношениях с людьми). а также изменения фауны вследствие деятельности человека. Действительно, согласно А. Блекли, «в жизненном опыте людей животные существуют в трех сферах (аспектах): биологической (непосредственно сами животные), психологической (имагинальной), и концептуальной (семиотической, символической и письменной)» (Bleakley, 2000. Р. 38-40). Таким образом, животные в этнозоологических исследованиях одновременно выступают: во-первых. в виде реальных биологических объектов; во-вторых, как их отражение в индивидуальном и коллективном сознании (независимо от того, являются ли они материальными или воображаемыми объектами); в-третьих, в виде образов, символов, кодов, знаков и т.д. При этом все перечисленные ипостаси «животных» в плане изучения человеческих культур стоит признать равноправными. В целом, можно резюмировать, что «этнозоология» изучает взаимоотношения человека с миром животных во всех их проявлениях, также как «этноботаника» — с миром растений.

При изучении обществ исторического прошлого аналогом этнической экологии, по-видимому, следует признать «историческую экологию человека», которая рассматривает экологию человека в историческом аспекте, то есть во временной динамике. Однако стоит отметить, что «на фоне достаточно неопределенного представления об объекте и методах экологии человека сейчас сложно в окончательном виде сформулировать основные положения исторической экологии человека» (Косинцев, 2006. С. 7). Независимо от этого, выяснение роли растений и животных в культуре, и особенно в жизнеобеспечении древних обществ, является одной из составляющих археологических исследований. Стоит согласиться, что найдется мало археологических публикаций частного или общего характера, где полностью игнорируются вопросы, связанные с использованием человеком прошлого растений и животных (в утилитарных либо сакральных целях), а также их образов.

Однако, если в отношении изучения особенностей использования растений (собирательство, земледелие, лесопользование) древним населением, на основе анализа растительных остатков из раскопок археологических памятников наряду с термином «археоботаника» (и как его синоним) достаточно часто применяется термин «палеоэтноботаника» (palaeoethnobotany), то термин «палеоэтнозоология» в отечественной литературе практически не встречается. Здесь нужно заметить, что по нашему мнению, хотя термины «археоботаника» и «палеоэтноботаника» существуют параллельно (первый используется преимущественно в Европе, второй в Америке), они не являются полными синонимами. Исходя из конструкции термина «археоботаника» («ботаника древности», а не «археологическая ботаника») исследует остатки растений из древних отложений, независимо от их генезиса, а «палеоэтноботаника» — роль и место растений в древних культурах, используя как один из источников археоботанические данные (т.е. результаты изучения остатков растений из археологических памятников). Такое понимание «палеоэтноботаники» близко целому ряду зарубежных специалистов и соответствует отечественному содержанию термина «этноботаника». В целом, проблема с определением названия научных направлений являющихся аналогами «этноботаники» и «этнозоологии» применительно к исследованиям обществ прошлого, по-видимому, связана с тем, что они ассоциируются чаще всего с изучением органических остатков (растительного либо животного происхождения) — по своей сути биологических объектов. Особенно ярко это проявляется в отношении «этнозоологической» сферы, где ретроспективные исследования традиционно связывают с изучением костей животных из археологических памятников.

В отечественной науке направление, занимающееся изучением костных остатков животных, полученных в результате археологических раскопок, чаще всего называют «археозоологией». При этом конкретное содержание, которое вкладывают в это понятие разные исследователи, может заметно отличаться. Хотя вопрос о содержании термина «археозоология» в отечественной научной литературе практически не обсуждается (каждый специалист решает его для себя лично), можно говорить о двух взглядах на археозоологию в целом и на основные задачи археозоологических исследований, где во главу угла ставятся разные аспекты этого научного направления. В одном случае археозоология трактуется практически исключительно как биологическая дисциплина, часть палеонтологии, в другом — рассматривается как часть археологических исследований. Эти взгляды нельзя назвать кардинально противоположными (взаимоисключающими), поскольку основным объектом исследований признаются остатки животных, но различия между двумя точками зрения вполне ощутимы.

По мнению Н.Г. Смирнова, «археозоология является специфической ветвью биологической науки, которая находится на стыке и в тесной взаимосвязи с археологией и науками о Земле, которые изучают геохронологию, стратиграфию, палеоклиматологию четвертичного периода», поэтому «археозоологию можно рассматривать как часть палеонтологии в качестве синонима термина четвертичная палеозоология» (Смирнов, 2013. С. 1152). Такой подход можно считать формально обоснованным, поскольку, при построении терминов, обозначающих междисциплинарные области знаний и состоящих из двух корней, определяющим является второе слово, логично, что «археозоология» — это «зоология древности». Напомним, что палеонтология (палеобиология), исследует ископаемые организмы, условия их жизни и захоронения (Реймерс, 1991. С. 316). Таким образом, объектом палеонтологии являются любые ископаемые остатки организмов, а также следы жизнедеятельности последних, а предметом — органический мир прошлого и законы его развития. Из этого следует, что «археозоология» раздел палеонтологии, который призван изучать животный мир древности на основании исследования любых остатков животных прошлого. Ассоциация археозоологии с изучением животных только четвертичного периода, по своей сути, дань традиции (из самого термина это никак не следует). В таком понимании связь с археологией выражается лишь в том, что последняя поставляет материал для палеонтологических исследований и по мере своих возможностей использует их результаты. При этом сами археологические памятники воспринимаются только как одна из форм местонахождений органических остатков. Поэтому, Н.Г. Смирнов (Смирнов, 2013) в обзорной статье, посвященной истории археозоологии в России (в основном четвертичной палеотериологии), относит к археозоологическим все исследования, так или иначе связанные с изучением остатков четвертичных животных. В целом, очевидно, что представленная трактовка термина «археозоология» имеет ярко выраженную биологическую окраску, а само понятие кажется излишним, так как дублирует более уместный (и более понятный) в данном случае термин «четвертичная палеозоология». Исходя из этой позиции, «археозоолог» — палеонтолог, изучающий животный мир определенного этапа развития Земли – четвертичного периода (в чем есть определенная доля истины). Такой подход, в крайней его форме, практически сводит исследования земледелия и животноводства к изучению биологических объектов и нередко превращается лишь в ботаническую или зоологическую экспертизу дериватов растений и животных, когда почти полностью игнорируется историко-культурный аспект проблемы.

Нельзя не согласиться, что в исследованиях, посвященных истории материальной культуры, применение методов и данных палеонтологии вполне обосновано (а в ряде случаев просто необходимо), но также очевидно, что цели у палеонтологов (в том числе и палеозоологов-четвертичников) и археологов разные. В первом случае это получение информации о биологических (морфологических и экологических) особенностях организмов прошлого, а во втором выяснение характера взаимодействия организмов с человеком: их роли в жизнеобеспечении человеческих коллективов, отражение растительных и животных образов в искусстве и мифологии.

Несколько иное содержание вкладывает в термин «археозоология» Е.Е. Антипина (Антипина, 2004. С. 8). Согласно ее точке зрения, к научным задачам изучения археозоологического материала относятся: «оценка вклада охоты в экономику и организация

охотничьей деятельности; характеристика основных форм и направлений животноводства, условий содержания разводимых животных с обозначением их породных особенностей, заболеваний и патологий; расчеты объемов и специфики мясного потребления в сложившейся системе жизнеобеспечения древних племен; выяснение взаимодействия между отдельными отраслями хозяйства, масштабов обменно-торговых связей и их значения в поддержании тех или иных культурно-хозяйственных типов; реконструкция ритуального использования животных и уровня косторезного ремесла в древности; а также экстраполяция результатов на социальные аспекты жизни самого человека». При этом под археозоологическим материалом понимаются остатки животных, извлекаемые из культурных слоев археологических памятников, а не все остатки животных четвертичного возраста. Исходя из такого представления о научных задачах археозоологии и особенностях археозоологического материала, археозоология уже не выглядит просто одним из направлений палеонтологии (четвертичной палеозоологией), а скорее представляет собой один из разделов археологической науки, имеющий междисциплинарный характер (археология, по сути, также является междисциплинарной наукой).

Как курьез можно отметить случаи, когда специалистов, занимающихся изучением костных остатков животных из раскопок, сами археологи называют «остеологами», при том, что «остеология» это раздел анатомии, «учение о костях». Конечно, исследователи, изучающие особенности охоты и животноводства древнего населения, имеют дело с костями животных, как с одним из первоисточников, поэтому знание остеологии (а также как минимум, артрологии — науки о суставах и миологии — науки о мышцах) является для них необходимым условием. Однако очевидно, что их интересует кость не как орган, а как свидетельство той или иной человеческой деятельности, своеобразный артефакт («экофакт», как иногда называют эту категорию объектов).

Среди американских и европейских специалистов разногласия относительно названия обсуждаемого научного направления проявляются еще более ярко. Возможно, такой разнобой связан не столько с междисциплинарным характером этой области знаний, сколько с категоричностью самих исследователей, придающих большое значение отдельным нюансам. Поэтому Е. Райтц и Е. Уинг отдельный параграф своей книги посвятили этому вопросу, который так и звучит — «Как называться?» (What's in a Name?)

(Reitz, Wing, 2008. P. 2-6). Термин археозоология (archaeozoology) преимущественно используется в отношении биологически ориентированных исследований, т.е. подразумевает под собой «зоологию древности» - палеонтологию, хотя археологический контекст полностью не игнорируется (что собственно совпадает с его пониманием частью российских специалистов). Параллельно с ним и даже более часто, применяется термин «зооархеология» (zooarhaeology, zoo-arhaeology, zooarcheologie, zooarchaeologia), что подчеркивает приоритет гуманитарной составляющей исследований (археологической или антропологической – в понимании американских специалистов), т.е. предполагается, что они не ограничиваются только зоологическими или экологическими интересами. Хотя Р. Лайман (Lyman, 1982) предлагал, чтобы термин «зооархеология» (zooarhaeology) относился лишь к изучению особенностей палеоусловий окружающей человека среды. Заметим, что и зарубежные специалисты четко не демаркируют понятия «археозоология» и «зооархеология». Так, известный английский исследователь С. Дэвис в ведение к своей книге «Археология животных» пишет: «Эта книга о зоо-археологии (известной также как археозоология), изучающей ископаемые фаунистические остатки из археологических памятников» (Davis, 1987. P. 19).

Кроме выше перечисленных и наиболее распространенных, в отношении обсуждаемой области знаний (или отдельных исследований) используются термины «остеоархеология» (osteoarchaeology), «биоархеология» (bioarchaeology), «этнозоология» (ethnozoology), «палеоэтнозоология» (paleoethnozoology).

Под «остеоархеологией» понимают изучение костей (преимущественно человека, значительно реже животных), происходящих из археологических раскопок, для целей исторических исследований. Однако, как справедливо отмечают Е. Райтц и Е.Уинг, «остеоархеология» подразумевает изучение костей (т.е. элементов скелета позвоночных), тогда как остатки беспозвоночных, которые также могут иметь большое значение для реконструкции локальных условий окружающей среды, хозяйственной деятельности человека, остаются как бы невостребованными (Reitz, Wing, 2008. P. 4).

Относительно правомерности использования термина «биоархеология» также нет единого мнения. Одни специалисты считают, что он должен применятся лишь к исследованиям человеческих останков, другие — ко всем объектам биологического

происхождения (остаткам человека, животных, растений), что, исходя из конструкции термина, вполне логично. Согласно второй точке зрения, зооархеология — это часть биоархеологии, и, в конечном счете, дисциплина в составе экологической археологии (Reitz, Wing, 2008. P. 4). Заметим, что американские исследователи в основном придерживаются первой точки зрения, а европейские — второй. В частности, международный журнал «Биоархеология Ближнего Востока» (Bioarchaeology of the Near East) в том числе публикует статьи, посвященные изучению остатков животных. Российские специалисты к археобиологическим (биоархеологическим) источникам относят *«разного типа органические остатки из археологических памятников»*, среди которых можно выделить *«археоботанические, археозоологические и археопочвенные источники»* (Косинцев, 2006. С.115-116).

В свою очередь, термин «этнозоология» подразумевает, что исследования направлены на изучение разных аспектов отношений человека и животных, которые могут выходить далеко за рамки простого утилитарного использования. Соответственно, «палеоэтнозоология» изучает эти взаимоотношения в обществах прошлого, привлекая различные источники, в том числе и остатки животных. В этом отличие «зооархеологии» и «палеоэтнозоологии». Первая оперирует преимущественно остатками животных как источником историко-культурной информации, вторая — использует все возможные источники, и зооархеологический (кости животных») — только один из них. Поэтому мы считаем, что исследования, имеющие своей целью изучение места и роли животных в человеческой культуре исторического прошлого во всем их многообразии, оправданно относить к «палеоэтнозоологии».

Таким образом, в идеале целью «палеоэтнозоологических» исследований является ретроспективная реконструкция всей полноты отношений между человеком и животным миром на основе комплексного изучения любых биоархеологических, собственно археологических и других исторических источников (в частности письменных).

Материальные свидетельства, полученные в результате раскопок археологических памятников включают: остатки животных и контекст их нахождения, следы жизнедеятельности животных, предметы, связанные с их эксплуатацией, зооморфные изображения, палеоантропологические свидетельства контактов с животными и т.д. В таком случае, объектом палеоэтнозоологического

исследования является совокупность всех представителей животного мира, взаимодействовавших с отдельными людьми и человеческими коллективами в историческом прошлом, а *предметом* — особенности взаимоотношений (использование в хозяйстве и духовной практике, отражение в религиозных представлениях, в искусстве и т.д.) человеческих коллективов прошлого с животным миром.

Подобное представление значительно расширяет круг исследовательских задач, стоящих перед палеоэтнозоологией по сравнению с зооархеологией (и в особенности археозоологией), и соответственно спектр используемых ею источников, а также отделяет ее от сугубо биологических дисциплин (археозоологии или палеозоологии). При этом собственно зооархеологическое исследование (изучение остатков животных происходящих из раскопок археологических памятников) является в конечном итоге составляющим более широкого палеоэтнозоологического. Даже в отношении реконструкции древнего животноводства Е.Е. Антипина справедливо замечает, что «... для анализа археозоологических данных непременно должны быть задействованы дополнительные и независимые сведения о других хозяйственных отраслях и системе жизнеобеспечения населения» (Антипина, 2008. С. 69), подчеркивая тем самым необходимость расширения источниковой базы. Так, Е.Е. Кузьмина в приложении к изучению роли коня и истории транспорта выделяет несколько видов таких источников: палеозоологические: данные археологии; данные палеоантропологии; иконографические; письменные источники; лингвистические, а также комплексный - культурологический подход (Кузьмина, 2010. С. 6).

В более общем виде палеоэтнозоологические источники можно классифицировать следующим образом:

 $\it Euoapxeoлогический источник (зооархeологический — остатки животных; архeоботанический — растительные остатки).$

 $\it Taфономический$ (особенности захоронения остатков животных).

Археологический (археологический контекст нахождения остатков животных; орудия и изделия, связанные с разведением и эксплуатаций животных, а также переработкой полученных от них продуктов; изделия из костей животных).

Палеоантропологический или палеопатологический (изменения в скелете человека, вызванные специфической профессиональной деятельностью, диетой, зоонозными инвазиями).

 $\it Изобразительный источник$ (изображения животных и сцен их использования).

Этнографический (использование этнографических данных об особенностях традиционного животноводства— этнографические аналогии).

Такой подход в идеале позволяет получить целостное (а в ряде случаях хотя бы какое-то) представление о месте и роли животных в жизни людей прошлого, а также по возможности компенсировать отсутствие или малую информативность части перечисленных источников (в т.ч. и собственно зооархеологического — костных остатков животных).

Все сказанное выше никоим образом не преследует своей целью принижение значения биологических материалов или методов их исследования, а лишь подчеркивает познавательную ограниченность любых источников и соответственно трудность получения историко-культурной информации. Заметим, что использование термина «палеоэтнозоология» (палеоэтнозоологические исследования) не является попыткой выделить какое-то новое научное направление, а лишь способ объединить одним понятием весь спектр исследовательских задач, связанных с изучением места и роли животных в культуре человеческих обществ исторического прошлого. Стоит отметить, что подобное отношение к фактологической базе, привлекаемой для изучения роли животных в человеческом обществе, не является оригинальным, и им руководствовался и руководствуется целый ряд отечественных и зарубежных исследователей, пусть и не позиционирующих свои исследования как палеоэтнозоологические. В частности хорошим примером палеоэтнозоологического исследования является книга П.А. Косинцева «Экология средневекового населения Западной Сибири. Источники» (Косинцев, 2006).

Нужно добавить, что в американской и европейской научной традиции этнозоологию нередко связывают с комплексом этнонаук (ethnoscience/s), цель которых — «изучение автохтоных основ знания внутри культурной области» (Джери, Джери, 1999. С. 497). Представители этнонауки, сформировавшейся в 50-е годы прошлого столетия, «видят особенность своего подхода в том, чтобы изучать не общественные институты и явления, в частности в их взаимосвязи с окружающей средой, а представления, знания об этом членов изучаемого общества и то, каким образом эта информация организована лексически», таким образом «этнонаука подменяет

исследование объективной действительности изучением представлений об этой действительности, отраженных в словарном запасе населения, т.е. имеет субъективный характер» (Козлов, Ямсков, 1989. С. 99—100). Как можно заметить, если «этнозоология», согласно приведенному в начале статьи определению, изучает и объективные (как они складываются практически — рыболовство, охота, животноводство, использование в ритуалах и т.д.) и субъективные (отражение образов животных в сознании людей и их место в идеологии) стороны отношений человеческих коллективов с животным миром, то этнонаука — ограничивается лишь субъективной стороной, что сильно снижает ее познавательные возможности. В приложении к изучению древних обществ такой подход становится совсем малопродуктивным.

В заключение, стоит еще раз подчеркнуть, что термины «палеоэтноботаника» и «палеоэтнозоология» наиболее точно отражают исследования направленные на изучение всей полноты отношений человека с миром растений и животных в историческом прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рождения В.И. Цалкина. Сб. стаей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7-33.
- Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2008. № 6. С. 67-85.
- 3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т.2 М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
- 4. *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: Теория и практика. М.: ИЭА РАН, 1991. С.14-43.
- Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989, с. 86-107.
- Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург – Салехард: Изд-во Уральского университета, 2006. 272 с.
- 7. *Кузьмина Е.Е.* Кони степей Евразии в эпоху энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк: Изд-во ООО «ЦИКР «Рифей» г. Челябинск, 2010. С. 5-20.

Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева

- 8. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь. М.: Наука, 1991. 544 с.
- 9. *Смирнов Н.Г.* К истории археозоологии в России // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1152-1161.
- 10. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. 225 с.
- Ямсков А.Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 267-296.
- Bleakley A. Aesthetic Animals. The Animalizing Imagination: Toteism, Textuality and Ecocriticism. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 25-39.
- 13. *Davis S.J.M.* The archaeology of animals. New-Haven: Yale University Press, 1987. 225 p.
- Lyman R.L. Archaeofaunas and subsistence studies // Advances in archaeological method and theory (Vol. 5). New York: Academic Press, 1982. P. 33-93.
- 15. *Reitz E.J., Wing E.S.* Zooarchaeology. New York: Cambridge University Press, 2008. 533 p.

ЧАСТЬ 2

Жизнеобеспечение региональных и локальных групп русского и немецкого народов

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ НА ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ: ТРАДИЦИИ И ДИНАМИКА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ¹

Территория нашей страны богата лесными и водными природными ресурсами. Человек издавна использовал их в самых разнообразных целях. Культура жизнеобеспечения, немаловажной составляющей которой является традиционное питание, тесно связана с окружающей природной средой. Археологические находки показывают, что еще в Древней Руси рыба играла в пищевом рационе значительную роль. Позднее, уже во времена Киевской и Московской Руси, ее роль в материальной культуре русских людей еще больше возрастает. Особенно ярко рыбная ловля и рыбная кухня проявлялась на Русском Севере, где из-за непростого климата землепашество было в зоне риска. Несмотря на обилие в стране рыбных ресурсов, власти издавна принимали меры к ограничению вылова, особенно ценных пород рыб. Рыбный стол в русской кухне всегда был очень разнообразным. Рыбу можно было купить, а также выловить самостоятельно. Но со временем в бассейне Волги рыбы, особенно ценной, становилось все меньше. Сегодня на Верхней и Средней Волге уже нельзя встретить дикого русского осетра. Это объясняется вмешательством человека в природные процессы, браконьерством и загрязнением окружающей среды.

Этот сборник приурочен к тридцатилетию выхода в свет монографии «Этническая экология: теория и практика», которая увидела свет в Москве в 1991г. За это время наука шагнула вперед, были изданы и продолжают издаваться труды ученых как в нашей стране, так и за рубежом. В то же время, перечитывая работы коллег, обращаешь внимание на то, что проблемы, кото-

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы». Проект «Формирование и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения этнокультурных регионов на Евразийском пространстве (социальная и экологическая составляющие)». Руководитель проекта д.и.н. Н.А.Дубова.

рые были обозначены ими тридцать лет назад, не только не были решены, но, в значительной степени, усугубились, как и предсказал создатель этого направления науки в нашей стране В.И. Козлов. Он считал одной из важных причин усилившегося в 1980-х гг. внимания к вопросам жизнеобеспечения этносов в процессе их существования и воспроизводства, положительную реакцию этнографов на насущные требования теории и практики, связанные с проблемами жизнеобеспечения людей как в нашей стране, так и за рубежом: «Можно предполагать, что в ближайшем будущем из-за продолжающегося обострения таких экологических по своей сущности проблем, особенно в развивающихся странах мира, действие этой побудительной причины разработки вопросов жизнеобеспечения еще более усилится» (Козлов, 1991, с. 14). Действительно, можно видеть, что в последние десятилетия проблемами этнической экологии или социальной антропологии увлеклись не только собственно этнографы и антропологи, но и социологи, демографы, и даже историки (Историческая экология..., 2003г.). Весьма активно развивается такое направление этнической экологии, как «палеоэкология». См., например, книгу Р.М. Сатаева «Животные в культуре Древней Маргианы» (Сатаев, 2016), а также работы Н.А. Дубовой и В.В. Куфтерина (Дубова, Куфтерин, 2008; Kufterin, Dubova, 2013).

В своей программной статье «Основные проблемы этнической экологии» В.И. Козлов подчеркивал, что «Этническая экология — научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии с экологией человека. При этом практика здесь явно обогнала теорию» (Козлов, 1983, с.3). Нам представляется, что это утверждение не потеряло своей актуальности и сегодня. По количеству работ «практики» от этнической экологии пока обгоняют «теоретиков». Одним из редких исключений здесь является работа «Методы этноэкологической экспертизы», которая вышла в 1999 г. Подробнее об этом можно прочитать в серии работ А.Н. Ямскова, в которых он анализирует, как развивались исследования по этнической экологии в нашей стране и за рубежом (Ямсков, 2009, 2011, 2013).

А мы по-прежнему обращаемся к практике нашей любимой науки, а именно к теме нашей статьи. В ней особое внимание будет уделено экологическим аспектам рыбной ловли в нашей стране и, в меньшей степени, рыбному столу, который достаточно полно освящается в других работах (Григулевич, 2015, 2016).

Материалами для написания статьи послужили воспоминания иностранных путешественников, работы историков, археологов и этнографов, сайт «Страницы истории рыболовства» (http://histfishing.ru/), полевые материалы автора.

Многочисленные археологические находки и письменные источники свидетельствуют, что «население древней Руси уже было знакомо с разнообразными рыболовными орудиями и приемами рыбной ловли, и что этот промысел был повсеместно распространен. Первоначально земля вместе с пашнями, лугами, лесами и водами находилась в собственности свободных крестьян-общинников, но постепенно эта собственность переходит в руки феодалов» (Мальм, 1956, с. 126).

В 1973-1977 гг. при раскопках в Новгороде археологического комплекса второй половины XII-XIII в., было установлено, что жители этой усадьбы интенсивно занимались рыбной ловлей. Было найдено множество берестяных и деревянных поплавков и каменных грузил, а также две уключины (бортовые упоры, в которые вставляются весла) от разных лодок (Колчин и соавт., 1981, с. 110, 111).

Из рыб в древности больше всего ценился осетр. При новгородском князе даже существовала специальная должность «осетринника», который собирал подати с рыбных ловель осетрами (Липинская, 1997, с. 232). Видовой состав рыб был весьма разнообразным, о чем свидетельствуют археологические раскопки.

Рыбой изобиловали как большие, так и малые водоемы Древней Руси. Так, осетровые водились и в небольших реках Волжского бассейна, например, в Москва-реке. В культурном слое городов часто встречаются рыболовные крючки, блесна, грузила, поплавки, что, по мнению М.Г. Рабиновича, свидетельствует о широком распространении рыболовства для личных нужд (Рабинович, 1988, с. 218). При раскопках в Зарядье и Московском Кремле в пищевых отходах были найдены костные остатки рыб в основном семейства осетровых: «Исследованный остеологический материал далеко не полон, но все же, вероятно, в какой-то мере характеризует видовой состав промысловых рыб, употреблявшихся в пищу населением древней Москвы. Даже на этом небольшом материале заметно количественное преобладание в пище москвичей наиболее ценных рыб — осетровых. Костные остатки белуги, стерляди, осетра и севрюги вместе составляют более 57% от общего числа костей рыб в коллекции. Причем, здесь нужно учесть, что вероятность сохранения

остатков этих рыб была значительно меньше, чем других — костистых. Очевидно, осетровые сорта рыб в древней Москве предпочитались прочим» (Цепкин, 1971. с. 191).

В 1994 — 1997 гг. при раскопках в Тверском Кремле (материал датируется концом XIII — первой половиной XV в.) были изучены 350 костных остатков, в которых преобладали остатки осетровых рыб. Белуга — (Huso huso L.) составляла более трети костных остатков всех видов осетровых рыб. По-видимому, в начале XIV — XV в. она поднималась для нереста в верховья Волги. Стерлядь занимала второе место в промысле осетровых, а севрюга (Acipenser stellatus Pallas) — третье место (Сычевская, 2001, с. 181-183).

В начале XVII в. шведский резидент Петр Петрей де Эрлезунда отмечал, что в реках Карелии ловится замечательная семга, идущая для царского стола, а Волга изобилует белорыбицей: «Там же ловится рыба с длинным острым носом и маленьким круглым ртом: таковы севрюга, осетрина, лосось, стерлядь. Рыба эта превосходного вкуса, а в низовьях Волги — в Астрахани замечателен сом, от которого в пищу идет только хвост, а остальное — на выварку сала». Из волжской белой рыбы добывали икру, которую французские, голландские и английские купцы во множестве отправляли в Италию и Испанию (Флетчер, 1906, с.13).

Кто же владел рыбными ловлями?

Уже в первой трети XVII в. определился круг владельцев, принимавших участие в распределении и использовании волжских вод практически до конца XVII — начала XVIII в. Обширные рыбные ловли еще с XV в. имел Свято-Троицкий Сергиев монастырь. В конце XV в. он получил право ловли в Ростовском озере и впадающих в него реках, в озерах Переславском и Сомине и в р. Веля и р. Дубна, на нескольких участках Волги: от с. Прилуки (граница Угличского и Кашинского уездов) до ярославского рубежа, озерах: Ильмень, Стреж, Ижво (Дмитровский уезд), а также в озерах Гороховецкого и Вязниковского уездов (Тебекин, 1979, с. 191).

В 1461 г. Тверской князь Михаил Борисович дал Свято-Троицкому Сергиеву монастырю право посылать людей через Тверское княжество на рыбные ловли Шексны и Волги. В монастырях разводили рыбу для братских трапез в скоромные и праздничные дни. Правда, в некоторых строгих скитах даже на Пасху не благославлялось вкушать рыбу. И.С. Шмелев, в юности посетивший Валаам, оставил чудесную зарисовку монастырского быта. На его вопрос, много ли в монастырских озерах рыбы, молодой послушник Коневского скита отвечал: «Уха живая. Ловим только на монастырь, а здесь рыбку не позволяется и в великие праздники вкушать. Ручная у нас рыба, черпать корзиной можно. Сейчас хмуро, а солнышко когда, так спинки и синеют, перышками играют. У нас в обители там рыбу из икры разводят. Завод такой есть. И форель разводят, и сигов, и лосиков...» (Шмелев, 2009, с. 117).

Здесь мы видим частный пример того, что в монастырях был особый, строгий устав, который неукоснительно соблюдался. Так, даже в праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября н. ст.) инокам запрещалось вкушать рыбу, так как в этот день православные верующие придерживаются особенно строгого поста. Но были и послабления. Если праздники Рождества Богородицы, Сретения, Успения и Преображения Господня приходились на среду или пятницу, монахам разрешалось вкушать постное масло, овощи, рыбу и даже вино. Так отвечал Константинопольский патриарх на вопрос князя Андрея Боголюбского о том, как правильно поститься по средам и пятницам (Воронина, 2011, с. 67). Рыбная ловля была основой как монастырского, так и крестьянского хозяйства на крайнем Севере России, где природные условия не способствовали успешному землепашеству: «Тут, на Севере, диковин много. Прежде богомольцы приезжали в Соловки, тоже удивлялись: отчего, говорят, у вас дома самые большие да крепкие по всей России? Отчего у вас коровы такие дойные? Отчего это в ваших краях про моры-голоды никто отродясь не слыхивал? Кто вас кормит - не землица же? А старики, бывало, на море поглядят, да и ответствуют: вот, говорят, землица наша — ее мы пашем-бороздим, ею кормимся. Пока будем рыбачить — никто про голоды и моры не услышит никогда. Вот и рыбачим помаленьку...» (Сайт «Соловки. Энциклопедия»). Еще в конце XIX в. количество рыбы, потребляемой населением европейской части России, составляло по весу почти половину потребляемого мяса крупного рогатого скота, а по содержанию белков это сорок три процента от общего количества белков мясной пищи (Гримм, 1896, с. 1).

Рыболовство. Экологический аспект

Несмотря на то, что на Руси в прежние времена реки, озера и моря изобиловали рыбой, власти все же считали необходимым вводить ограничения на рыбную ловлю вообще или отдель-

ных представителей ихтиофауны в частности, а также запрещали пользоваться теми или другими орудиями лова.

Грамота Федора Иоанновича 1589 г. содержит указание на ограничение объема ловли — не более 10 тысяч осетров (в одной только Астрахани). В жалованной грамоте Михаила Федоровича 1621 г. указана роспись рыбных продуктов, требующихся монастырю в годовой обиход: «рыбы десять тысяч осетров и шеврюг, пятьсот колуг, да матерые рыбы, белужины, семдесят косяков, да тысеча пуд икры, да бочешные осетрины тритцать бочек, да межикосных теш пять бочек, хряпей десять бочек, молок десять бочек, провесные рыбы две тысячи спинок и батагов, три тысячи теш белужих вялых, три тысячи белых рыбиц, десять тысяч вызиги, тридцать тысяч пуд соли»... (Кириченко, 2004. С. 58).

В «Указе о позволении ловить рыбу ряпуху только в августе и сентябре месяцах» за 1752 г. запрещался вылов этой рыбы «в реке Неве и по берегам моря» во всякое время, кроме как в августе и сентябре, «дабы тем возможно было оную сберегать к августу месяцу, которая, не будучи ловлена в иные месяцы, имеет быть в оном августе крупнее и к употреблению удобнее» (Полное собрание законов..., 1830, с. 610-611).

Высочайше регулировался вылов ценных пород рыб, а также их размер. Еще в начале своего царствования Екатерина II своим указом от 7 ноября 1763 г. повелевает: «Маломерных стерлядей, которыя привозятся с казенных промыслов, и про расход Двора Ея Императорскаго Величества ненадобны, опускать в Неву реку; и в силе онаго, сего ж Ноября 4 дня, таковых маломерных, а именно семи вершковых стерлядей 1800 рыб в Неву реку и пущены. <...> Объявлено б было в народ, а особливо по Неве реке от Санктпетербурга до Шлиссельбурга и по берегам Ладожскаго озера и по реке ж Волхову, також и по взморью до Кронштадта и в Кронштадте, наикрепчайше указами, чтоб ловцы, буде между прочею рыбою уловят стерляди, тоб, коиниже 10 вершков, таковых опускали в воду по прежнему, а 10 вершковыя и выше, продавали б, прасолам, которые ездят из Санктпетербурга по тоням и закупают разных родов рыбу повольною ценою, а тем прасолам об оной свыше 10 вершков стерляди, по приезде с тоней в Санктпетербург, того ж числа объявить в Главной Дворцовой Канцелярии, которая брана от них быть имеет для употребления к Высочайшему Ея Императорскаго Величества столу...» (Полное собрание законов..., 1830, с. 412).

Были введены также запреты на определенные орудия лова, употребление которых приводило к снижению рыбного поголовья. Еще в 1704 г. Петр I своим указом запретил употреблять самоловы: «На откупных рыбных ловлях по Волге реке, окроме Государственных рыбных промыслов, отнюдь никому самоловами рыбы не ловить, для того, что за такими снастями рыбе и мелкой, не только что великой, вверх пройти не возможно, а за тем в Верховье рыбе бывает оскудение, а в низовых городах мелкая рыба всегда пропадает даром». В 1803 г. в докладе Правительствующего Сената, об устройстве в Каспийском море рыбных промыслов, было постановлено: «Все рыболовные орудия и снасти, признанные вредными, <...> запретить, каковое запрещение распространить и на реку Волгу по силе указа 1704 года» (Полное собрание законов..., 1830, с. 884-885).

Рыбный стол в прошлом и настоящем

Иноземные послы, посещавшие Московию, по обычаю после первой аудиенции были званы к царскому столу, где могли попробовать разные яства. Блюд было так много (до 500 перемен), что они не всегда могли потом описать, что же за кушанье им подавали, и что за чем следовало. А вот в пост первым блюдом оказалась икра с зеленью, за которой последовала уха, рыба в разных видах (Ключевский, 1866, с. 160).

По окончании приема послов наравне с другими подарками одаривали также рыбой с царского стола: «Наконец, он [Великий князь — $H.\Gamma$.] дал мне много кусков рыб: белуги, осетра и стерляди, вяленых на воздухе, но посоленных, и отпустил меня весьма ласково» (Герберштейн, 1908, с.107). Постепенно обычай угощения иноземцев за царским столом стал уходить, и послов начали потчевать посланной с царской кухни снедью прямо на их квартирах.

Подробно расписана рыбная кухня в известном памятнике древнерусской литературы середины XVI века «Домострое». Надо понимать, что этот свод правил, установлений и рекомендаций по организации, главным образом, семейной жизни православных подданных Московского царя, был адресован, прежде всего, знатной и состоятельной верхушке. Простые люди, за неимением средств, при всем желании не смогли бы воспользоваться его советами. Так, в 64 главе «Советы на весь год, что к столу подавать», читаем: «А еще в Пасхальный мясоед к столу подают еду рыбную: сельди паровые, щуки паровые, лещи паровые, лососину сушеную, бе-

лорыбицу сушеную, осетрину сушеную, спинки стерляжьи, белужину сушеную, спинки белужьи, спинки белорыбицы паровые, уху шафранную, уху окуневую, уху из плотвы, уху лещевую, уху карасевую. И еще разносолы: белорыбицу свежую, стерлядь свежую, осетрину свежую, щучьи головы с чесноком, гольцов, осетрину шехонскую², осетрину косячную» (Домострой, 2006, с. 168-169).

Н.И. Костомаров писал, что «Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыб были: лососина, привозимая в Москву с севера из Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская белорыбица, ладожская лодога и сырть, белозерские снетки и рыбы всех небольших рек: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пескари, лещи, вандыши, хохолки, выоны». Различалась «уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; в уху бросали мешочки или толченики³, приготовленные из теста с искрошенной рыбой». Варили также кислые щи со свежей и соленой рыбой, иногда из нескольких сортов рыбы, часто с добавлением истертой в муку сухой рыбы. Из красной рыбы (так в старину назывались ценные породы рыб — осетр, белуга и лосось) готовили «рассольное». К этим горячим жидким супам подавали пирожки с разными рыбными начинками и с кашей (Костомаров, 1992, с. 184).

Способы приготовления рыбы были весьма разнообразны. Различалась рыба «свежая, вяленая, сухая, соленая, провесная, ветряная, паровая, подваренная, впрок щипаная, копченая». Так как было принято иметь большие запасы съестного, везде продавалась засоленная впрок рыба, которую домовитый хозяин старался закупить побольше. Чтобы она не испортилась, ее вывешивали на воздух (это называлось «выветривать»). В этом случае она уже получала название «провесной», а если хорошо выветривалась, то «ветряной». Такая рыба складывалась в сушиле пластами и прутами. Иноземцы не очень любили старую русскую кухню, вероятно из-за горького вкуса от конопляного и коровьего масла, на котором готовились пироги и жареная рыба: «Прежнее поваренное искусство всегда не нравилось иностранным послам, которые из великого множества присылаемых им кушаний от царя почти ничего не могли есть. Наиболее им посылали рыбное, и волжская рыба была дороже дичи и мяса. Чем более было рыбы и огромной еще величины,

² Осетрина «шехонская»: р. Шехона, древнее название р. Шексна, левый приток Волги.

³ Вандыши — вид корюшки, снетка; хохолки — мелкий ерш; толченики — колобки, клецки с рыбой (прим. Н.И. Костомарова).

тем почетнее было для гостя. Один иностранец уверяет, что обедая за царским столом, давали такие большие рыбы, что едва три человека могли поднять половину рыбы. Искусство поваров превращало рыб в петухов, кур, гусей, уток и пр., придавая им вид этих животных» (Терещенко, 1848, с.273).

Интересные материалы, касающиеся повседневной и праздничной пищи крестьян и мещан разных регионов Российской империи середины — конца XIX в. представили корреспонденты «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева», которые отвечали на вопросы его программы. Из Псковской губернии сообщали, что рыболовство на озерах Новоржевского, Великолуцкого, Холмского и Торопецкого уездов было важнейшим, из многочисленных промыслов. Главным предметом лова были снетки⁴, которых сушили в особых печах. Щи «со снетком» были обычной деревенской пищей на праздник Благовещения (7 апреля по новому стилю), когда разрешалось несколько ослабить Великий пост. Ершей обычно заготавливали впрок, но особенно ценился псковский судак, который появлялся в озерах только на нерест (Русские крестьяне..., 2008, с. 212).

На сельские праздники в Санкт-Петербургской губернии съезжалась вся родня крестьянской семьи и праздновали их в течение трех дней. Меню обеда было следующее: «1. Студень; 2. Щи с мясом; 3. Каша; 4. Рыбник (пирог с кашей и с рыбой). Верхняя корка пирога срезается и разламывается хозяином на части, которые он и раздает гостям. Рыбу берут просто руками; 5. Сладкая похлебка; 6. Патока с белым хлебом; 7. Кисель с молоком или разведенной патокой» (Русские крестьяне, 2008..., с. 314).

Корреспондент Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева сообщал из Ярославской губернии в конце XIX в., что все местные породы рыб (щука, налим, плотва, окунь, карась, язь, голавль, ерш) крестьяне считают чистыми, а из внутренностей их употребляют в пищу только икру и молоки. А вот раков крестьяне не едят, считая нечистыми: «есть их, по понятию крестьян, грех, как есть и остальных нечистых животных» (Русские крестьяне...,

⁴ Снето́к (лат. Osmerus eperlanus eperlanus m. spirinchus) — мелкая озёрная форма европейской корюшки. Небольшая рыбка длиной до 18 см (обычно не более 10 см), типичной массой 6–8 граммов. Спина тёмная с серо-зелёным оттенком, бока серебристые, брюшко беловатое. Хвостовой плавник имеет тёмный край. Свежепойманая рыба издаёт характерный запах свежих огурцов (https://ru.wikipedia.org/)

2006, ч.1, с. 381). В богатой семье Афиногеновых в среду масленичной недели готовили «к чаю блины из гречневой муки с мелко изрубленным луком и со снетками. За обедом щи из кислой капусты с соленой рыбой (севрюгой), картофельный суп со свежей рыбой, каша пшенная, молоко, пирог с яйцами». В четверг масленицы к обеду и ужину подавались «картофельный суп с рыбой, уха из свежей и соленой рыбы, лапша на молоке, картофельную похлебку, лапшу на молоке, уху, жареную рыбу (навагу). В воскресенье (последний перед началом Великого поста день) готовили к чаю пряженцы и пирог с рыбой (рыбник). К обеду: похлебку, лапшу, уху, жаренную навагу. К ужину: похлебку с соленой рыбой, лапшу на молоке, уху, жареную навагу, молоко. Вся рыба была покупная (Русские крестьяне..., 2006, ч. 2, с. 133).

В семье среднего достатка П. Исаева в среду масленичной недели на обед подавали похлебку картофельную со снетками, щи из кислой капусты с соленой севрюгой, кашу, молоко. В четверг к обеду и ужину подавали холодное из кваса, рубленой капусты, лука и соленой севрюги, щи из кислой капусты с севрюгой, молоко с пряженцами. К тем же блюдам в пятницу добавлялись жареные на сковороде сельди. Субботний обед состоял из щей из кислой капусты с рыбой, картофельной похлебки со свежей рыбой, каши и молока. В воскресенье, на «заговенье масленичное», за обедом подавали картофельную похлебку со свежей рыбой, щи с севрюгой, блинник, молоко, жареные сельди (Русские крестьяне..., 2006, ч. 2, с. 134).

Если основу питания бедной семьи Коробковых из той же деревни Ярославской губернии в течение всего года составляли черный хлеб и картофель, то даже эта семья недавних погорельцев на масленичной неделе могла позволить себе немного рыбы. Причем рыба эта была покупная соленая севрюга. Итак, в этом доме начиная со среды по субботу «за обедом похлебка картофельная с рыбой, картофель жареный, молоко... За ужином те же кушанья, что и за обедом». В воскресенье на обед и ужин подают щи с рыбой, лапшу, картофель жареный, молоко (Русские крестьяне..., 2006, ч. 2, с. 135).

Нетрудно видеть, что даже самая богатая, по словам корреспондента бюро князя В.Н. Тенишева, крестьянская семья могла позволить себе покупную рыбу только начиная со среды масленичной недели. Всего за эту неделю в семье Афиногеновых было

израсходовано рыбы: «севрюги соленой 5 фунтов по 18 коп.; сомовины соленой 6,5 фунтов по 14 коп.; судак свежий 6 фунтов по 15 коп.; навага 5 фунтов по 8 коп.». В семье среднего достатка Исаевых было куплено и съедено «севрюги соленой 6 фунтов по 14 коп.; судака свежего 3, 5 фунта по 16 коп.; селедок 4 фунта по 12 коп.». И, наконец, семья Коробковых была вынуждена довольствоваться всего 4 фунтами соленой севрюги по 14 коп. за фунт. Итак, первая семья могла купить рыбы на 2 руб. 71 коп., вторая – на 1 руб.88 коп.. а третья всего на 56 коп. Можно видеть, что в русской кухне, так же, как в древности, рыба кроме пищевой ценности, несет также функцию престижа. Это подтверждает и тот факт, что на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы в Ярославской губернии в семье среднего достатка подавали: «За обедом: винегрет, щи из капусты с соленой рыбой, суп из картофеля, жареный картофель, гречневую кашу. Ужин тот же, но без жареного картофеля».

На праздничном столе огромную роль играли закуски и, прежде всего, рыбные, которые были характерной приметой именно русского стола. Вот как описывает семейное торжество в богатом петербуржском доме один из очевидцев: «Начинался ужин обильными закусками: икрой, семгой, копчеными сигами, всевозможными деликатесами. Привлекала внимание громадная осетрина или лососина на мельхиоровом блюде с разнообразным гарниром, с приколотой по хребту особыми красивыми шпильками вареными раками» (Засосов, Пызин, 2003, с. 96).

Большим спросом раньше пользовалась соленая в бочках сельдь, которую продавали во всех городах, а в села привозили в качестве гостинцев. Сельдь была доступна для городской бедноты, но для кого-то даже она была не по средствам. Такие семьи покупали селедочный рассол, который ели с хлебом и картошкой. На побережье Белого моря, в Приуралье и Сибири рыбу заливали слабым рассолом и оставляли в тепле. Сквашенную таким образом рыбу заправляли луком и кислым молоком. Этот древний способ консервирования сохранялся у русских и живших рядом народов, у которых он, скорее всего, и был заимствован, до конца XIX в. (Липинская, 1987, с. 306).

В.А. Липинская объясняет широкое распространение сквашивания рыбы в Поморье тем обстоятельством, что рыбы там добывалось очень много, а соль местами была в дефиците. Интересно, что в зависимости от степени сквашивания рыбы, полу-

чались разные «полуфабрикаты», которые запекали в кулебяках, ели в сыром виде, а жидкость пили взамен отсутствовавшего в тех местах кваса (Липинская, 2001, с. 26, 27).

Старожилы в Тверской области рассказывали нам, что в советское время, когда колхозникам платили за работу трудодни, они возили волжскую рыбу на рынки Москвы, и на вырученные деньги могли приобрести необходимые товары. Рыба для них была не только продуктом питания, но и своеобразной «валютой», при помощи которой они могли как-то выживать в тех непростых условиях (Григулевич, 2015, с. 18). Рыбы в те времена в Волге было очень много, и четко работал недорогой водный транспорт, что для сельчан в те времена было существенно (ПМА, 2012).

На берегах Белого моря некоторые селения специализируются на ловле трески. Едят ее как в свежем, так и в соленом виде, готовят различные первые и вторые блюда. В Белозерском районе Вологодской области, также как в старину, ловят и заготавливают небольшую рыбку сущик (снеток). Интересно, что сушат ее для длительного хранения по-прежнему в русских печах, а в зимнее время варят с ней суп и пекут пироги (Воронина, 2001, с.53).

Будучи зимой 1993/1994 гг. в экспедиции в маленьком городке Архангельской области Онега, мы имели возможность отведать чудо пирогов со свежевыловленной рыбой. Приготовленные бабушкой Аней из больших кусков свежевыловленной рыбы и испеченные в русской печи, они надолго запомнились своим неповторимым вкусом. Во времена «лихих девяностых» местные жители, особенно пенсионеры, также, как и многие другие соотечественники, испытывали большие материальные проблемы. И в который уже раз на помощь им пришла рыбная ловля. Рыбу жители Беломорья ловили и продолжают ловить как летом. так и зимой в проруби. Традиции рыбной кухни, приуроченной к массовому вылову тех или иных сортов рыбы, дошли до наших дней. Так, в мае 2014 г. на улицах Санкт-Петербурга мы видели множество прилавков с невской корюшкой, которую горожане готовят самыми разными способами на протяжении нескольких недель, пока идет путина. Приверженность рыбной кухне у русских была столь сильной, что они сохраняли её даже при переселении на большие расстояния, например, на Кавказ (Григулевич, 1990, с. 119).

Экологические проблемы рыболовства. Век XXI

Рыбное изобилие, когда-то казавшееся в России неисчерпаемым, довольно скоро закончилось. Так, даже в Сибири, где все природные ресурсы поражали своим богатством, уже в конце XIX в. наблюдался рост конкуренции при потребления такого, когдато казавшегося вечным ресурса, как рыба. Иногда это приводило даже к конфликтам переселенцев из Центральной России с местным населением (Любимова, 2014, с.109).

Со временем рыба и продукты ее переработки все больше стали переходить в разряд покупных снедей. В Советском Союзе существовал большой рыболовецкий флот и хорошо работала пищевая промышленность, поставлявшая на прилавки живую, мороженую, соленую и вяленую рыбу. В советское время вылавливали до 11, 4 млн. тонн рыбы по всему миру, а теперь только 4,3 млн. тонн.

Проблема браконьерства касается ценных, и не только, пород рыб Волжского бассейна, который снабжал рыбой и икрой не только Российскую империю, но и многие другие страны. Проблемы с рыбой здесь начались с момента постройки каскада гидроэлектростанций, которые фактически преградили рыбе дорогу к местам нереста в верховьях Волги и ее притоков. В результате на сегодняшний день для промышленного лова практически утрачена стерлядь (Acipenser ruthenus) и русский осетр (Acipenser gueldenstaedtii). Так, по данным всемирного фонда дикой природы, численность осетровых Каспийского бассейна за последние двадцать лет сократилась в 38,5 раз. В прошлом ареал осетра был очень широк: по Волге он поднимался до Ржева, по Оке – до Калуги, еще в начале XX в. изредка встречался в бассейнах реки Москвы и Клязьмы. В настоящее время численность популяции поддерживается за счет искусственного воспроизводства, доля которого в пополнении запасов русского осетра составила к началу ХХІ в. 56%. Икра русского осетра считается непревзойденной по вкусовым и потребительским качествам, но в настоящее время изза сверхвысокой стоимости мало кому доступна.

Основная причина убыли численности осетровых в Каспийском бассейне, это каскад гидроэлектростанций на Волге и ее притоках, плотины которых не позволяют рыбе подниматься для нереста в верховья рек. Таким образом нарушается биология вида, и его численность постепенно сокращается. В ходе экспедиции летом 2016 г. мы беседовали со старшим научным сотрудником

Института биологии внутренних вод РАН им. И.Д. Папанина Алексеем Константиновичем Смирновым, по сообщению которого осетровые искусственного разведения отличаются не в лучшую сторону от диких сородичей. Из-за скученности рыб у них возникают различные заболевания. Количество производителей обычно ограниченно, поэтому со временем накапливаются генетические поломки и мутации, что приводит к вырождению популяции. Есть и другие проблемы. Молодь привыкает к условиям обитания в бассейнах, корм падает сверху в виде комбикорма... А в жизни корм нужно добывать самим. Разрабатываются методики, которые позволяют специальным образом обучать искусственно выращенную молодь, как реагировать на хищников и правильно кормиться на свободе. Но это сильно удорожает стоимость молоди.

Осетровые в большинстве своем виды проходные, т.е. они живут в морях, а на нерест поднимаются в реки. Так как большинство рек Европейской России зарегулированы, осетровые были лишены привычных для них мест нереста. Белуга, русский осетр выше плотины Волгоградской ГЭС уже не встречаются, так как это для них непреодолимая преграда. В свое время были разработаны специальные рыбоподъемные механизмы, призванные помочь рыбе преодолевать эти препятствия, но они оказались малоэффективными.

По последним данным, сокращение запасов осетровых бассейна Каспия продолжается, что подтверждает необходимость усиления мер по охране и искусственному воспроизводству этих видов рыб. В рамках 35-го заседания Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря, которое завершилось в Санкт-Петербурге 29 мая 2015 г., прикаспийские государства договорились о пролонгации запрета на промышленный (коммерческий) вылов осетровых видов рыб в Каспийском бассейне на 2015-2016гг. В мероприятии приняли участие делегации всех прикаспийских стран — Российской Федерации, Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан и Туркменистана (Росрыболовство, 2015).

В последние годы на российском рынке увеличилась доля импортной рыбы, в основном это норвежская семга и лосось. В то время, как в России, как мы отмечали выше, только в 2013 г. было выловлено 4,3 млн. тонн рыбы, на экспорт было отправлено 1,8 млн. тонн, а импортировали мы чуть более миллиона тонн. Такая странная ситуация складывается потому, что значительную часть

рыбы Россия вылавливает на Дальнем Востоке, и перевозка ее к местам потребления в центр страны делает продукт нерентабельным. К сожалению, бассейн Волги, когда-то знаменитый своими рыбными богатствами, на сегодняшний день сильно оскудел. Некоторые рыбозаводы, которые пытались заниматься разведением осетровых рыб, обанкротились. А все необходимые для разведения материалы, включая мальков, приходится импортировать, так как в нашей стране они не производятся. Видимо, необходима специальная государственная программа поддержки рыбной отрасли в России. Введение новых технологий требует больших энергетических и материальных ресурсов, которые были не нужны, когда рыба водилась в наших реках и озерах в изобилии.

В середине 2010-х гг. обострилась проблема Волжской экологии. К старым бедам (гидроэлектростанции перегораживают русло, рыбоподъемные механизмы не эффективны и это препятствует рыбе подниматься на нерест; растет несанкционированная застройка волжских берегов; год от года возрастает браконьерский лов рыбы; многократно увеличилось антропогенное воздействие на эти территории) прибавились теплые и малоснежные зимы. Это привело к беспрецедентному обмелению верховьев Волги и это при том, что многочисленные водохранилища пытаются как-то компенсировать катастрофическую нехватку воды в регионе, сбрасывая часть воды ниже по реке, что также приводит к гибели икры. В ежегодных экспедициях на Волге неоднократно приходилось видеть, как на мелководье умирают мальки (ПМА, 1995 - 2014 г.).

В таких условиях трудно ожидать быстрого увеличения рыбного поголовья. А ведь рыба — традиционный русский продукт, как повседневного, так и праздничного стола, полезный и вкусный. Когда-то он был еще и доступным для широких слоев населения. Хочется верить, что былое рыбное изобилие все-таки вернется не только на прилавки магазинов, но и в дома россиян.

ЛИТЕРАТУРА

^{1.} *Воронина Т.А.* Традиции в пище русских на рубеже XX-XXI вв. // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001.

- 2. Воронина Т.А. Русский православный пост: от первых установлений к современной практике. М.: «Современные тетради», 2011.
- 3. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примечание М.И. Малеина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1908.
- Григулевич Н.И. Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении // СЭ. № 1. 1990.
- Григулевич Н.И. Опыт исторического и этноэкологического анализа Верхневолжского региона // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / В.А. Тишков (отв. ред.), Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартынова. М., 2015. № 247.
- 6. *Григулевич Н.И*. Как менялся рыбный стол старожилов Верхней и Средней Волги // Экологическое равновесие: структура географического пространства. Материалы VII международной научно-практической конференции. 11 ноября 2016 / отв. ред. Т.С. Комиссарова. СПб., ЛГУ им. Пушкина, 2016. С. 313-316.
- 7. *Гримм Э.А.* Охотничьи, пушные и рыбные промыслы //Производительные силы России. Отдел V. Спб., 1896.
- 8. Домострой. Как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято. Юности честное зерцало. М.: Даръ. 2006.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур-Депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113-116
- 10. Засосов Д.А., Пызин В.И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX- XX веков. Записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 96.
- 11. Историческая экология и историческая демография / Отв. ред.: Ю.А. Поляков. М. «Наука», 2003.
- 12. Кириченко Л.А., Торговые экспедиции Троице-Сергиева монастыря по актовому материалу конца XVI начала XVII вв. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III Международной конференции. Сергиев Посад. 2004. (Цит. по: Вишневский В.И., Цепкин Е.А. Рыбная ловля и рыбный стол в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2000 года) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2005. Вып. 2. Сайт «Страницы истории рыболовства» http://histfishing.ru/).
- 13. *Кночевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Катков и Ко, 1866.
- 14. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ, 1983, № 1.
- Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика / Отв. ред.: В.И.Козлов, Н.А.Дубова, А.Н.Ямсков. М., «Наука». 1991.
- 16. Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 1981.
- 17. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Авт. очерка и коммент. Б.Г. Литвак; под общ. ред. Н.И. Павленко. М.: Республика, 1992.

- Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1987.
- Липинская В.А. Народная культура питания // Русские: народная культура (история и современность). Т.2. Материальная культура. М.: ИЭА РАН, 1997.
- Липинская В.А. Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001.
- 21. Любимова Г.В. Феномен «ресурсного проклятия» в этноэкологической истории сибирского региона (на материалах русской земледельческой традиции // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 4 / под ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубовой (отв. ред.), И.А. Субботиной, А.Н. Ямскова. М.: Старый сад, 2014.
- 22. *Мальм В.А.* Промыслы древнерусской деревни. II. Рыболовство // Очерки по истории русской деревни X XIII вв. Труды Гос. исторического музея. Вып. 32. М., 1956.
- Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М., ИЭА РАН, 1999.
- Полевые материалы автора (далее ПМА). 2012. Тверская обл., Кашинский район, с. Белеутово.
- 25. ПМА. 1995 2014 г., Тверская, Ярославская, Костромская области.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое, Т. XIII. СПб., 1830. (Сайт «Страницы истории рыболовства», http://hist-fishing.ru).
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое, Т. XVI. СПб., 1830. (Сайт «Страницы истории рыболовства», http://hist-fishing.ru).
- 28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе, Т. III. СПб., 1830. (Сайт «Страницы истории рыболовства», http://hist-fishing.ru).
- Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города // отв. ред. В.В. Покшишевский, К.В.Чистов. М.: Наука, 1988. С. 218.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006.
- 31. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2006.
- 32. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008.
- 33. Росрыболовство, 2015, сайт http://www.fish.gov.ru/.

- Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы / отв. ред. Н.А. Дубова. М., Старый сад, 2016. 196 с.
- 35. Сайт «Соловки. Энциклопедия», http://www.solovki.ca/monastery/monastery_fishing.php
- 36. Сычевская Е. К. К истории рыболовства в Тверском княжестве (XIII-XV вв.) по материалам раскопа Тверской кремль 11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993-1997 гг.). СПб., 2001.
- Тебекин Д.А. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг.// Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
- 38. Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848.
- 39. *Цепкин Е.А.* Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. № 167. М., 1971. (http://histfishing.ru/).
- 40. *Флемчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 13. Цит. по: Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города // отв. ред. В.В. Покшишевский, К.В.Чистов. М.: Наука, 1988.
- 41. Шмелев И.С. Старый Валаам. М.: Образ. 2009.
- Ямсков А.Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 34. Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М., Наука, 2009. С. 130-142
- 43. Ямсков А.Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 27-29 октября 2011 г. Киров: изд. «Коннектика», 2011. С. 39-51.
- 44. *Ямсков А.Н.* История становления и развития отечественной этноэкологии // ЭО. 2013. № 4. С. 49-64.
- 45. *Kufterin V., Dubova N.*, A preliminary analysis of Late Bronze Age human skeletal remains from Gonur-depe, Turkmenistan // Bioarchaeology of the Near East. 2013. Vol. 7. P. 33-46.

РЕЛИГИОЗНЫЕ УСТАНОВКИ КАК РЕГУЛЯТОР КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

(по материалам традиционного природопользования сибирских старообрядцев)

На материалах традиционного природопользования разных групп сибирских старообрядцев в статье рассматриваются функции религиозных установок в культуре жизнеобеспечения обитателей скитов и удаленных от мира поселений. Раскрывается адаптивная роль библейских постулатов, касающихся характера земледельческого труда и трудовых процессов в целом. Представлена авторская интерпретация происхождения мотива вины, сопровождающего процессы модернизации в культуре старообрядцев.

Нициированная статьей В.И. Козлова полемика относительно экологических аспектов понятия «культура жизнеобеспечения» показала принципиальную несводимость его содержания к вопросам физического / материального обеспечения, то есть, к устоявшемуся в этнологии понятию «хозяйство и материальная культура» (Козлов, 1991. С. 14-43; Ямсков, 2005. С. 3). Вместе с тем, дискуссия обозначила важную роль в процессах жизнеобеспечения элементов духовной культуры. Действительно, изначальная ориентация этноэкологических исследований исключительно на хозяйственные традиции и рациональное природопользование существенно сужала предметную область этнической экологии, оставляя за рамками дисциплины значительный пласт культуры, характеризующий именно традиционное отношение этносов к природной среде (Любимова, 2012. С. 4).

Предметом анализа первого тематического сборника, посвященного этноэкологическим аспектам духовной культуры, стали адаптивные функции религиозных представлений и других нематериальных явлений культуры в жизнеобеспечении этноса. Таким образом, к началу XXI в. в России, как было отмечено А.Н. Ямсковым, сформировалось научное направление, изучающее не только восприятие пространства и отражение природных условий мест-

ности в нематериальных явлениях культуры, прежде всего, в верованиях и мировоззрении, но и влияние религиозно-этических традиций на природные ландшафты и территориальную организацию сообществ (Ямсков, 2005. С. 8-9). Со ссылкой на библейские постулаты о невозможности обеспечить человеческое существование одним лишь «хлебом единым» В.И. Козловым было подчеркнуто, что удовлетворение первичных (у автора — «телесных», — Γ .J.) потребностей небольших групп людей, образующих локальную популяцию, нередко регламентируется установками, которые относятся к духовной сфере культуры (Козлов, 2005. С. 24).

Данное положение как нельзя лучше отражает характерные особенности культуры жизнеобеспечения сибирских старообрядцев, в первую очередь, тех старообрядческих групп, представители которых до сих пор проживают в труднодоступных местах сибирского региона. Сама история данной этноконфессиональной общности являет собой пример тех «религиозно-мотивированных перемещений в новые земли в целях изгойства или сохранения чистоты своей веры», о которых упоминал В.А. Тишков, размышляя о культурных смыслах российской колонизации Сибири (Тишков, 2004. С. 14-31).

Никоновские реформы поставили перед сторонниками старой веры вопрос о территориальном разрыве с «миром антихриста» и возможности обнаружения другого, равноценного утраченному сакрального локуса. Практика конфессиональных миграций, связанная с поиском «чистых» мест, стала отражением стремления радикальных старообрядческих согласий жить в неподвластном антихристу мире. Наиболее показательным в данном отношении примером являются староверы-странники, полагавшие, что «иного пути спасения души», чем «побег из антихристова мира», просто не существует (Дутчак, 2007. С. 141; Приль, 2002. С. 13; Мальцев. 2003. С. 66). Обретение спасения в старообрядческом мировоззрении, предполагавшее уход из мира антихриста «во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры», мыслилось, по сути, как поиск мест, отвечавших формуле «идеального ландшафта». Воплощением данной стратегии, связанной с традициями крестьянского пустынножительства, стало формирование сети скитов и удаленных от мира поселений, затерянных в таежных районах Западной и Восточной Сибири. Многие из них сохранялись вплоть до середины прошлого века. К примеру, в донесении начальника административного отдела Нарымского уездного ис-

полкома Моисеева (11.04.1925) сообщалось о выявленной в лесах Нарымского края «особой религиозной группе». Обнаруженные граждане, как отмечалось в документе, «именуют себя сынами божьими, нигде не числятся, не состоят ни на каких учетах, и не несут никаких видов налога, категорически отказываются говорить свои имена и фамилии, (и называть) возраст». Указывалось также, что названные «сыны божьи» «занимаются хлебопашеством, имеют пасеки (и) держат скот», при этом уровень их хозяйства оценивался как «середняцкий» (ГАРФ, Ф. 383. Оп. 43-а. № 1038. Л. 159-159 об.). В приложенной к делу справке (06.06.1925), подписанной профессором П. Верховским, уточнялось, что члены выявленной религиозной группы, составляющие «небольшой осколок беспоповщинского толка старообрядчества», считают существующий государственный строй «делом антихриста, и потому всякое участие в нем - грехом». В некоторых случаях, писал автор, подобное убеждение «доходит до странных пределов и выражается не только в отрицании... обязанностей платить подати, нести повинности, иметь паспорта, быть вносимыми в переписи и т.д., но также (в отрицании) денег государственной чеканки или печати, (а также) мостовых, модных платьев, телеграфа, телефона, железных дорог и проч.». Все эти люди, обращал внимание профессор, «живут всегда своим трудом, очень бедно, в самых отдаленных и малонаселенных местах севера... среди огромных болот, в постоянных лишениях и борьбе со стихиями природы»; по этой причине «предполагать преступный характер (их) уклонения от гражданских обязанностей нет основания» (ГАРФ, Ф. 383. Оп. 43-а. № 1038. Л. 157-157 об.).

Будучи реальным топографическим ориентиром для жителей скитов и сельской округи, «сакральная карта» таежного монастыря представляла собой разбросанные на расстоянии до 10 км одиночные и групповые локальные поселения (пустыни), считавшиеся местами средоточения «истинной веры». В качестве наиболее защищенного от антихриста места пустынь уподоблялась в старообрядческом мировоззрении раю и наделялась чертами райской обители («земного рая») (Дутчак, 2007. С. 146-147). Своей «чистотой и святостью», пишет в этой связи С.Е. Никитина, пустыня «сродни раю». К обоим этим понятиям в духовных стихах прилагается «очень редкий эпитет прекрасный» (Никитина, 1993. С. 118-119). В духовных стихах старообрядцев-часовенных, проживающих в Верховьях Малого Енисея, райская обитель предстает как «награда веры и трудов», а в числе ее характерных при-

знаков оказываются природное изобилие, неувядающее цветение деревьев, трав и вечная весна - ср.: «Возвещает нам Писанье / Те прекрасные места. / Там растут и процветают / Вечно красные древа. / Все рождают, умножают / Вечно сладкого вина. / Там летают, воспевают / Птицы райские всегда. / Во Божественном во раю, / У небесного отца, / Нет там зимы и нет там лета, / Но всегдашняя весна. / Там ни скорби, ни печали, / Тамо радость без конца» (ПМА, 2004, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва). В стихах о разорении пустынь, возникших на почве гонений и преследований со стороны властей, вынуждавших обитателей скитов регулярно переселяться в новые укромные места, расставание с обжитыми, с трудом отвоеванными у тайги местами рисуется как «изгнание из рая». Ср.: «Оставили вы прекрасную пустыню и премилой Сунгульский край, а он точно как едемский рай» (Журавель, 2001. С. 59). Таким образом, центры пустынножительства, расположенные, по словам О.Д. Журавель, «отнюдь не в райских местах Урала и Сибири», описываются в сочинениях современных старообрядцев сквозь призму представлений о «прекрасной пустыне». При этом «идеализированный образ пустыни — духовного рая» создается в результате парадоксального применения указанной мифологемы к «безлюдным» и «бесплодным» заболоченным северным местам (Журавель, 2001. С. 56-58).

Истоки старообрядческих представлений о пустыне как духовном рае связаны с традициями русского пустынножительства, впитавшего в себя, как отмечает Н.Н. Покровский, не только извечную крестьянскую тягу к освоению новых мест в поисках самостоятельного хозяйствования. Не менее важной побудительной причиной пустынножительства выступало традиционно христианское стремление к монашеской аскезе и постижению другой, наряду с Писанием, книги божественного откровения — Книги природы (причем природы, нетронутой человеком, с которой только и ассоциировался вселенский порядок в православной картине мира). Восприятие природы как «Книги, написанной перстом божиим», было в высшей степени характерно для сибирских староверов-отшельников, само проживание которых «вдали от раздоров и соблазнов шумного мира, посреди величественного храма природы... в долгих молитвах и в тяжких трудах для пропитания братии и захожих паломников» расценивалось как спасение души (Покровский, 1992. С. 194-195). По этой причине на обитателей скитов возлагалась особая миссия спасения по отношению к проживавшим в миру единоверцам¹. В свою очередь, старообрядческая община, объединявшая население прилегавших к монастырям поселков, рассматривалась как «особый мир» избранных Богом людей, решительно отмежевавшихся от погрязшего в грехах человечества (Зеньковский, 1995. С. 449).

Изучая проблемы хозяйственного освоения Сибири малыми группами старообрядцев, Л.Н. Приль пришла к выводу, что в основе особого способа жизнеустройства старообрядческих общин, лежало стремление к образованию автономных миров-изолятов, отличительными чертами которых были устойчивость к внешним инокультурным влияниям, преобладание внутренних связей над внешними, а также хозяйственная и культурная самодостаточность, понимаемая иногда как замкнутость. Следствием перечисленных особенностей нередко являлся «разрыв, несоответствие между (относительно низким) уровнем производительных сил и той сложной социальной культурой», носителями которой выступали сообщества-изоляты. При условии что «минимальной социокультурной единицей» таких сообществ могли быть семья, семейный клан или объединенная родственными, конфессиональными и территориальными связями община, основу внутренних отношений локальных микромиров составляли взаимовыручка, корпоративность и групповая сплоченность. Иными словами, компоненты, направленные на воспроизводство подобных социальных организмов, лежали в сфере не столько материальных, сколько социальных технологий, важнейшими из которых являлись практики обретения спасения (Приль, 2002. С. 1, 4-6, 11, 13). Подтверждением этого может служить отмеченный Е.Е. Дутчак факт из истории томско-чулымских таежных монастырей. Именно благодаря «постоянно идущей разработке эсхатологических доктрин» обитатели монастырей, вынужденные в условиях политико-юридических дискриминаций первой половины XX в. вернуться к натуральному хозяйству, не пошли по пути упрощения «ни системы взглядов и ценностей, ни структурной организации сообщества» (Дутчак, 2007. С. 282).

В литературе встречается также упоминание о «двуединой миссии» (попечение над духовной жизнью округи и предотвращение состояния физической нужды монастырских насельников), которая была характерна для «особой модели жизнеобеспечения», созданной в рамках старообрядческого пустынножительства (Дутчак, 2007. С. 189).

«Золотой век» в развитии таежного скитничества автор относит ко второй половине XIX в. На протяжении всего этого периода, отказавшись от «кочевок» и вытеснив конфессии-конкуренты (часовенных, поморцев и белокриницких), староверыстранники оставались единственными хозяевами томско-чулымской (Белобородовской) тайги. Установление взаимовыгодных отношений с мирскими жителями таежных заимок (за счет предоставления «в работу» мигрантов-неофитов в обмен на возможность использования лошадей), позволило им наладить планомерную обработку небольших по размеру, но многочисленных полей, постоянно увеличивая посевные площади и состав сельскохозяйственных культур (пшеницы, ржи, овса). Свидетельством хозяйственной устойчивости страннических скитов стало устройство ветряной мельницы, само появление которой расценивается автором как «возможный знак товарного хозяйства»². Все это позволило автору прийти к выводу, что самодостаточность, обусловленная вероучением, природно-климатическими условиями и неразвитостью внутреннего рынка, являлась не единственной стратегией крестьянских монастырей, а представляла собой лишь один из вариантов устройства скитского хозяйства в условиях таежной Сибири (Дутчак, 2007. С. 183-184, 186).

Отмечая «объективные преграды» для развития товарного хозяйства в рамках скитского сообщества³, Е.Е. Дутчак обращает внимание на «парадоксальную интенсивность таежной экономики», связанную, прежде всего, с «религиозным фактором», игравшим «главную роль в организации хозяйственной деятельности» скитников. Именно с «конфессиональными различиями насельников тайги» автор связывает результаты проведенного в 1896 г. по ини-

В отличие от устроенной в белобородовской общине староверов-странников ветряной мельницы, появление паровой мельницы в общине их ярославских единоверцев вызвало ожесточенные споры. Причину различного отношения к мельницам Д.Е. Расков видит в том, что первая из них генетически была связана с традиционным производством, тогда как вторая, требовавшая использования наемного труда, повсеместно стала символом технического прогресса и новых капиталистических отношений. Считая симптоматичным, что дискуссии о собственности на рубеже XIX и XX вв. обострились именно в рамках страннического согласия (одного из наиболее радикальных в старообрядчестве), автор подчеркивает, что активно проводившийся поиск новых форм жизнеобеспечения заново ставил вопрос о соответствии нововведений идеалам Писания и Предания (Расков, 2009. С. 400-405).

³ Помимо социально-правовых ограничений, в качестве главной проблемы таежной экономики автор называет отсутствие регулярной транспортной связи, делавшее невозможной реализацию хлебных излишков.

циативе «Императорского московского общества сельского хозяйства» обследования, показавшего, что «при одной и той же залежнопаровой системе с двумя-тремя вольными севооборотами» скитские и крестьянские хозяйства существенно различались «по интенсивности использования таежных пашен». При этом интенсивный характер таежной экономики, по мнению автора, определялся не столько уровнем производительных сил и технического оснащения, сколько конфессиональным осмыслением старообрядцами труда и его результатов (Дутчак, 2007. С. 187-191).

Изучение старообрядческой этики труда невозможно без обращения к теме технической модернизации хозяйственной (в том числе, предпринимательской) деятельности старообрядцев. Вместе с тем, при оценке уровня технической оснащенности принадлежавших старообрядцам промышленных предприятий, кустарных промыслов и крестьянских хозяйств встречаются прямо противоположные точки зрения. В статье, посвященной конфессиональным основам старообрядческого предпринимательства, В.В. Керов предельно заостряет известный парадокс старообрядческой культуры. На протяжении всей своей истории, пишет автор, старообрядцы старались избегать новизны, следуя в повседневной жизни принципу: «если новизна непотребна, то старина священна». Однако «в деловой сфере часто именно староверы первыми вводили на своих фабриках «новины», заимствованные у иностранцев» (Керов, 2007. С. 14). Приводя многочисленные примеры масштабного участия предпринимателей-старообрядцев в модернизации российской промышленности, автор подчеркивает, что данная тенденция отличала не только крупных предпринимателей и мелких старообрядческих хозяев, но даже в «обычном староверческом крестьянстве» можно проследить «то же стремление к улучшению и обновлению технических условий». Ссылаясь на данные провеленного в 1909 г. обследования «сельскохозяйственного и экономического быта старообрядцев», автор констатирует, что 12% крестьян-старообрядцев уже в то время имели «почти все усовершенствованные орудия» (косилки, сеялки, жнейки, молотилки, конные или паровые веялки, механические сортировки и другие сельхозмашины — почти все импортные). Еще 29% пользовались «некоторыми из сельскохозяйственных машин»⁴. Тогла как в Чер-

⁴ Автор, к сожалению, не уточняет, учитываются ли в приведенных им сведениях данные по Сибири или они относятся только к европейской части России, — ΓJ .

ноземье, самом обеспеченном крестьянскими орудиями регионе, в 1912-1913 гг. лишь 2-6% всех крестьян обладали хотя бы одной сельскохозяйственной машиной (Керов, 2007. С. 16).

Рассуждая о причинах лидерства старообрядцев во внедрении новой импортной техники и активной модернизации старообрядческих фабрик, В.В. Керов приходит к выводу, что все они были вызваны отнюдь не компромиссами с окружающей жизнью и, тем более, не «отказом от конфессиональной этики», но, напротив, имели религиозное обоснование: «В строжайших правилах старой веры было важное исключение: запрет не распространялся на случаи «благословенной вины... и великой надлежащей нужды». И такой «благословенной» причиной было Дело» (Керов, 2007. С. 17-18).

Действительно, существование многочисленных старообрядческих общин (в первую очередь тех, которые проживали «в миру», а не стремились к изоляции от внешнего «мира») — с их с молельнями, школами и храмами — было невозможно без огромных денежных средств. Без выплаты огромной «дани» синодальным священникам, полиции и чиновникам, спускавшим на тормозах высочайшие приказания ликвидировать «очаги раскола», старообрядчество, утверждает автор, сохранилось бы лишь в «таежных тупиках» (Керов, 2007. С. 18)⁵. В то же время, вывод автора о том, что техническая модернизация, внедрение нового оборудования и современных технологий в старообрядческом производстве разного уровня никоим образом «не противоречили основам старой веры» (Керов, 2007. С. 21), представляется не вполне правомерным. Можно согласиться с тем, что все эти процессы были «тесно связаны с развитием вероучения и конфессиональной этики староверия», то есть, «не свидетельствовали о ее размывании». Однако полное соответствие их основам «старой веры», отсутствие базовых противоречий с ее постулатами, вызывает сомнения. Иначе, чем тогда объяснить происхождение самого мотива вины (или даже благословенной вины — выражения, неоднократно процитированного в работе В.В. Керова), которым сопровождается большинство рассуждений о «модернизационных аспектах старообрядчества»?

⁵ Что касается «таежных тупиков», то наличие скитов для местного начальства также не всегда было тайной, и плата сельской администрации за право «безвестного проживания» в них, по данным Е.Е. Дутчак, являлась «вполне обычным делом» (Дутчак, 2007. С. 180).

Ценные размышления, выводящие на возможное решение обозначенной проблемы, содержатся в сочинении корреспондента РГО, волостного писаря Ф.В. Бузолина, озаглавленном «Очерк сельского хозяйства в Тюменском уезде» (1851). Отмечая крайне настороженное отношение современных ему сибирских крестьян ко всему новому, автор очерка к недостаткам крестьянских нравов относит «грубую недоверчивость», чрезвычайно затруднявшую «доступ к умам для новых понятий». «Если представлять (крестьянам) выгоду полезных нововведений, — говорится в описании, — надобно быть готовым слышать обыкновенный ответ, что "домашний теленок лучше заморской коровы"». Именно поэтому «из орудий для хлебопашцев, изобретенных и усовершенствованных в новейшие времена, почти ни одно (в уезде) не известно». Особое внимание автор обращает на то, что «всякий новый способ, облегчающий работу», считается у крестьян «предосудительным», а в местных раскольничьих деревнях — еще и «греховным». Ссылаясь на Библию, обрекающую человека «трудиться в nome лица», раскольники, поясняет автор, убеждены, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет... недостоин уже того, чтобы Господь одождил его ниву» (АРГО. Р. 61. Оп. 1. № 9. Л. 1 об.-3). Таким образом, само использование сельскохозяйственных орудий, облегчавших труд крестьянина-земледельца, представлялось сибирским старообрядцам не просто «предосудительным» (что было характерно для основной массы крестьянского населения в силу общей экономической и социальной отсталости), но еще и «греховным» (недостойным награды Господа), отягощенным осознанием вины. Единственным способом искупления первородного греха оказывался тяжелый физический труд — труд «в поте лица»⁶.

Исследуя истоки православной трудовой этики, Т.Б. Коваль отмечает, что в библейской заповеди обладать землей, а также хранить и возделывать Сад Эдемский труд предстает «идеальным образом человеческого бытия... образом чистого и радостного творчества», никак не связанного «с необходимостью физического выживания». Изменение природы труда, превращение его в суровое наказание становится следствием грехопадения, то есть,

⁶ По данным Ф.Ф. Болонева и А.Г. Байбородина, в начале XX в. у забайкальских старообрядцев бытовало слово *сохач*, которым называли «приверженца сохи», крестьянина, не признающего в сельском хозяйстве техники и отказавшегося пахать плугом (Болонев, Байбородин, 2002. С. 49).

нарушения «должного соотношения духа и плоти» (Коваль, 1994. С. 55-57). По этой причине произнесенные Богом слова — «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Бытие 3:19) — несут в себе смысл не только проклятия, но и предписания, следуя которому человек получает надежду на обретение спасения.

Характерное для православной традиции понимание труда — не только монашеского, но и мирского — как формы аскезы (в широком смысле слова) определило негативное отношение многих православных иерархов и религиозных мыслителей к разрушающим традиционный уклад техническим нововведениям (Коваль, 1994. С. 58, 90). Старообрядцы, культура которых была ориентирована на вдумчивое толкование ветхозаветных текстов, чаще, чем православные крестьяне, обращались к Ветхому Завету за пониманием различных вопросов, в том числе, касающихся хозяйственной жизни. Следуя библейскому предписанию «в поте лица» добывать хлеб, в своей повседневной жизни старообрядцы-пустынножители стремились придерживаться раннехристианского принципа «прокормления пустынника трудом рук своих». Идеалы пустынножительства, подчеркивает Н.Н. Покровский, органично вобрали в себя уравнительные идеи трудовой общины, согласно которым «пустынник... обязан кормиться трудом рук своих». На той же основе строилась и жизнь общины пустынножителей, условием существования которой практически всегда был обмен продуктами (хлеба на рыбу, холст, туеса и лапти) с обитателями сельской округи. Поскольку заводить хлебную запашку в скитах зачастую было небезопасно, экономика многих заимок-пустыней строилась почти исключительно на промыслах, главными из которых были охота, рыболовство, обработка дерева и пр. (Покровский, 1975. С. 20-21, 42-44).

Современные полевые материалы, а также опубликованные сведения позволяют сравнить системы жизнеобеспечения, сложившиеся в скитах старообрядцев-часовенных Верхнего и Нижнего Енисея (соответственно, «на Юге» и «на Севере»). Одно из принципиальных различий в хозяйстве верховских и дубчесских скитов заключалось в наличии у верховских старообрядцев скота. Новосибирские археографы во главе с Н.Н. Покровским, побывавшие в скитах Верхнего Енисея еще в конце 1960-х гг., отмечали, что жизнь в старообрядческой общине (кроме обязательных пяти-

семи часов ежедневной молитвы!) требовала нелегкого труда. Основные продукты старообрядцам «давали тщательно ухоженные огороды, лес и река». Близ избушек имелись поля зерновых, но основные запасы муки и зерна пустынники получали, меняя их на выращенных ими коров и телят — и это притом, что «в самих скитах действовал круглогодичный запрет на мясо» (Покровский, 1988. С. 35).

По словам священноинока Евагрия (1982 г.р.), имевшего опыт проживания как в Верховье, так и на Дубчесе, «хоть в Писании и сказано, что иноки скота не держат, но раз (в Верховье) с мира ничего не принимают, приходится самим коров держать». По той же причине у старообрядцев Тувы (в Верховьях Енисея, — Г.Л.) «молока всегда было, хоть залейся. Молоком (даже) помидоры поливали». В Дубчесских скитах, которые сегодня являются признанным центром часовенного согласия, вместо молока использовали кедровое масло — «белое, как сливки... оно даже жирнее и калорийнее коровьего... Они на нем и в пост стряпают, очень вкусно, как молосное» (Мурашова, 2003. С. 204, 207).

Долгое время основу питания на Дубчесе составляла репа: «раньше... даже картошки не было, в основном репу ели — печеную, вареную, жареную... При о. Тимофее у них рожь росла. А как стали *с мира питаться* — *рожь расти перестала*» (стали хлеб закупать). Позже, когда специальным постановлением Бийского собора 7420 (1912) года было разрешено употребление картофеля, на Дубчесе стали «картошку сажать... Но у них там такой Север, что приходится землю кострами обогревать. Они в мае месяце... садят, а к Успению уже все вырастает. Уних все быстрее растет, потому что ночи светлые» (Там же). К.И. Юркова (1926 г.р.) подтвердила, что при ней на Дубчесе «сеяли рожь, а скота не держали, (поскольку) травы там нет, земля мохом покрыта. Питались с огорода... На огороде овощи среди лета часто замерзали... Картошка за лето три раза замерзла... Тогда бревно рядом клали, поджигали и землю грели, оттаивали... Воду летом из болотной ямки брали, зимой снег таяли. Ягоды в тайге было мало, а рыбу не ловили, так как далеко от Дубчеса жили... Голодно было... все сами делали. Лен садили, на снегу отбеливали, пряли, ткали... Пожилые молились, молодые работали...» (ПМА, 2004, п. Сизим, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва). Гостившая у скитских матушек несколько лет назад П.Г. Зубакина (1936 г.р.) также обратила внимание на то, что «верховские» ничего «с магазина не берут», зато «коровушку держат, рыбу добывают, картошку садят, огурцы, помидоры... Христолюбцы везут им муку, а они за них молятся. Мельница водяная у них есть. Ягоды сушат, грибы собирают... Сахаром не питаются, крупу, макароны, соль с магазина не берут. Соль каменную им с озер везут» (Там же). В целом, заключает Евагрий, «в Туве можно без мира жить, у нас все растет, а у них (на Дубчесе) ничего не растет, поэтому без мира никак» (Мурашова, 2003. С. 207).

Приведенные данные наглядно показывают, что религиозные предписания в общинах старообрядцев-часовенных (брать или не брать продукты «c мира») корректировались в зависимости от конкретных природно-климатических условий. Более суровые условия севера, не позволявшие довольствоваться лишь тем, что можно произвести своим трудом, предопределили необходимость введения так называемой исправы. По словам Евагрия, «V сибирских (на Дубчесе, — Γ .J.) исправа имеется: все, что в магазине берут, исправляют (кропят святой Богоявленской водой и окуривают фимиамом, — Γ .J.). А верховские считают, что поганая лохань не исправляется...», поэтому «c мира» ничего не берут (Там же).

Ориентация на самодостаточность и негативное отношение к сельскохозяйственной технике, позволяющей производить больше, чем необходимо для собственного потребления, отличает многих современных обитателей таежных заимок. Один из героев документального фильма о жизни старообрядцев-часовенных сибирской тайги⁷ рассуждает: «Меня зовут Леонтий, шестеро детей имею... Что самое важное? Сохранить себя от прелестев от всяких... от змеиных. А прелести это что? Трактор завел — бжикбжик-бжик — сделал! Какой труд? Никакого нету! А надо все вручную делать... Ты возьми лопату, вскопай... Лопатой сколько вспашешь? Только тютелька в тютельку. Тебе год на год, с зернушки до зернушки хватит... Узкий прискорбный путь будет... Вот ты по Господним ступням и пойдешь... Я коня запряг — видишь, сколько напахал? А трактор запряги, дак ты гору вспашешь! Сколько у тебя будет? Уже богатство...», — констатирует рассказчик. Свойственное сибирским старообрядцам негативное отношение к техническим нововведениям в последней четверти XX в. обернулось неприятием научно-технического прогресса в целом, отдельные

⁷ Затерянные в тайге / Verloreneder Taiga. Фильм Марии Ингрид Бандманн. Производство Мария Бандманн Фильм продукцион. - DVD / Германия / 2005 / 43 мин.

достижения которого трактуются как признаки наступающих или уже наступивших «последних времен» (Любимова, 2009. С. 126)⁸.

Однако реальная жизнь вносит в религиозные установки свои неизбежные коррективы. Что касается верховских скитов, то большую часть их обитателей в последние годы составляли женщины преклонного возраста, при всем желании не способные обеспечить себя всем необходимым. По мнению М.П. Татаринцевой, уже к концу XX в. по степени зависимости от прилегавших к монастырям старообрядческих поселков монастырская жизнь больше напоминала жизнь в богадельне, нежели то полностью независимое отшельническое существование, которого требовал устав (Татаринцева, 2006. С. 81). Продуктами, тканью и готовой одеждой проживавших в скитах матушек снабжали жители сельской округи — христолюбиы. По словам одного из них, скитские обитательницы вначале не разрешали ему пилить дрова бензопилой «Дружба», назвав ее «антихристовой прелестью», но затем, выслушав его возражения, согласились. Решающим аргументом послужило предложение: «а вы тогда бензином не пользуйтесь и на машине не ездите, а только лен возделывайте и одежду себе сами шейте!», что в современных условиях представляется уже абсолютно невозможным (ПМА, 2004, записано от С.М. Вершинина, 1938 г.р., п. Эржей, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва)9.

Удивительный компромисс, учитывая его религиозный статус, был найден бывшим наставником Сизима, ныне покойным Иваном Григорьевичем Юрковым, определившим свое отношение к использованию техники следующим образом: «что для веселья — грех, то для работы можно» (ПМА, 2004, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва). Недавно ушедший из жизни наставник Ужепа, Макарий Гермогенович Рукавицын, снискал себе не менее удивительную славу «местного Кулибина», изобретателя сельхозорудий — ср.: «они там, в Ужепе, пшеницу сеют... у них там и сеялки, и веялки, чего только нет в хозяйстве!». По словам вдовы покойного, Феврусы Михайловны Рукавицыной (1933 г.р.), староверов,

⁸ Предметом особого религиозного осмысления в устных и письменных эсхатологических повествованиях старообрядцев Сибири стали губительные последствия науки и техники для природного окружения. К примеру, одно из произведений енисейского писателя-старообрядца Афанасия Герасимова (Мурачева) называется «Наука и техника природе убийца» (1984) (Духовная литература, 2005. С. 390-400).

⁹ В настоящее время действующих скитов в районе Верхнего Енисея практически не осталось. По словам местных жителей, *«скитские матушки либо примерли, либо на север уехали, на Дубчес»* (ПМА, 2014).

долгое время не вступавших в колхоз, советская власть душила налогами (<nланы накладывали, один <rod <10, <другой — <8 <8 <8 <8 <8 гектар...<9). Для того чтобы выполнить плановые задания, семьям приходилось засевать расположенные на скалах <8 <9 грилонтальные участки, — <7.<7.<7.<7. (ПМА, 2014, Каа-Хемский р-н, Республика Тыва). Необходимость увеличения производства, по всей видимости, способствовала развитию <8 <9 более подходящий для выращивания зерновых климат (<9 <9 в сочетании с поливным земледелием, заимствованным старообрядцами у местного тувинского населения, привел к тому, что в самом Ужепе, как и в расположенном поблизости Шивее, по оценкам самих жителей, сложилось <9 <9 верновые и используют сельскохозяйственную технику».

Тем не менее, отношение к технике у верховских старообрядцев остается двойственным, сопряженным с мотивом вины. В личном пользовании машины и трактора появились в Верховье не ранее 1990-х гг.; телевидение пришло к ним лишь на исходе второго тысячелетия; интернет и мобильная связь — в самые последние годы. При этом основными статьями дохода местного населения в настоящее время являются охота и приусадебное хозяйство¹¹. Рассуждая о том, что «все нынче обзавелись гусеничными тракторами, грузовыми и легковыми машинами» и прочей техникой, состоящая «в соборе» (то есть выполняющая все религиозные запреты и предписания) М.С. Попова (1938 г.р.) с сожалением добавляет: «раньше по вере технику не разрешалось использовать: христиане должны своим трудом жить! А сейчас мотоциклы все понакупали, даже малым детям...» (ПМА, 2014, п. Сизим)¹². Сходная

¹⁰ Местные жители оспаривают данное название друг у друга. «Кулибиным звали не Макария Гермогеновича, а его брата, моего отца. Он водяной насос изобрел, трактор из подручных средств собрал... Все эти устройства в монастырях нельзя использовать, а мирским можно», — уточнил работающий на водяной мельнице Павел Рукавицын, племянник Макария Гермогеновича (ПМА, 2014).

¹¹ Сезон охоты в Верховье продолжается с ноября по февраль. У каждого хозяина в тайге имеется собственный участок со своими избушками (зимовьями), расположенными по обоим берегам Енисея.

¹² Ср. также суждения о мобильных телефонах, которые тоже вначале *«сильно завиняли»*: телефонами *«по вере»* пользоваться нельзя, потому как они - *«лишняя роскошь»*, *«бесовская прелесть»*. Вопрос о допустимости мобильной связи решался старообрядцами в ходе долгих споров. В итоге решено было пользоваться самыми простыми моделями и только для разговоров (Там же).

ситуация характерна для поселений старообрядцев-часовенных на Урале, хозяйство которых, как пишет А.В. Головнев, носит товарный характер, а в каждом староверческом дворе имеются мотоцикл и трактор. По поводу техники местный наставник вздыхает: «Это нужды ради. Как мы без них? Но грех отмаливать надо» (Головнев, 2007. С. 57-59).

Убежденные в том, что только они являются «истинными христианами», старообрядцы постоянно соотносят ведущиеся ими поиски новых форм жизнеобеспечения (в том числе, связанные с использованием техники) с идеалами Священного Писания и Священного Предания. При этом внутренний конфликт старообрядческой культуры, связанный с признанием перманентного несоответствия жизненных реалий неким идеальным нормам, живым воплощением которых служит традиция пустынножительства, получает разрешение с помощью концепта «благословенной вины», составляющего основу парадоксальной и диалектичной, по словам А.В. Головнева, старообрядческой идентичности. Адаптивные функции религиозных установок в данном случае проявляются в том, что религиозный запрет на использование технических средств (не всегда, впрочем, четко артикулированный!) побуждает старообрядцев к поиску причин, способных оправдать его нарушения (то есть, к обоснованию той самой «великой надлежащей нужды», о которой упоминал В.В. Керов), тем самым, существенно повышая мотивацию самого старообрядческого труда.

ЛИТЕРАТУРА

- АРГО (Архив Русского Географического общества). Р. 61. Оп. 1. № 9. Л. 1 об.-3. Бузолин Ф.В. Очерк сельского хозяйства в Тюменском уезде. 1851 г.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 383. Оп. 43а. № 1038. Л. 156-159 об. О религиозных группах «Сынов божьих», обнаруженных в лесах Нарымского края.
- 3. Болонев Ф.Ф., Байбородин А.Г. Мать-сыра-земля: Религиозно-обрядовое и хозяйственное отношение к земле в этике старообрядцев Забайкалья // Народы Байкальского региона: древность и современность / Отв. ред. Ф.Ф. Болонев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 37-63.
- Головнев А.В. «Здорово живите»: беседы со староверами-часовенными // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 47-59.

Религиозные установки как регулятор культуры жизнеобеспечения

- 5. Думчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX начало XXI в.). Томск: ТГУ, 2007. 412 с.
- Духовная литература староверов востока России XVIII XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Т.2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. 584 с.
- Журавель О.Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как святая земля // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 3. С. 56-60.
- 8. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. М.: Церковь, 1995. 528 с.
- Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство как «благословенная вина»: конфессиональные основы технической модернизации // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 13-21.
- Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. 1994. № 2. С. 54-96.
- 11. *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика / Ред.: В.И. Козлов, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 14-43.
- Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры / В.И. Козлов (отв. ред.), Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 15-32.
- 13. Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современных народно-православной и старообрядческой традициях Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3 (39). С. 119-126.
- Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. - 208 с.
- Мальцев А.И. Православная традиция пустынножительства в сочинениях сибирских старообрядцев // Славянский альманах-2002 / Ред. Т.И. Вендина, В.К. Волков, М.А. Робинсон, В.А. Хорев. М.: Индрик, 2003. С. 64-69.
- 16. *Мурашова Н.С.* Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII-XX вв. / Ред. Ф.Ф. Болонев. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2003. С. 194-221.
- 17. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.
- Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири в XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII - начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1975. С. 19-49.
- 19. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1988. 284 с.
- Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194-210.

Г.В. Любимова

- 21. *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX- 80-х гг. XXвека (опыт реконструкции жизнедеятельности). Автореферат ... к.и.н. Томск: ТГУ, 2002. 24 с.
- 22. *Расков Д.Е.* Собственность в восприятии староверов-странников: спор о паровой мельнице начала XX века // Проблемы современной экономики. 2009. № 2 (30). С. 400-405.
- 23. *Татаринцева М.П.* Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.
- 24. Тишков В.А. Культурный смысл пространства. (Доклад на пленарном заседании V Конгресса этнологов и антропологов России, 9 июня 2003 г., Омск) // ЭО. 2004. № 1. С. 14-31.
- 25. *Ямсков А.Н.* Исследование экологических функций нематериальных явлений культуры (вместо введения) // Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 3-14.

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ МАРКЕРОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА СИБИРСКО-НЕМЕЦКОГО СЕЛА

(на материалах этнографических экспедиций в Омское Прииртышье)¹

В статье прослеживается эволюция элементов декора жилища сибирских немцев — потомков выходцев из Саратовского Поволжья. История архитектуры немецкого села Красноярки (Омская обл.) подана сквозь призму теории модернизации. Публикация основана на материалах полевых исследований автора и данных местных (районных) архивов.

Чемиотика российско-немецкой архитектуры длительное вреия оставалась сюжетом второго плана в российско-немецкой этнологии, уступая по актуальности исследовательским вопросам, способствующим реабилитации российских немцев и основанным на работе с архивными материалами, воспоминаниями бывших спецпоселенцев. По значимости для отечественной этнологии эта тематика также уступала разработке этнографии обрядов, пищи, конфессиональной проблематики - обычных, классических исследований, которые практически не могли быть реализованы на пике развития советской этнографии в 1960-1970-х гг. по причине идеологических табу и неполной реабилитации советских немцев. В статье пойдет речь об эволюции декоративных элементов жилища в сибирско-немецких селах Омского Прииртышья. На сегодняшний день исследования российско-немецкой сельской архитектуры представлены публикациями С.А. Терехина (на материалах Саратовского Поволжья), разделами в обобщающих работах А.Р. Бетхера (Прииртышье и Кулундинская степь), Т.Б. Смирновой (Терехин, 1999; Бетхер, 2013; Смирнова, 2012).

Вторым обстоятельством, снижающим исследовательский интерес к проблемам эволюции сибирско-немецких поселений,

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ 15-01-00453

является тезис о вторичности российско-немецкой архитектуры по отношению к строительной культуре мест выхода (справедливо для меннонитских колоний Украины и Поволжья), либо русской крестьянской традиции зодчества в местах вселения (справедливо прежде всего для поволжских немцев). Кроме того, немецкая земледельческая колонизация украинских и поволжских степей была одним из проектов российского просвещения, реализуемым имперскими властями, и с самого начала тяготела к использованию передовых технологий своего времени. Заданная квартальной планировкой, военно-инженерными решениями водоснабжения в засушливой степи, жестким администрированием колоний в первые десятилетия обоснования, рациональность освоения пространства усиливалась благодаря протестантскому вероисповеданию большинства колонистов, хорошо поставленному школьному делу, и, главное — невозможности, да и отсутствия смысла перенимать высококонтекстную (изобилующую неязыковыми, сложно рационализируемыми смыслами) культуру местного населения. У немцев Поволжья не сложилось сколь-нибудь развитых самостоятельных практик символического отражения природных стихий. Так, автор первого историко-этнографического описания немцев Поволжья Якоб Дитц отмечает, что ведовство у колонистов было направлено лишь на противодействие\нанесение «порчи», центрировалось вокруг образа ведьмы (Нехе) (Дитц, 1997, с. 397). Весьма лаконичным по причине отсутствия символического диалога с природой был и декор поволжско-немецкого жилища. Тем не менее, найм русских плотницких артелей и эпизодические торговые контакты с жителями соседних сел – преимущественно русскими старообрядцами, проживание в жилищах – русских пятистенках и «избах со связями» (изначально предоставляемых правительством по приезду колонистов), и их позднейших глинокаменных вариантах породили действительно вторичную, небогатую сюжетами, но автономно развивающуюся декоративноприкладную традицию.

Материал, на котором основана эта публикация, собран в ходе экспедиций Международного союза немецкой культуры 2012-2013 гг., а также индивидуальных исследований автора 2014 г. Экспедиции Международного союза немецкой культуры (МСНК) проводятся с 2010 г. в местах исторического присутствия российских немцев. Одной из главных целей экспедиций

является создание реестра поселений, сохраняющих самобытное традиционное этническое наследие российских немцев и выявление объектов культурного наследия, нуждающихся в охране. Маршрут экспедиций 2012 г. (Азовский немецкий национальный район Омской обл.) и 2013 г. (Красноармейский район Саратовской обл.) позволил сопоставить сохранившиеся архитектурные объекты колоний нагорной стороны Волги с их аналогами в дочерних немецких поселениях Прииртышья. Дальнейшие авторские исследования позволили компенсировать лакуны в экспедиционном материале за счет изучения документации отдела архивной службы Шербакульского р-на Омской области (в дальнейшем — ОАС Шербакульского р-на Омской обл.). Материалы похозяйственных книг обрабатывались с помощью методик, предложенных сотрудниками сектора этнической экологии ИЭА (Методы..., 1999).

О традиционном жилище поволжских немцев сегодня мы можем судить по постройкам конца XIX—начала XX вв., сохранившихся на территории бывших кантонов АССР Немцев Поволжья (нагорная сторона Волги). Помимо собственно традиционных деталей (планировка, полуциркульные окна, сводчатые подвалы, элементы декора), эти постройки содержат приметы раннечиндустриальной модернизации— в удаленных от Волги районах глинокаменные дома обложены кирпичом мозаичной кладки, в прибрежном селении Сосновка (б. Шиллинг) дома сложены из «пластин» — пилёного полубруса, преобладают полувальмовые крыши (рис. 1).

Декор представлен солярным орнаментом в оформлении слуховых окон и наличников, волнистым орнаментом причелин (детали, широко распространенные и в русских селах Нижней Волги), резьба на карнизах часто воспроизводит соцветие — скорее всего, изображение символа Рождества — Вифлеемской звезды. Тонкость проработки деталей, преобладание пропильной резьбы указывает на влияние книжной графики и столярное исполнение (рис.2).

Немецкая колонизация западной Сибири началась в 1893—1896 гг. с освоения степного района, удаленного от Иртыша на 10-30 км, а от линии строящейся Транссибирской магистрали — на 40-100 км. В 1893 г. выходцы из Красноярской вол. Камышинского уезда Саратовской губ. основали село Александровку (названо в честь Александра III), в 1896 году их земляки — село Красноярка.

Рис. 1. Поволжско-немецкий дом с полувальмовой крышей рубеж XIX—XX вв. (Красноармейский р-н Саратовской обл., с. Сосновка (б. Шиллинг). К торцевой стороне здания прислонен старый воротный щит с умбоном в виде соцветия. Материалы экспедиции МСНК-2013. Фото автора.

Основатели Красноярки были вынуждены использовать местные строительные материалы: пласты дёрна, позднее саман. Анализ данных похозяйственных книг Красноярского сельского совета за 1935 г. указывает на преобладание саманных жилых построек с земляной, реже соломенной крышей. Самый старый на тот момент (и скорее всего первый в селе) деревянный дом датирован 1912 г. (ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф.85, Оп.3,

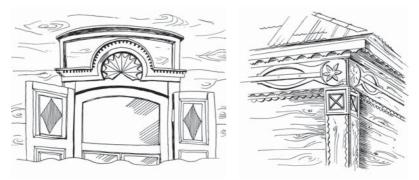

Рис. 2. Образцы декора деревянных поволжско-немецких домов рубеж XIX—XX вв. (Красноармейский р-н Саратовской обл.). Материалы экспедиции МСНК-2013. Рис. Елены Эпп.

Д.1-3). Если «пластянка» возводилась как временное жильё (но впоследствии эксплуатировалась до полувека), то саманный дом являл собой зачастую «капитальную», основательно возводимую постройку. Так, в 1917 г. (наиболее благополучном для колонистов-поставщиков продовольствия в армию) в Красноярке было построено два деревянных и три саманных дома, один из которых был крыт железом. На распространенность и долговечность саманных строений в степном регионе указывает сохранность 47 саманных домов против двух деревянных возведенных до 1918 г. на территории Шербакульского района (на 1989 г.) (ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф.29, Оп. 1, Д. 19).

Из 78 домов, упомянутых в похозяйственных книгах за 1935 г. лишь семь построек (с тесовой, либо железной кровлей) обладали стропильной системой и, возможно, карнизами, несущими какую-либо декоративную нагрузку. Остальные постройки не имели потолка — как правило, снопы соломы или пласты дёрна укладывали на переплет из прутьев тальника, положенных на матицу. Стены в саманных домах были толстыми, окна были глубоко утоплены, что нередко исключало использование наличника. Таким образом, в течение длительного периода сибирские колонисты

Табл. 1. Строения с. Красноярка по годам и материалу постройки (по состоянию на 1935 г.) (по: ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф. 85, Оп. 3, Д. 1-3.)

Период Мат-л стен\ кровля	1896-1900	1901-1905	1906-1910	1911-1915	1916-1920	1921-1925	1926-1930
Саманные строения, из них:	4	4	6	9	15	7	15
крыты соломой	2	1	2	2	1	3	1
крыты пластом	2	-	2	7	13	4	14
крыты тёсом	-	3	2	-	-	-	-
крыты железом	-	-	-	-	1	-	-
Деревянные строения, из них:	-	-	-	2	4	4	3
крыты соломой	-	-	-	1	ı	-	-
крыты пластом	-	-	-	1	4	3	3
крыты тёсом	-	-	-	-	-	1	-
крыты железом	-	-	-	-	-	-	-
Пластянки	-	-	-	1	1	1	2
Общее количество строений	4	4	6	12	20	12	20

были лишены возможности массово воспроизводить знакомый по местам выхода, либо усвоенный на месте декоративный ордер. Вариант декорирования саманного дома, впрочем, известен по опыту украинских (беломежских) немцев в Сибири: на свежую побелку тряпкой (как вариант, надрезанной картофелиной) наносили цветочный орнамент, в качестве пигмента использовалась местная синяя глина.

В похозяйственных книгах отсутствуют упоминания построек, возведенных в первой половине 1930-х гг. В период 1931–1935 гг. отмечена высокая детская смертность, зафиксирована опека над 14 детьми, происходит чрезвычайно интенсивная миграция — из 192 домохозяйств, включенных в состав Красноярского сельсовета на 1930 г. (село Красноярка, волынско-немецкая деревня Яблоневка, хутора), 40 домохозяйств «выбыло совсем»; ещё 60 семей в указанный период на время покидали село в поисках лучшей доли (ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф.85, Оп.3, Д.1-3.). Спасаясь от голода и обнищания первых лет колхозной жизни, колонисты мигрировали в места выхода (однако там ситуация была не лучше), либо пытались закрепиться на многочисленных стройках первой пятилетки. В указанных обстоятельствах обзаводиться новым домом не имело смысла: при необходимости можно было занять пустующее жильё. Короткий период относительно благополучного существования сибирско-немецких колхозов в 1934-37 гг. был прерван «большим террором», выбившим большую часть взрослых мужчин. В течение неурожайного 1940 г. из 170 хозяйств (включая 28 русских и украинских) выбыло 31 (ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф.85, Оп.3, Д.4). В 1930-40-х гг. в Красноярке возводили лишь «пластянки», как правило, для расселяемых по колхозам депортированных (в случае Красноярки — из Эрленбахского кантона АССР Немцев Поволжья) и эвакуированных граждан. Первый саманный дом после длительного перерыва был построен в 1950 г.

В нач. 1950-х гг. немецкое население имело опыт трудовых мобилизаций на строящиеся и действующие промышленные объекты, владело практиками полулегальной добычи необходимых ресурсов и конверсией индустриальных отходов (рис. 3).

В 1953 г. сибирские степи стали одной из основных территорий новой аграрной политики Советского государства. Освоение целинных и залежных земель способствовало притоку техники и специалистов, внедрению экономически оправданных норм хо-

Рис. 3. Кровля саманного дома, набранная из вкладышей топливного фильтра, начала 1950-х гг. постройки в с. Трубецком (Азовский Немецкий национальный р-н Омской области). Материалы экспедиции МСНК-2012. Фото А.П. Сорокина.

зяйствования, повышению доходов и степени личностной свободы крестьян. В годы освоения целины крестьянский труд обрел смысл не только из-за обращения к технологиям, но и благодаря возможности высоких сезонных заработков.

В 1954—1958 гг. в сибирских целинных сёлах происходит строительный бум. Красноярка не была исключением (рис. 4).

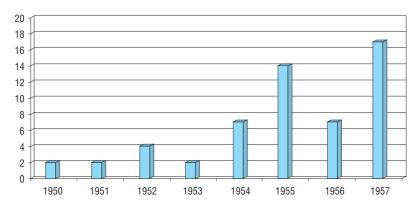

Рис. 4. Количество жилых построек с. Красноярки Шербакульского р-на Омской обл. по годам возведения (1950–1957 гг., по: ОАС Шербакульского р-на Омской обл., Ф. 85, Оп. 3, Д. 121).

Рис. 5. Фрагменты декора ворот и наличников на усадьбах 1950-х гг. возведения (с. Красноярка Шербакульского р-на Омской обл.). Фото автора.

В 1950-е гг. меняется технология возведения домов — теперь их стены «отливают» размятой глиной в плетеный, либо дощатый опалубок, по сути — «литые» дома сибирских степняков — глинобитные постройки. Для возведения стропил первое время приглашали мастеров из Александровки, затем и эта работа стала привычной. Перед первыми застройщиками 1950-х ещё стояла задача воспроизводства традиционных сюжетов декора, приличествующих «большому», наделенному стропилами и полноценной крышей дому (рис. 5).

Однако в значительной мере секуляризованное, либо намеренно уходящее от обвинений в использовании религиозной символики население весьма вольно использует традиционный орнамент — у звезд на воротных щитах и карнизах в Красноярке разное количество лучей — от четырех до десятка. К началу 1960-х гг. новые дома в Красноярке стали совершенно обыденным делом, их хозяева были инициативными тридцатилетними людьми, которые жили в интересное время: первых космических стартов и электрификации села (рис.6).

Рис. 6. Фрагменты декора зданий нач. 1960-х гг. постройки (с. Красноярка Шербакульского р-на Омской обл.). Фото автора

В позднеиндустриальный период (1970-1980 гг.) сибирские немцы заполняли нишу высококвалифицированных рабочих советских аграрных гигантов. Подобное положение дел сложилось по причине неполной реабилитации, затруднявшей не только возвратную миграцию, но и переезд в города; из-за демографических особенностей популяции; специфике отношения к труду и государству. Относительно высокие заработки в сочетании с образцово организованной работой в личном приусадебном хозяйстве и низкими коммунальными платежами делали возможным в сибирско-немецком селе масштабное жилищное строительство с использованием современных промышленных материалов. Если первые дома-пятистенки, возведенные в 1950-е гг., обладали простой двускатной крышей, то для более масштабных деревянных и кирпичных построек 1960—1970-х гг. потребовалось более сложное решение – простая четырехскатная, либо четырехскатная полувальмовая крыша (рис. 7). По словам одного из создателей вернакуляра (облика застройки) Красноярки, учителя В.А. Альтенгофа, «бытовало мнение, что просто четырехскатная крыша — это некрасиво».

Вопрос, что же влияло на «мнение» в большей степени — эстетические соображения, память о месте проживания до депортации у бывших спецпоселенцев-эрленбахцев, или же память

Рис. 7. Полувальмовая крыша дома нач. 1970-х гг. постройки (с. Красноярка Шербакульского р-на Омской обл.). Фото автора

о немногих «кулацких» домах Красноярки — пока остается открытым. Практика домостроения немцев-бывших спецпоселенцев в Западной Сибири показывает, что те стремились обзавестись большой усадьбой, наследующей лишь расположение надворных построек от поволжского предка, в остальном соответствующей местной строительной традиции. Так или иначе, выбор оказался непрактичным: как место хранения зерна вентилируемый чердак колхознику 1960-х был уже не нужен. Кроме того, слуховые окна в редко посещаемом помещении превратились в проблему: по словам В.А. Альтенгофа, их захлестывало водой во время ливней, иногда выбивало степным вихрем. Однако полный отказ от полувальмовых крыш произошёл далеко не сразу: дома, возведенные в конце 1980-х гг., содержат лишенную практического смысла, но традиционную деталь облика: напуск на коньке, имитирующий контуры полувальмовой крыши (рис. 8).

В постиндустриальный период вслед за коллапсом советской аграрной экономики наступила эпоха большой миграции: десятки тысяч немцев покидали нищающие родные села ради переезда в Германию. Немецкие национальные районы, вновь созданные в Алтайском крае и Омской области, а также исторические немецкие и переселенческие села Новосибирской области стали пунктами транзитной миграции для немцев Казахста-

Рис. 8. Четырехскатная крыша с «вальмовым» напуском (село Красноярка Шербакульского р-на Омской обл.). Фото автора

на и Киргизии. В настоящий момент тут преобладают русские и украинцы — выходцы из Казахстана, весьма привлекательны бывшие немецкие села юга Западной Сибири для «северных» пенсионеров. Тем не менее, экономическое влияние старожильческого немецкого меньшинства в Азовском немецком национальном районе и исторических немецких селах Омской области остается весьма значительным: на местах осталась самая адаптивная часть сибирско-немецкого населения, в чьем распоряжении нередко находятся земельные паи и хозяйственные активы выехавших родственников. Для сибирско-немецкой интеллигенции пребывание в постиндустриальной экономике — повод не только для ностальгии, но и для дальнейших поисков, освоения горизонтов, ранее не достижимых предками в ходе первичного хозяйственного обустройства, а затем в рамках командной аграрной экономики. Сегодняшние сельские мастера вдохновляются не только весьма разреженным наследием родной культуры, но и относительно удаленными географически традициями. И также осуществляют ментальную миграцию «село-город» — используя техники и сюжеты томской резьбы или европейского стрит-арта (рис. 9).

Исследование сибирско-немецкой архитектурной и декоративно-прикладной традиции на сегодняшний день нуждается в сопоставлении с практиками соседей немецких колонистов — русских и украинцев, казахов и сибирских татар. Кроме того, весьма актуальным представляется обращение к традиционным женским ремеслам — здесь не было столь длительных разрывов

Рис. 9. Элементы декора усадеб с. Цветное Поле Азовского немецкого национального р-на Омской обл. Материалы экспедиции МСНК-2012. Фото автора.

А.Ю. Охотников

в практиках, которые мы наблюдаем в домостроении и декоративном оформлении жилища.

Автор выражает признательность работникам Красноярской средней школы Ирине Фридриховне и Владимиру Андреясовичу Альтенгоф, краеведу Михаилу Петровичу Миллеру, сотрудникам отдела архивной службы Шербакульского района Омской области за помощь в сборе материала публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бетхер А.Р., Курманова С.Р., Смирнова Т.Б.* Хозяйство и материальная культура немцев Сибири / Под общ. ред. Т.Б. Смирновой. Омск: Издательский дом «Наука», 2013.
- 2. Дити Я. История поволжских немцев-колонистов. М., Готика, 1997.
- 3. Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999.
- 4. Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2012.
- 5. *Терехин С.А.* Немецкие поселения на Волге: архитектурный феномен. Саратов: Кадр, 1999.

ЧАСТЬ 3

Жизнеобеспечение народов Сибири и Крайнего Севера

МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ОЛЕНЕВОДОВ В ТАЕЖНЫХ И ТУНДРОВЫХ ЛАНЛШАФТАХ¹

Изучение механизмов воздействия на жизнеобеспечение локальных сообществ коренных народов Севера природных и социальных факторов требует использования различных методологических подходов. Цель статьи — продемонстрировать различия двух возможных подходов на конкретных примерах. Для выявления влияния на традиционное жизнеобеспечение сообществ оленеводов погодно-климатического фактора были использованы методы системного анализа, включая математическое моделирование на компьютере. Для изучения влияния на него аккультурации был использован альтернативный системному подход, основанный на изучении этнокультурных контекстов. В первой части статьи показано, как с помощью математической модели теплового баланса северного оленя можно выявить территории, наиболее благоприятные для различных типов традиционного оленеводства. Вторая часть содержит теоретическое обоснование нового подхода и демонстрирует эволюцию некоторых этнокультурных контекстов на примере таежного оленеводства эвенков и тофаларов.

25 лет назад, в своей статье «Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты» Виктор Иванович Козлов (1991) обратил внимание на недостаточность для изучения экологии этнических сообществ разработанных в отечественной этнологии познавательных инструментов, в первую очередь концепции хозяйственно-культурных типов (Левин, Чебоксаров, 1955; Андрианов, 1981) и антропогеоценоза (Алексеев, 1975, 1984). Они были основаны на системном подходе, который

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке гранта РФФИ № 15-06-041-95 и международного проекта ERC «Arctic Domus».

рассматривался тогда как универсальный способ решения научных задач. Однако оказалось, что его методология «пасует» перед описанием такого важного компонента систем жизнеобеспечения как духовная культура. Предложенная В.П. Алексеевым для этой цели концепция информационного поля оказалась «неоперационной» (Козлов, 1991. С.34). Во-вторых, системы жизнеобеспечения этноса оказались «слишком» открытыми, чтобы для их изучения можно было успешно применять эффективные методы системного анализа, в первую очередь, метод балансов (Козлов, 1991. С. 36). Границы таких систем размыты, а связи их компонентов с внешней средой зачастую сильнее внутрисистемных. Это особенно характерно для традиционных систем жизнеобеспечения, сохранившихся до настоящего времени в виде фрагментов, вкрапленных в социально-экологические системы доминирующего общества.

Методология системного подхода при изучении объектов сложной природы состоит в следующем (Ляпунов, Яблонский, 1963; Ляпунов, 1970). Объект представляется состоящим из блоков, связанных потоками субстанций, которые могут накапливаться или транспортироваться, существует обмен потоками между объектом и внешней средой. Субстанцией может быть вещество, энергия или другие средства обмена (например – деньги в экономических системах), величину которых можно измерить и которые удовлетворяют законам сохранения, позволяющим составить соотношения баланса. Методология системного подхода оказалась весьма продуктивной при изучении, моделировании и управлении сложными техническими, экономическими и природными объектами. В экологии – это исследование потоков энергии и вещества в живых организмах, популяциях и экосистемах, накопление и трансформация этих субстанций, управление потоками. В этнологии она успешно применялась для таких задач как оценка емкости «питающего ландшафта» в зависимости от технологий природопользования, или исследование пишевых потоков между людьми и природой. Классическим примером здесь могут быть модели, разработанные Игорем Крупником для тундровых оленеводов и морских зверобоев (Крупник, 1989).

Однако существуют объекты, а также задачи исследования и управления ими, которые не могут быть удовлетворительно представлены и решены на основе постулатов системного подхода. Это различного рода тексты (от латинского textum — ткань,

связь), деление которых на блоки равносильно уничтожению объекта. К объектам такого рода относятся и этнические системы, где границы между этносами размыты. Второе ограничение относится к субстанциям, потоки которых связывают блоки объекта между собой и объект с внешней средой. Информационные потоки не подчиняются законам сохранения.

Методологическим выходом из указанных затруднений, на наш взгляд, мог бы быть отказ от одного из самых общих положений системного анализа, согласно которому окружающая нас реальность условно делится на две части: систему и ее внешнюю среду. Очевидно, что четкое выделение системы как объекта исследования дает возможность сосредоточиться на ее внутренней структуре и взаимодействиях между ее элементами, отодвигая их связи с внешней средой на второй план. Такой подход очень удобен, если внешними связями действительно можно пренебречь. Однако с жизнеобеспечением современных малочисленных этнических сообществ ситуация обратная. Поэтому для их изучения желательно использовать альтернативный подход, который и будет предложен ниже. Новый подход должен не заменять, а дополнять и расширять возможности обычно применяемого - системного в тех случаях, когда последний в силу указанных выше ограничений применен быть не может. Цель этой работы продемонстрировать и сопоставить возможности двух подходов на конкретном примере изучения воздействия природных и социальных факторов на жизнеобеспечение сообществ оленеводов в тайге и тундре. Для большей наглядности мы рассмотрим два крайних примера: а) влияние погодно-климатического фактора, для которого можно успешно применить методы системного анализа вплоть до использования имитационной компьютерной модели, и б) влияние аккультурации, где обычный системный подход применить трудно и требуется его альтернатива.

Влияние на системы жизнеобеспечения оленеводов погодно-климатического фактора

Северный олень, как биологический вид, в процессе своей эволюции хорошо адаптировался к погодно-климатическим условиям Крайнего Севера. В свою очередь сообщества оленеводов адаптировали свой образ жизни к экологическим потребностям северного оленя и могут противостоять суровому климату и опасным для оленей явлениям погоды. Они не в силах повлиять на климат, но

научились управлять перемещениями оленей так, чтобы животные постоянно находились в более комфортных метеоусловиях. Требования оленей к климату Л.М. Баскин (2009) определил так: прохладное, ветреное, дождливое лето; умеренно теплая, маловетреная погода зимой с относительно неглубоким снежным покровом; отсутствие колебаний температуры в районе ноля градусов в переходные сезоны. Он также подчеркнул, что олени лучше адаптированы к холоду и плохо переносят жару (Баскин, 2009. С. 11).

По единодушному мнению экологов и самих оленеводов, для оленеводства опасны в первую очередь следующие явления погоды (Макеев и др., 2014. С. 190):

- 1. Зимой (в период снежного покрова):
 - а) Ледяная корка на поверхности снега, в его толще или на поверхности почвы. Образование корки, как правило, происходит в предзимний период, когда температуры близки к нулю, с последующими морозами, которые препятствует ее разрушению, и реже во время зимних оттепелей. Может иметь место последовательное образование в толще снежного покрова нескольких корок.
 - b) Сильные и продолжительные морозы.
 - с) Бураны, пурги, сильные метели.
 - d) Очень глубокий снежный покров, затрудняющих добывание оленями кормовых растений.
- 2. Весной (в апреле-июне):
 - а) Метели или пурга в период отела (у домашних оленей это месяц май).
 - b) Резкие колебания температуры в первые недели жизни телят.
 - с) Нарушение обычных сроков наступления весны, в первую очередь — слишком раннее распаление льда на водных преградах, которые оленеводам приходится пересекать во время миграции.
- 3. Летом (в июле и августе):
 - а) Продолжительная жаркая, сухая, безветренная погода
- 4. Осенью:
 - а) Нарушение обычных сроков ледостава из-за позднего наступления холодов, что вызывает сбой в обычном ритме кочевок и перегона оленей к местам зимовок или к месту убоя.

Эти соображения качественного характера могут быть дополнены и уточнены с помощью методов системного анализа, в частности путем разработки компьютерных моделей. Одна из таких моделей, позволяющая рассчитать тепловой баланс северного оленя и выявить воздействие на него климатических факторов: температуры воздуха, скорости ветра, глубины и плотности снежного покрова, солнечной радиации, облачности и др., была построена в Санкт-Петербургском институте информатики и автоматизации². В ее основе лежат современные представления, согласно которым в благоприятных для оленя условиях поддержание его теплового баланса происходит за счет работы физиологической системы терморегуляции: пилоэрекции шерсти, изменения кровоснабжения тканей и регулирования дыхания и поведенческих адаптаций: выбор местоположения и позы, обеспечивающих уменьшение или увеличение теплопотерь. Условия, при которых это возможно, получили название термонейтральной зоны (ТН3). При выходе за их пределы в холодное время года организм оленя вынужден дополнительно к перечисленным использовать биохимические механизмы терморегуляции, т.е., грубо говоря, «сжигать калории». Это постепенно приводит к истощению животного, что на популяционном уровне выражается в повышении смертности и снижении рождаемости. Зимой, при выходе за пределы ТНЗ, олени расходуют накопленные летом запасы жира. Летом, в жаркую погоду работа систем терморегуляции направлена на максимальное сокращение генерации тепла, т.е. на «гашение калорий». В критических условиях это приводит к тому, что олени почти полностью перестают кормиться, у них прекращается накопление жировых запасов, при недостатке которых олень не сможет пережить следующую зиму, когда ему понадобится много энергии, чтобы добывать корм из-под снега, и принести здоровое потомство весной.

Модель теплового баланса позволяет найти границы ТНЗ — т.е. рассчитать граничные условия устойчивости физиологической системы терморегуляции к перегреву или переохлаждению, для взрослых оленей и для телят в любой географической точке, по которой имеются необходимые метеорологические данные. Такая методика была апробирована для ареала таймырской популяции

² Описание модели приведено в ряде публикаций (Mikhailov, 2012; Михайлов, 2013; Михайлов, Пестерева, 2013; Михайлов, Филь, 2012; Макеев и др., 2014).

³ Подробнее см.: Макеев и др., 2014. С. 134-154.

диких северных оленей на севере Красноярского края. С ее помощью были определены географические границы ТНЗ, а также дана оценка возможного смещения этих границ при потеплении или похолодании климата (Scherbakov and all, 2010; Макеев и др., 2014).

Мы использовали эту модель для приблизительной оценки благоприятности климата различных регионов России для домашнего оленеводства. Для этого в модель были внесены изменения, учитывающие различия в экологии дикого и домашнего северного оленя, в первую очередь, в сроках гона, отела и, соответственно, в темпах набора веса телятами. Для расчетов были использованы средние многолетние данные по 45 метеостанциям, расположенным в районах с разным климатом и различными типами оленеводства, а также по внешней периферии его южной и северной границ. Такое количество точек позволило сделать предварительные выводы, которые изложены ниже, а также спланировать размещение дополнительных точек для следующего этапа более детальных исследований. Для расчетов были использованы осредненные по месяцам метеоданные, что позволило выявить месяцы, когда параметры теплового баланса чаще всего приближаются к границам ТНЗ или выходят за их пределы. Таких лимитирующих периода оказалось два. В декабре-январе наиболее вероятно переохлаждение телят, у которых теплоотдача значительно выше, чем у взрослых животных. В летние месяцы возможен «перегрев» взрослых оленей, в первую очередь самцов, имеющих максимальную из всех возрастно-половых групп массу тела.

Поскольку стада домашних оленей постоянно передвигаются, а модель определяет границы ТНЗ для отдельных пунктов, при интерпретации результатов нужно учитывать перемещения стад. С этой целью было сделано этноэкологическое районирование ареала оленеводства по схемам сезонной организации выпаса. Основой для этого послужили выделенные Г.М. Василевич и М.Г. Левиным (1951) типы оленеводства, в каждом из которых сложились свои характерные связи оленеводства с ландшафтом. Полученные районы можно объединить в четыре ландшафтноэкологических типа.

- **1. Арктический тип,** в котором оленеводы и их стада проводят круглый год в тундре, не откочевывая на юг. К этому типу относятся два небольших по площади района ненецкого оленеводства:
 - 1.1. Остров Колгуев.
 - 1.2. Северные части полуостровов Ямал и Гыдан.

- 2. Тундровой межзональный тип, который характерен для крупностадного тундрового оленеводства на равнинах, где выражена широтная зональность ландшафтов. Пастбищные территории обычно вытянуты узкими лентами длиной в сотни километров, от летовок, расположенных в тундре на побережье океана, до зимовок в лесотундре и северной тайге. В пределах этого типа выделено четыре района:
- 2.1 Кочевого ненецкого и коми-ижемского оленеводства, занимающего основную часть тундр и предтундровых территорий от Белого моря до Енисея; в этом районе наблюдается максимальная длина сезонных кочевок.
- 2.2. Долганского и эвенского оленеводства на востоке Таймыра и на севере Якутии.
- 2.3. Чукотского оленеводства в северной части Чукотского авт. округа и в Нижнеколымском районе Якутии.

С некоторой долей условности к этому же типу можно отнести еще два района:

- 2.4. Ловозерский район Мурманской области, где оленеводство представлено своеобразной смесью, образовавшейся из наложения друг на друга традиций саамского и коми-ижемского оленеводства. В связи с тем, что полоса тундр по северному побережью Кольского полуострова очень узка, олени большую часть года пасутся в лесотундровых и северо-таежных ландшафтах. Меридиональная миграция оленей слабо, но выражена, а кочевание оленеводов почти отсутствует.
- 2.5. Притихоокеанскую часть восточной Чукотки, которую называют «зоной рискованного оленеводства» из-за частого образования здесь ледяной корки. В прошлом на востоке Чукотки имела место обычная для данного типа схема сезонных перемещений. Прибрежные территории использовались только как летние пастбища, а на зиму чукчи со своими стадами уходили за сотни километров в материковые тундры, чтобы сберечь оленей от обледенения пастбищ. Однако, коллективизация и преобразования землепользования оленеводческих совхозов, вынудили оленеводов отказаться от традиционной схемы миграций и оставлять стада на зиму в опасной зоне у побережья океана (Мироненко, 2000).
- 3. Горный таежный тип. Географический принцип в нем тот же, но используется не широтная зональность, а вертикальная поясность горных ландшафтов: летние пастбища расположены

в горных тундрах, а зимние у подножия гор. В пределах этого типа можно выделить, по крайней мере, четыре района:

- 3.1. Территория коми-ижемского оленеводства на Урале и его восточных склонах (бассейн р. Ляпин, левого притока Северной Сосьвы).
- 3.2. Ареал преимущественно эвенского оленеводства в горах северо-восточной Якутии.
- 3.3. Ареал саянского оленеводства (тофаларов и тувинцевтоджинцев) в горах юга Сибири.
- 3.4. Ареал эвенкийского оленеводства в гористой части южной Якутии.
- 4. Таежный равнинный тип характерен только для мелкостадного транспортного оленеводства. Небольшие стада пасутся в течение всего года в одном районе, т.е. олени постоянно находятся в одних и тех же климатических условиях. В прошлом этот тип был широко распространен по таежным равнинам и низкогорьям от Урала до Тихого океана, а также включал несколько очагов таежного оленеводства в Европейской части России. К настоящему времени его ареал распался на отдельные изолированные очаги. Районы в пределах этого типа не выделялись.

С точки зрения учета воздействия на оленеводство погоды и климата между перечисленными типами и районами есть существенные различия. Так, в районах тундрового межзонального типа (особенно в районах 2.1-2.3) определять границы ТНЗ нужно для зимних и летних пастбищ отдельно, используя данные разных метеостанций. В районах горного оленеводства, где летние и зимние пастбища расположены неподалеку, но на разных высотах, в расчеты нужно вводить поправку на вертикальный градиент температуры.

Районирование также дало возможность учесть и на качественном уровне оценить влияние различного рода опасных и благоприятных явлений погоды, которые не нашли отражения в модели теплового баланса, таких как образование ледяной корки на приморских территориях с теплыми зимами (районы 1.1, 1.2, 2.5) или многолетних наледей в речных долинах Восточной Сибири.

Теперь изложим предварительные выводы, полученные на основе результатов компьютерного моделирования теплового баланса северного оленя.

Зимний лимитирующий период

Расчеты на модели показали, что существенных рисков переохлаждения домашних оленей, даже телят, в средние по метеоусловиям годы не наблюдается нигде. Только в холодные годы имеет место кратковременный выход за пределы ТНЗ на севере Таймыра и Ямала. Таким образом, суровость климата почти не мешает существованию домашних оленей даже в высоких широтах. Подтверждением этому может служить успешное арктическое оленеводство на севере полуострова Ямал и на о. Колгуев. Отсутствие оленеводства на большинстве арктических островов и на севере Таймыра нужно объяснять другими причинами, прежде всего, недостатком зимних кормов для оленей или отсутствием дров для оленеводов. Кроме этого, как отмечает Л.М. Баскин, откочевка на юг экологически выгодна для оленей еще и потому, что благодаря обратной весенней миграции с юга на север они на 20 дней продлевают время питания молодой весенней зеленью (Баскин, 2009. С.15).

Для оленей теплые зимы в тундре хуже холодных, так как оттепели повышают риск образования ледяной корки. Поскольку зимой температура вдоль берега моря на несколько градусов выше, чем в глубине материка, оленеводы уходят с более теплого побережья в холодные внутренние районы тундры. Большое значение имеет рельеф зимних пастбищ: там, где тундра холмистая (например, на севере Ямала) обледенения больших участков пастбищ не происходит, корка, как правило, образуется лишь локально. Оленеводы, оставаясь в этом районе на зиму, всегда могут найти место, где корки нет или она слабая. Правда, для этого требуется иметь некоторый резерв пастбищ, и если они перегружены, такой маневр невозможен. С обледенением пастбищ в условиях сильного перевыпаса была связана гибель основного поголовья домашних оленей, имевшая место два года назад на острове Колгуев, рельеф которого почти совсем плоский. Другой пример — частые случаи гибели оленей из-за ледяной корки в оленеводческих совхозах восточной Чукотки в 1970-1980 гг. Их причинами было нарушение традиционной схемы кочевания при переводе на оседлость и организации совхозного землепользования плюс стравливание пастбищ из-за чрезмерного увеличения поголовья, продиктованного советской плановой экономикой.

Для оценки условий обитания оленей в $\underline{\text{теплое время года}}$ был рассчитан условный показатель — «суммарный коэффициент пе-

регрева» (далее Kn), численно равный сумме значений нормированной величины теплового сопротивления организма взрослого оленя⁴ за все месяцы, когда тепловой баланс выходил за пределы ТНЗ. Оптимальные условия ($Kn=\theta$) были отмечены в наиболее холодных районах. Это север Таймыра, где оленеводство невозможно, так как там расположена летовка крупнейшей в Евразии популяции дикого северного оленя, а также острова Северного Ледовитого океана, часть из которых тоже населена дикими оленями. Здесь, даже в летние месяцы, тепловой баланс не выходит за пределы термонейтральной зоны.

Почти столь же благоприятные условия (Kn < 0,2) мы находим на севере Чукотки и в северных тундрах Ямала и Гыдана — т.е. в районах, где крупностадное тундровое оленеводство наиболее развито. Несколько хуже условия в южной части тундровой зоны Ямало-Ненецкого авт. округа, в тундрах Ненецкого авт. округа и Кольского полуострова, а также на севере Якутии (0,2 < Kn < 0,8). В указанных районах преимущество для летнего выпаса имеют пастбища, расположенные вблизи морских побережий, где летняя температура на несколько градусов ниже, а ветер и облачность сильнее.

Менее благоприятны условия летнего выпаса оленей в равнинной части таежной Якутии, а также в центральной части Кольского полуострова, где значения Kn возрастают до 1,2. Еще хуже условия выпаса на юге Сибири, в Ханты-Мансийском авт. округе, Иркутской и Амурской областях, Бурятии, Забайкальком крае (Kn > 1,3). Здесь выход за пределы термонейтральной зоны длится до четырех месяцев, причем в июле и августе «перегрев» усугубляется кровососущими насекомыми и оводами. Надо отметить, что при одних и тех же значениях Kn условия выпаса в Восточной Сибири лучше, чем в Западной, так как в более континентальном климате суточная амплитуда температур больше, а это значит, что в ночное время олени могут кормиться и отдыхать, находясь в пределах термонейтральной зоны. В точках, расположенных южнее границы оленеводства — за исключением горных районов — значения Kn превышали 1,8.

В равнинной тайге оленеводы традиционно используют ряд приемов, которые улучшают условия теплового баланса животных. Так, в Восточной Сибири, где в условиях вечной

⁴ Методику расчета теплового сопротивления см.: Макеев В.М. и др., 2014. С. 134-154.

мерзлоты на реках образуются многолетние наледи (площадь которых иногда измеряется квадратными километрами), оленеводы нередко держат оленей около небольших наледей, расположенных в удобных для выпаса местах. В жаркие дни олени охотно уходят к наледям, спасаясь не только от жары, но и от насекомых.

Известный прием в таежном оленеводстве — содержание оленей в жаркую погоду на открытых обдуваемых ветром местах. Как показывают результаты моделирования, летом значительный вклад в увеличение расходной части теплового баланса оленя дает увеличение скорости ветра от 0 до 4-5 м/сек. При дальнейшем усилении ветра изменения теплобаланса замедляются. Перемещая стадо на обдуваемые участки пастбищ, оленеводы могут ослабить негативное действие высоких летних температур, при этом ветер защищает оленей и от насекомых.

Наряду с температурой воздуха, вклад в положительную часть теплового баланса оленя вносит прямая и рассеянная солнечная радиация. Защитой от прямой солнечной радиации может быть тень от деревьев или специальные навесы, которые часто сооружают оленеводы. Расчеты показали, что в самой жаркий месяц — июль в условиях средней и южной тайги вклад солнечной радиации в приходную составляющую общего теплового баланса организма северного оленя примерно эквивалентен снижению среднесуточной температуры на 1-2 градуса Цельсия. Кроме навесов, оленеводы иногда сооружали для оленей длинные сараи из жердей или тонких бревен, которые защищают также и от рассеянной солнечной радиации. Конструкции таких сооружений у разных оленеводческих этносов были различными (Курилюк, 1969. С. 297-298; Мухачев А.Д., 2008. С. 156; Козьмин, 2003 и др.).

В Восточной Сибири оленеводство часто связано с возможностью перегонять оленей на летний период с равнин в горы. Эта зависимость хорошо прослеживается при наложении карты сезонного использования оленьих пастбищ в «Атласе сельского хозяйства Якутской АССР» (Атлас..., 1989. С. 74-75) на гипсометрическую карту и карту растительности (Атлас..., 1989. С. 18-19 и 40-41). Так, в районе вытянутого с юга на север Верхоянского хребта южнее Полярного круга основные массивы летних пастбищ приурочены к наиболее высоким участкам, занятым горными тундрами и предтундровыми лесами. К северу от Поляр-

ного круга летние пастбища, напротив, располагаются на более низких высотных отметках. Благодаря вертикальному температурному градиенту, подъем на высоту около 1000 м ведет к снижению среднесуточных температур примерно на 6 градусов С. Кроме того, переход из лесных ландшафтов в горные тундры обеспечивает усиление ветра, что с точки зрения теплового баланса равносильно снижению температуры еще примерно на 2-3 градуса. Хотя этот эффект частично компенсируется усилением прямой солнечной радиации, расчеты показывают, что радиационный нагрев, существенный в высоких широтах, мало влияет на итог теплового баланса животных к югу от 60° с.ш. Таким образом, перегон стада домашних оленей в горы на высоту полутора тысяч метров равнозначен его перемещению на несколько сотен километров к северу. Так, у подножия Центрального Саяна Кп, рассчитанный по данным метеостанции Нижнеудинска, составил 1.9, что очевидно совсем неблагоприятно для оленеводства. В горах Центрального Саяна тофалары летом держат стадо оленей на высотах от 1500 до 2000 м, где значение Kn, по нашей оценке, составляет около 1,1, что примерно соответствуют условиям северной тайги.

* * *

Таким образом, использование имитационной компьютерной модели, построенной по классической методологии системного подхода на основе балансового расчета, позволило дать разумные объяснения некоторым региональным особенностям как тундрового, так и таежного оленеводства. Очевидно, что развивая такой подход, уточняя и усложняя модели, можно получить довольно полное представление о функциях, которые выполняет оленеводство в этноэкологических системах (антропогеоценозах), закономерностях функционирования и условиях устойчивости таких систем. Это возможность сохраняется до тех пор, пока антропогеоценозы сохраняют свою системную определенность. Однако, как только локальные этнические сообщества подвергаются аккультурации и в жизнеобеспечении начинают преобладать внешние источники товаров и энергоносителей, возможности применения системного подхода исчерпываются и возникает необходимость в поисках альтернативной методологии (Ямсков, 2010. C. 117-118).

Влияние на жизнеобеспечение оленеводов процессов аккультурации

Определив жизнеобеспечение как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей этнической общности путем ее адаптации к природной и социально-культурной среде, В.И. Козлов (Козлов, 1991. С. 26) подчеркнул, что такая адаптация происходит в первую очередь путем развития компонентов этнической культуры. Культура — главный механизм адаптации. С ее помощью люди не только сами приспосабливаются к новой экологической нише, становясь частью экосистемы, но также осмысливают и окультуривают окружающую их природу, формируя этнокультурную среду и создавая культурный ландшафт.

В настоящее время быстро меняющаяся социокультурная среда, к которой приходится адаптироваться сообществам оленеводов, формируется не их собственной этнической культурой, а большей частью культурой доминирующего общества. Поэтому адаптацию локальных сообществ можно рассматривать как совокупность множества аккультурационных процессов. Чтобы упорядочить это множество, уместно воспользоваться представлениями о слоях культурного ландшафта (Калуцков, 2009). Согласно этим представлениям, культурный ландшафт территории, где живут разные этнические общности, формируется из нескольких компонентов, или культурных слоев. Эти слои могут быть как материальными (преобразованные природные объекты, постройки, захоронения и др.), так и ментальными. Ментальные слои связаны со смысловыми интерпретациями окружающей среды в различных культурах, с помощью которых природные и рукотворные объекты, приобретают определенный смысл.

Представители одной культуры, как правило, не знают и «не видят» слоев, сформированных в рамках другой культуры, этно-культурная среда формируется на пересечении нескольких знаковых систем, каждая из которых связана с определенным этно-культурным контекстом. Значимость отдельных объектов зависит от этнокультурного контекста, в котором они рассматриваются. Оценки извне (с позиций доминирующего общества), и изнутри (с точки зрения представителей традиционной культуры) могут сильно различаться. Характерный пример — ответ молодого ненца-оленевода с полуострова Канин на вопрос, хочет ли он стать богатым, чтобы купить больше полезных вещей для своего хо-

зяйства. Оленевод ответил, что не стремится иметь много вещей, так как для их перевозки понадобится слишком много нарт, а это затруднит кочевание (Клоков, Хрущев, Бочарникова, 2012). Так, ненцы оценивают качество жизненной среды, прежде всего, по ее пригодности для кочевого оленеводства. Мерой богатства у них служат не деньги, а поголовье оленей. У других оленеводческих этносов другие меры ценностей. Для охотников-оленеводов эвенков оптимальный размер семейного стада не превышает 50 оленей, так как большее поголовье отвлекает хозяина от его основного занятия — охоты (Туров, 1990).

Приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, что изучение процессов аккультурации предполагает анализ их смыслового содержания, а значит в нем можно использовать подходы, применяемые для изучения содержания текстов. Всю изучаемую совокупность «этническая общность — природная среда — социальная среда» можно рассматривать как текст, значение и смысл которого раскрываются в различных контекстах. В гуманитарных науках накоплен большой арсенал методических подходов для анализа содержания текстов. Некоторые из них могут быть использованы и в этнической экологии.

Информационные конструкты, определяющие форму и особенности восприятия членами этнической общности окружающего мира и стереотипы их поведения, мы предлагаем называть «этнокультурными контекстами» (Клоков, Хрущев, Бочарникова, 2012; Клоков, Хрущев, 2014). Контекст — термин, заимствованный из лингвистики, но в культурологии он используется не только для анализа текстов, но и других культурно значимых фактов, т.к. их значение существенно различается в зависимости от того, в рамках какой культурной традиции они рассматриваются. В археологии словом контекст обозначают как место находки того или иного артефакта, как и совокупность хронологических и пространственных связей, с помощью которых интерпретируется его значение.

Понятие этнокультурного контекста может быть также увязано с теорией фреймов, которая получает всё большее распространение в социальных науках. Она была разработана Ирвингом Гофманом (2003) на основе идей, заимствованных из размышлений о теории коммуникации Г. Бейтсона (2000). Впоследствии термин «фрейм» был использован М. Минским (1974) для создания искусственного интеллекта и получил распространение в со-

циологии и когнитивной лингвистике (Вахштайн, 2011а). Отправной момент этой теории состоит в том, что субъект, познавая мир, опирается на уже существующие в его сознании когнитивные структуры, получившие название фреймов. «... Нет наблюдений без фреймов, – пишет Виктор Вахштейн. – Каждое событие конституируется в наблюдении, когда наблюдатель применяет к нему определенный фрейм» (Вахштайн, 2011б. С. 81-82). Понятие фрейма применяется и в конфликтологии, когда важно показать, что разные субъекты понимают и интерпретируют окружающую их действительность по-разному (LeBaron, 2003). С его помощью были получены интересные результаты в изучении этнических различий восприятия пространства и времени (Heynick, 1983). В работах, посвященных отношениям человека и северного оленя, оно было использовано, чтобы показать, как воспринимают географическое пространство ненецкие и коми-ижемские оленеводы (Istomin, Dwyer, 2009).

В этнической экологии этнокультурный фрейм можно рассматривать как своего рода «очки», позволяющие представителям того или иного сообщества воспринимать, усваивать и систематизировать сведения об окружающем мире, а контекст трактовать как содержание фрейма. Последнее может быть «записано» не только в сознании людей, но и в создаваемой ими культурной среде, текстах, фольклоре, артефактах, в «очеловеченном» культурном ландшафте.

Этнокультурный контекст – это среда, в которой живут традиции, поэтому его формирование и эволюция могут быть связаны с жизненным циклом той или иной традиции. По Э.С. Маркаряну, звенья культурных традиций выполняют в обществе такие же «селективные, стабилизирующие и направляющие функции», как гены в процессе эволюции живых организмов (Маркарян, 1983. С. 157). Как и традиции, контексты появляются сначала как нечто новое, затем они проходят процесс своего рода «естественного отбора» (Истомин, 2015) и лишь после этого становятся привычными и традиционными. Говоря о традициях, Э.С. Маркарян (1983. С.156), сравнил этот механизм с мутациями и рекомбинациями генов в биологической эволюции, считая, что по отношению к нему можно применить термин «культурная мутация». Это явление наблюдается и с контекстами в оленеводстве. У оленеводов можно отметить два часто встречающихся варианта таких комбинаций: во-первых, когда они пользуются для изготовления

традиционных предметов новыми материалами, во-вторых, когда они, наоборот, приспосабливают новые технологии к своему кочевому традиционному образу жизни, например, выпекая хлеб на кочевых стойбищах в тундре в разрезанных пополам и врытых в землю железных бочках (Klokov, 2011).

Контекст традиционного жизнеобеспечения оленеводов охватывает все виды информации, заключенные в их практических знаниях, включая терминологию, используемые ими практики (традиционные технологии), предметы материальной культуры: орудия труда, хозяйственные постройки, кочевые жилища, снаряжение, одежду и др. Он складывается из нескольких устойчиво повторяющихся частных контекстов. В таежной зоне это знания и практики приручения оленей, ухода за оленятами, доения важенок, вольного и изгородного выпаса, защиты оленей от насекомых, хищников и болезней, обучения оленей ходить под седлом и вьюком и др. Их дополняют контексты, связанные с сооружением изгородей и лабазов, изготовлением оленьих седел, шитьем меховой одежды, обустройством кочевого жилища (чума, палатки и др.).

Так, контекст верховой езды на олене включает умение правильно разметить и закрепить седло и перевозимые вещи, расставить оленей в пределах «связки» в определенном порядке, знание местности и особенностей поведения животных, чтобы быстро найти и отловить ездовых оленей перед поездкой, выбрать маршрут, время и темп передвижения и др. В контекст защиты оленей от насекомых входят локальные экологические знания о том, когда и в каких местах наиболее вероятен сильный лёт комара, мошки или овода, адекватные местным условиям способы устройства дымокура (какое взять топливо, чтобы огонь горел долго и давал много дыма, как оградить костер от оленей и др.). В тундровом оленеводстве, набор контекстов традиционного жизнеобеспечения несколько иной: он включает знания и практические навыки управления крупными стадами оленей, кочевок на большие расстояния, использования пастушеской собаки, тактики выпаса стад в условиях гололеда и др.

Действия людей обусловлены контекстами, в которых их поведение привычно и воспринимается как целесообразное. Каждый контекст опирается на коллективный опыт, на основе которого вырабатываются практики и формируются стереотипы поведения. Столкнувшись с проблемной ситуацией, человек

выбирает ту или иную стратегию и действует на основе одного из контекстов, в рамках которого он осмысливает проблему. В рамках другого контекста интерпретация проблемной ситуации и выбор стратегии оказываются иными. Таким образом, контекстный анализ позволяет выявить и понять причины напряженности, которая возникает в ходе аккультурации традиционного сообщества.

Приведем пример из обсуждения проблем оленеводства уильта на Сахалине⁵. Оленеводство здесь пришло в критическое состояние из-за сокращения поголовья оленей (осенью 2014 г. осталось всего 146 голов) и отсутствия пополнения в рядах оленеводов. Уильта и сахалинские эвенки, находясь в рамках контекста традиционного оленеводства, видели решение проблемы в улучшении структуры стада, ухода за оленями и организации труда. Представители местной администрации и региональных властей имели другую точку зрения. Они считали, что самое главное – провести регистрацию оленеводческих хозяйств либо как сельскохозяйственных товаропроизводителей с образованием юридического лица, либо как предпринимателей без образования юридического лица, с последующей регистрацией прав землепользования тех и других. В административном контексте эта позиция отражала их стремление поддержать оленеводство. В традиционных контекстах она, напротив, воспринималась как бюрократический барьер, препятствующий его сохранению. Представители администрации удивлялись, почему оленеводы не регистрируют свои хозяйства, а оленеводы не понимали, почему они должны заниматься бюрократической волокитой, вместо того, чтобы прилагать силы к сохранению оставшихся оленей.

Рассматривая эволюцию оленеводства в России за последние десятилетия, можно выделить четыре группы контекстов и фреймов, различающиеся по времени их формирования.

- 1. Традиционные, т.е. сформировавшиеся до начала советских преобразований хозяйства и образа жизни оленеводов, и впоследствии более или менее сильно измененные этими преобразованиями.
- 2. Бюрократические и технологические советского периода. Их появление связано с процессами аккультурации в 1920-1980-е гг. Они сформировались в составе общего бюрократическо-управ-

⁵ Полевые материалы (далее ПМА) К.Б. Клокова, Ногликский район Сахалинской области. 2014 г.

ленческого фрейма, через который в советский период осуществлялось управление колхозами и совхозами, и определяли поведение работников их аппарата и специалистов, как правило, получивших специальное образование. Мы видим здесь целый ряд наложенных доминирующим обществом контекстов, цель которых была интегрировать традиционное жизнеобеспечение в общий контекст социалистической модели сельскохозяйственного производства, через который распределялись государственные средства и создавалась производственная инфраструктура (базы, корали, забойные пункты и др.). В отличие от традиционных, бюрократические контексты тиражировались в виде большого числа различных документов: планов, отчетов, инструкций, рекомендаций, руководств и др. По меткому выражению Шарля Степанофа (Stépanoff, 2012. С. 146), олени в них были лишены инициативы, ума и даже способности обучаться, они рассматривались как существа, управляемые условными рефлексами. Оленеводы стали рабочей силой и производственными кадрами. Технологические контексты были проводниками новаций, связанных с использованием техники, ветеринарной и зоотехнической работой и др. Они вытесняли и занимали место традиционных знаний.

История бюрократическо-технологического фреймирования оленеводства представляет значительный интерес и может стать предметом специального исследования. Укажем здесь лишь его некоторые характерные черты. Оно проходило путем заимствования бюрократических контекстов из других отраслей сельского хозяйства. Базой для этого, по-видимому, послужили крупные оленеводческие предприятия севера Европейской части России. По этой причине в его контексты попало много ненецких слов: например, «хор» (самец оленя), «важенка» (самка) и др., которые распространились по всему Северу России как официальные термины, нередко вытеснив местные названия. Оленеводство в них было отраслью сельского хозяйства, а его идеалом считались крупные стада и их управляемый выпас под постоянным контролем пастухов. В этом также хорошо просматривается их происхождение от традиционных контекстов ненецко-ижемского оленеводства. Существовавшая в советское время централизованная модель управления сельским хозяйством способствовала распространению таких контекстов не только в тундровом, но и таежном оленеводстве, где они не соответствовали природным условиям и нередко противоречили местным традициям. Вместе с тем, распространяясь по северным областям, они были частично адаптированы к местным условиям, впитывая в себя местные контексты.

- 3. Контексты постсоветского времени, связанные большей частью с социально-политическими фреймами. В них оленеводство и олень приобретают смысловую нагрузку этнического маркера или символического атрибута этнической культуры. Наличие у людей собственных домашних оленей рассматривается как подтверждение права локального сообщества на хозяйственную автономию, включая специальные права на владение и пользование землей (пастбищами), доступ к биологическим ресурсам, а также на участие в специальных государственных программах. Статус оленевода важен и в контексте двусторонних отношений сообществ коренных жителей с энергетическими и промышленными компаниями. Здесь видна связь с международными политическими контекстами защиты прав коренных народов и социальной ответственности крупного бизнеса. Интересно отметить, что в отличие от преобразований, проводившихся в начале советского периода, которые одновременно меняли и контексты и фреймы, постсоветские реформы привели лишь к насыщению уже существовавших фреймов новыми контекстами.
- 4. Новые технологические и «постиндустриальные» информационные контексты, которые быстро распространяются в тундровом оленеводстве, особенно там, где идет промышленное освоение (Stammler, 2009; Головнев и др., 2014. С. 89-91). Это, во-первых, новый для тундры энергоноситель бензин, который позволил не только широко использовать снегоходы, приблизив дальние стойбища к поселкам, но и дает возможность иметь в чуме электроприборы, включая компьютеры и спутниковое телевидение. Во-вторых, это бытовая электроника: мобильные и спутниковые телефоны, навигаторы, ноутбуки и др.

С началом советского периода бюрократические фреймы и контексты с императивом «максимум поголовья оленей при минимальных затратах труда» пришли в столкновение с традиционными. В ряде районов тундрового оленеводства результатом стал перевыпас и истощение пастбищ. В тайге бюрократические директивы по увеличению размера стад вели к постепенному снижению уровня доместикации оленей. Животные неизбежно становились более дикими, так как внимание, которое люди могли им уделить, уменьшалось пропорционально росту числа оленей на одного оленевода. Того самого показателя производительности

труда, который в бюрократическом контексте считался критерием эффективности хозяйства.

Стремление бюрократической системы увеличить поголовье, сократив затраты труда, выражалось и в различных «хозяйственных экспериментах». Например, в Тофаларии оленеводам для экономии затрат труда стали запрещать привязывать оленят. В результате олени стали постепенно дичать, и от эксперимента пришлось отказаться (Клоков, ПМА. 2013).

Более масштабный хозяйственный эксперимент состоял во внедрении «изгородного содержания» оленей. Он проводился в командно-административном порядке во многих оленеводческих совхозах Эвенкии, Якутии и ряде других регионов в 1960-1980-е гг. Идея была не только сократить затраты труда пастухов, но и приблизить их образ жизни к стандартам жизни в поселке. Они должны были перестать кочевать и постоянно жить в специально построенных в тайге домах, а олени пастись вокруг на огороженных участках пастбищ. Этот контекст был связан с советскими политическими фреймами, которые определяли поведение властей по отношению к коренному населению по всему северу России. Его можно рассматривать как дополнение к контексту «перевода на оседлость».

Однако результаты не оправдали этих ожиданий. Затраты труда на выпас оленей почти не уменьшались, зато требовалось много труда поселковых жителей, которых ежегодно вывозили в тайгу строить и ремонтировать изгороди. Изгороди до некоторой степени облегчали поиск оленей, которые теперь не могли уйти далеко, но не избавляли пастухов от всех остальных работ: разведения дымокуров, лечения животных, их защиты от хищников и др. Вместе с тем уровень доместикации оленей уменьшался. Так, в Эвенкии помещенные в огороды олени стали более пугливы, вне изгороди они хуже ориентировались, не возвращались к стойбищу или на привычные пастбища, хотя в прошлом хорошо знали свои постоянные места выпаса и сами шли по кругу годового маршрута. В пределах огороженного участка они ходили плотной массой по периметру изгороди, быстро вытаптывая пастбища 6.

⁶ Ссорин-Чайков Н. Социально-экологический очерк населения и хозяйства подкаменнотунгусских эвенков. В отчете по хоздоговору № 32 «Разработка экономических основ оптимизации хозяйственного комплекса Енисейского Севера с учетом перспектив развития народностей Севера». НИИ экономики сельского хозяйства НЗ РСФСР. Ленинград-Пушкин, 1989 (рукопись). Цит. по: Клоков, Хрущев, 2004. С. 112.

Попытки внедрить в таежное оленеводство изгородную систему выпаса продолжались более 30 лет, но широкого распространения она так и не получила. Д.И. Сыроватский объяснял это несоблюдением инструкций. Оленеводы нарушали пастбищеоборот, согласно которому для каждого стада нужно иметь два или три огороженных участка, чтобы использовать их по очереди через год или два (Сыроватский, 2000. С. 112). На практике огороженные участки обычно использовались несколько лет подряд до истощения пастбищ, иногда 4-5 лет подряд. Кроме того, оленеводы, в нарушение установленных требований, часто не делали изгороди полностью замкнутыми.

Причины таких неудач понятны, если принять во внимание контекстные различия. В контексте европейских стандартов, которым соответствовала изгородная система, рациональное землепользование должно осуществляться в четких пространственных и временных границах. Пастбищные территории должны быть, во-первых, четко разделены на участки, а во-вторых, эти участки должны использоваться по плану, в определенное время. Хозяйство, не привязанное заранее к пространству и времени, т.е. без плана территории и плана-графика на будущее, не может быть признано рациональным. Кроме того, в контекстах советской плановой экономики требовался рост поголовья и заготовок мяса и предполагалось, что огораживание пастбищ даст возможность увеличить поголовье и сократить потери оленей.

В традиционных контекстах идеал отношений человека с природой предполагает их взаимную адаптацию и минимальные затраты труда, в соответствие архетипам, свойственным доаграрным хозяйственным укладам (Ямсков, 2005. С.273). В контексте традиционного таежного оленеводства увеличивать поголовье оленей, которые живут в изгороди и не приучены ходить под вьюком или седлом. – бессмысленно, и даже вредно, так как отвлекает от его основного занятия – промысловой охоты. Здесь нет раз и навсегда закрепленных границ, так же как и четких планов на будущее (Туров, 1990; Сирина, 2012: 341). То, что составляет основу рационального землепользования в европейском понимании, в контексте традиционного хозяйства воспринимается скорее как препятствие. Границы здесь проницаемы. Традиционное сооружение изгородей поперек горной долины у эвенков, или у основания выдающегося в озеро полуострова, как делали в прошлом саамы на Кольском полуострове (Чарнолуский, 1930), лишь продолжает и дополняет уже существующие в ландшафте естественные границы, усиливая природную пространственную структуру ландшафта. Изгороди здесь лишь уменьшают подвижность оленей, не исключая полностью их выхода за пределы огороженного участка.

Чтобы уменьшить несоответствие «изгородной системы» местным условиям, в практических руководствах по оленеводству (Курилюк, 1969; Сыроватский, 2000; Мухачев, 2009) конструировались некоторые гибридные схемы (см. например: «Технологическая схема ведения оленеводства в таежной зоне» в кн. Мухачев, 2009. С. 202-214). Эклектические рекомендации позволяли представить реальность традиционного оленеводства в контекстах бюрократической системы, избегая при этом сильного нарушения сложившихся традиций. В результате появились довольно странные схемы организации оленеводства, на первый взгляд противоречащие хозяйственной логике.

Примером может быть изгородный выпас оленей в Суринде (Клоков, ПМА, 2014). Здесь сооружение изгородей продолжает играть важную роль в местном хозяйстве, но уже не в контексте оленеводства, а в социальном контексте обеспечения занятости населения. Работы по сооружению и ремонту изгородей в Эвенкии (также как и в Якутии) оплачиваются за счет государственных программ. В условиях, когда оленеводство не дает денежных доходов, эти работы стали важным источником денег для коренного населения. Так, в Суринде, в строительстве изгородей ежегодно участвует около 30 человек — 15% трудоспособного населения поселка. Эти люди официально зарегистрированы как безработные. Зимой они охотятся на соболя и дикого северного оленя, а осенью работают «огородниками». Заработок на строительстве изгородей дает им возможность приобрести необходимое снаряжение и продукты, чтобы выйти на промысел. В прошлом, когда охотничье хозяйство поддерживалось государством, они получали от совхоза специальный аванс, чтобы приобрести все необходимое для зимней охоты. Теперь вместо этого они зарабатывают на «огородах». Строительство изгородей получило в современном административнобюрократическом контексте новую роль. Это своего рода общественные работы, уменьшающие безработицу. Таким образом, изгородь теперь одновременно входит в два разных контекста, выполняя в них различные функции. Один из них относится к традиционному таежному оленеводству, а другой — к постсоветской бюрократической системе поддержки коренных малочисленных народов Севера.

Прослеживая эволюцию контекстов в ходе аккультурации, можно видеть ее основные механизмы. В отсутствие межкультурных контактов члены этнической общности живут в традиционных контекстах. Человек, находящий в том или ином контексте, как правило, продолжает свою активность в его рамках как бы «по инерции», так как чтобы освоить новый контекст, требуются значительные усилия. Каждый контекст обеспечивает адаптацию к определенной части природной или социальной среды и расширяет поле для творческой активности. Чем больше контекстов освоено этнической общностью – тем более она адаптирована. Аккультурация требует смены контекстов. Точнее она сама и есть смена контекстов. Обычно вхождение в другую культуру начинается с заимствования контекстов — т.е. отдельных элементов культуры при сохранении прежних форм сознания. На последующих стадиях изменяются структуры сознания, т.е. фреймы. Наиболее болезненной является ситуация, когда заимствованные или навязанные извне контексты не соответствуют унаследованным от прошлого фреймам.

* * *

В заключение остановимся на механизмах, которые обеспечивают устойчивость жизнеобеспечения оленеводческих сообществ в современных условиях. В системном подходе представления об устойчивости чаще всего связаны с системными регуляторами – цепочками зависимостей между элементами системы, которые образуют контур с отрицательной обратной связью. Классическим примером является саморегуляция системы из двух популяций – хищника и жертвы: рост числа хищников вызывает уменьшение популяции жертвы, а оно – в свою очередь - ведет к снижению численности хищников. Другой известный пример — модель рыночной экономики, в которой цена регулирует производство продукции: рост объемов производства ведет к снижению рыночной цены, в результате чего производство становится невыгодным и сокращается, и наоборот. Однако, в традиционном жизнеобеспечении, в том числе в оленеводстве, таких регуляторов, как правило, нет. Устойчивость достигается здесь за счет других механизмов. Наиболее очевидный из них – дублирование системных связей и контекстов, когда одна и та же цель может быть достигнута разными способами.

В системном подходе механизм дублирования функций хорошо известен. Так, в первой части этой статьи было отмечено, что для поддержания теплового баланса в организме оленя «работают» сразу нескольких частично дублирующих друг друга механизмов: физиологические, поведенческие и биохимические. Аналогичным образом можно отметить частичное дублирование контекстов в социальных процессах и в отношениях между людьми и животными.

Так, в таежном оленеводстве просматривается частичная взаимозаменяемость приручения оленей и ограничения их подвижности. Если олени хорошо приручены - оленеводы могут дать им больше свободы в период вольного выпаса. Альтернативой приручению может быть принудительное ограничение свободы передвижения животных с помощью изгородей. Так, тофалары в последние годы практически не используют изгородей, зато привязывают оленят в первый же день их жизни и потом постоянно о них заботятся. Для этого на период отела из поселка в стадо приезжают специальные люди – «телятники». Прирученные с раннего детства животные сохраняют доверие к человеку на всю жизнь (Клоков, ПМА. 2013). Наоборот, у суриндинских эвенков выпас теперь основан на «огородах», и телятам они уделяют минимум внимания. Во время отела и до середины июня маток с телятами держат в отдельной изгороди. По словам пастухов, «в норме» с телятами ничего делать не надо, только не мешать матке. Люди вмешиваются лишь в случае, если матка бросает теленка: его либо приучают к другой матке, либо выкармливают сами. В последнем случае теленок становится так называемым «хлебным оленем» («колободы»), которого можно кормить хлебом из рук. Олененком он живет при чуме как домашний питомец и сохраняет доверие к людям во взрослом состоянии (Клоков, ПМА. 2014). Если в Суринде такие олени единичны, то в Тофаларии такова степень прирученности большей части стада.

Более впечатляющий пример действия механизма дублирования — феномен устойчивости ненецкого тундрового оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе. Ключ к ее пониманию лежит в своего рода симбиозе крупных оленеводческих предприятий и семейных хозяйств, так называемых «частников». Как показал ретроспективный анализ динамики поголовья домашних

оленей в регионах РФ (Klokov, 2011), усиление государственного участия в сельскохозяйственном производстве в советский период вызывало рост поголовья в оленеводческих предприятиях и его снижение в семейных хозяйствах. В годы постсоветстких реформ указанные тенденции сменились на противоположные. Поэтому в регионах, где обе формы оленеводства существовали одновременно, оно оказалось устойчивее. Так, на Ямале, где доля личных оленей в общем поголовье никогда не опускалась ниже 30%, оленеводство успешно пережило кризисный период 1990-х гг. Когда поголовье оленей в совхозах уменьшалось, в семейных хозяйствах шел его быстрый рост. Противоположный пример — Чукотка, где системная эластичность оленеводческого хозяйства была принесена в жертву его эффективности. В советское время здесь быстрыми темпами развивались оленеводческие совхозы, а частное оленеводство было практически сведено на нет. В 1970-1980-е гг. Чукотка была регионом-лидером по поголовью оленей (565 тыс. голов в 1981 г.) и производству оленьего мяса, но в кризисные 1990-е годы число оленей снизилось до 92,5 тыс. голов. Восстановление поголовья началось лишь в 2002 г., когда возобновилась масштабная поддержка предприятий из бюджета округа (Клоков, Хрущев, 2004).

Как изменения климата, так и процессы аккультурации — суть факторы, воздействующие на традиционное жизнеобеспечение оленеводов, при отсутствии очевидной обратной связи. С точки зрения системного подхода такие воздействия несут в себе большой риск нарушения устойчивости. Однако, анализ контекстов, в котором системные границы отсутствуют, позволяет взглянуть на ситуацию иначе.

Так, аккультурация, снижая возможности местного населения заниматься оленеводством в прежних контекстах, в которых существенную роль играет денежный доход от этого занятия, одновременно способствует формированию новых. При этом контексты могут играть роль замещающих друг друга дублеров. Некоторые из них уже были упомянуты: это, во-первых, этнополитический контекст, где оленеводство играет роль этнического символа, и связанная с ним государственная поддержка оленеводства независимо от его экономической эффективности. Во-вторых, — это контекст развития партнерских отношений коренного населения с крупными промышленными компаниями, в котором экономическая эффективность также не является при-

оритетом. Появляются и другие новые контексты, например, использование оленей в туристическом бизнесе.

Вместе с тем устойчивость оленеводства по отношению к таким факторам как изменения климата поддерживается механизмами, которые можно удовлетворительным образом объяснить в рамках системного подхода. Представления об этнокультурных контекстах и фреймах могут служить дополнением и расширением этого подхода, позволяющим яснее представить механизмы интеграции традиционного жизнеобеспечения в социальную жизнь доминирующего общества. Вместе взятые, эти два подхода образуют еще один методологический уровень, который можно было бы обозначить, например, как контекстный или диасистемный поход. Системный подход, в котором исследование фокусируется в рамках четко определенных границ системы, является его частным случаем.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. Антропогеоценозы сущность, типология, динамика // Природа. 1975. №7. С. 18-23.
- 2. *Алексеев В.П.* Глава 10. Генезис антропогеоценозов // Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. С. 348-383.
- 3. *Андрианов Б.В.* К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 250-261
- 4. Атлас сельского хозяйства Якутской АССР. М., ГУГК, 1989. 114 с.
- Баскин Л.М. Северный оленть. Управление поведением и популяциями.
 Оленеводство. Охота. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009.
 284 с.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. - 476 с.
- Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ, 1951, № 1. С. 63-87.
- 8. *Вахитайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2011а.
- Вахштайн В. На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение. 20116. Т. 10. № 3. С. 79-94.
- 10. Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ. 2014 г. 232 с.

- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН. 2003.
- Истомин К.В. Попытка построения стадиальной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций (на примере кочевых и полукочевых ненцев тазовской тундры) // ЭО. 2015. № 3. С. 41-58.
- Калуцков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. геогр. наук. М., 2009.
- Клоков К.Б., Михайлов В.В. Выявление территорий климатического оптимума для традиционного оленеводства коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. 2015. Вып. 40. С. 105-108.
- 15. *Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. СБП.: ВВМ. 2004. 182 с.
- 16. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Региональные исследования. 2014. № 1. С. 98-108.
- 17. Клоков К.Б., Хрущёв С.А., Бочарникова А.В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы // Известия Русского географического общества, 2012. Т. 144, № 3. С. 38-44.
- 18. *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука. 1991. С. 14-43.
- Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Издательство СПбГУ. 2003. 236 с.
- 20. *Курилюк А.Д.* Оленеводство Якутии. Якутск.: Якутское книжное изд-во. 1969. 327 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука. 1989. 272 с.
- 22. *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и истори-ко-этнографические области // СЭ. 1955. №5. С. 3-17.
- Ляпунов А.А., Яблонский С.В. Теоретические проблемы кибернетики // Проблемы кибернетики. Вып. 9. М. 1963. С. 3-19.
- 24. *Ляпунов А.А.* В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы // Управляющие системы. Вып.6. Новосибирск: Наука. 1970. С. 44-56.
- 25. *Макеев В.М., Клоков К.Б., Колпащиков Л.А., Михайлов В.В.* Северный олень в условиях изменяющегося климата. СПб.: Лемма. 2014. 244 с.
- 26. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Мысль. 1983. 284 с.

- 27. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. М.: Энергия. 1979. 151 с.
- Мироненко О. Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. Вып. 4. Магадан.: Изд. Зонального НИИСХ Северо-Востока. 2000. С. 70-79.
- Михайлов В.В. Модель регулирования теплового баланса северного оленя, учитывающая сезонные изменения радиационных и метеофакторов // Труды СПИИРАН. Вып. 13. СПб. 2013. С. 255-276.
- Михайлов В.В., Пестерева А.В. Зооклиматический мониторинг на основе модели теплового баланса животных и ГИС-технологий // Труды СПИ-ИРАН. Вып. 13, СПб. 2013. С. 276-291.
- Михайлов В.В., Филь Ю.Ю. Автоматизированная система для проведения биоклиматических расчетов // Наука в современном мире — XI Международная конференция. Сб. научн. трудов. — М.: Спутник. 2012. С. 203-211.
- 32. *Мухачев А.Д*. Аборигены тайги и эвенкийская порода северных оленей. СПб.: ГУАП. 2008, 235 с.
- Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература. 2012. 604 с.
- Сыроватский Д.И. Организация и экономика оленеводческого производства. Якутск.: Сахаполиграфиздат. 2000. 408 с.
- Туров М. Г. Хозяйство эвенков таёжной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск: Изд-во ИГУ. 1990. 176 с.
- Чарнолуский В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание РГО, Карело-Мурманская Комиссия. 1930.
- Ямсков А. Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 266-296.
- 38. Ямсков А.Н. Некоторые аспекты концепции хозяйственно-культурных типов в свете исследований В.П. Алексеева // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвящённой 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвёртые Алексеевские чтения). Отв. ред.: Н.А. Дубова. М. Одинцово: изд. «Одинцовский гуманитарный институт». 2010. Т. 1. С. 114-118.
- 39. *Heynick, Frank*. From Einstein to Whorf: Space, time, matter, and reference frames in physical and linguistic relativity // Semiotica, 45-1/2, 1983. Pp. 35-64.
- 40. *Istomin, Kirill V.* and *Mark J. Dwyer*. Finding the Way. A Critical Discussion of Anthropological Theories of Human Spatial Orientation with Reference to Reindeer Herders of Northeastern Europe and Western Siberia // Current Anthropology. Volume 50. Number 1. 2009. Pp. 29-49.

- 41. *Klokov K.* Diversity of Adaptive Strategies of Endangered Herders' Communities in Tundra and Taiga Areas in Russia // Histories from the North. Environment, Movement, and Narratives / Ed. Ziker J.P. and Stammler, F. Rovaniemi: Boise State University and Arctic Centre, University of Lapland. 2011. Pp. 60-63.
- 42. *Klokov K.B.* Change in reindeer population number in Russia: an effect of the political context or of climate? // Rangifer, 32 (1), 2012. Pp. 19-33.
- 43. *Klokov K.B.* National Fluctuations and Regional Variations in Domesticated Reindeer Numbers in the Russian North: Some Possible Explanations // Sibirica, 2011, vol. 10, issue 1. Pp. 23-47.
- 44. *LeBaron, Michelle*, 2003. Culture and Conflict. / Published on «Beyond Intractability» (available online at http://www.beyondintractability.org)
- 45. *Mikhailov V.V.* Simulation of Animal's Heat Balance // Transactions of the IV International Conference Problems of Cybernetics and Informatics (PCI'2012). Baku. 2012. Pp. 47-63.
- Scherbakov V., Mikhailov V., Kolpaschikov L., Alekcandrov E. The Dynamics of climate indicators on areas of summer pastures of reindeer in Taimyr, Yakutia and Chukotka. Circum Arctic Rangifer Monitoring and Assessment (CAR-MA-7 Meeting). Vancouver, Canada, 2010.
- 47. *Stammler, F.* Mobile phone revolution in the tundra? Technological change among Russian reindeer nomads // Generation P in the Tundra / Ed. by Aimar Ventsel. [Folklore. Vol. 41]. Talinn: Estonian Literary Museum, 2009. Pp. 47-78. (available online at http://www.folklore.ee/folklore/vol41/stammler.pdf)
- 48. *Stépanoff Ch.* Entre piétin et loups. Menace interne et menace externe dans l'élevage de rennes des Tožu // Cahiers d'anthropologie sociale, 2012, 8. Pp. 137-151.

О РОЛИ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА В КАЧЕСТВЕ РЕГУЛЯТОРА РЕЖИМА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В мировоззрении северных народов заложены противоречивые экологические установки, но, как минимум, часть из них несет явную или косвенную экофильную направленность. При всей противоречивости правил, норм, качественный оценок и алгоритмов действия, заложенных в традиционном мировоззрении, есть основания полагать, что в культуре каждого из коренных народов Севера была интуитивно сформирована своя система установок, поддерживающих некий, более-менее устойчивый баланс отношений с природной средой. Причем принципы действия систем в культурах разных народов могли кардинально различаться: то, что эффективно работало в одной системе, могло полностью отсутствовать в другой, либо не иметь практического значения для поддержания баланса. Данные положения рассмотрены в работе на примере этнографии северных народов Западной Сибири.

бращение к обозначенной теме отчасти вызвано той атмосферой, в которой проходили на недавнем Всероссийском конгрессе антропологов и этнологов выступления коллег о фиксируемых экофобных тенденциях в природопользовании коренных народов Севера (см.: Воробьёв, 2015. С. 170; Мальцева, 2015. С. 173; Рудь, 2015. С. 175-176). Неожиданно часто стали звучать проявления, на мой взгляд, завышенных (и как следствие, обманутых) ожиданий в отношении уровня «экологичности» народных традиций. Наиболее отчетливо это проявлялось в высказываниях историков и экологов, но определенная нотка сомнения как будто слышалась и из уст этнографов, что нашло продолжение в дискуссии: означают ли эти ярко выраженные экофобные тенденции скрывавшуюся до сего момента горькую правду, или мы имеем дело с современной утратой народных экологических традиций?

Примеры подобного рода размышлений встречается в последнее время и в отдельных публикациях зарубежных исследователей. Так, датский антрополог Р. Виллерслев опубликовал три года назад статью под звучным названием «Воспринимая анимизм серьезно, но, быть может, не слишком серьезно». В ней он, основываясь на материалах этнографии одного из сибирских народов, юкагиров, бросает, по его же словам, вызов всем основным теориям анимизма, начиная с Э.Б. Тэйлора и Э. Дюркгейма и заканчивая К. Леви-Строссом и Т. Ингольдом (Willerslev, 2013. Р. 41). Одно небольшое наблюдение того, как юкагиры с юмором (а точнее – нескрываемой иронией) комментировали свои же собственные ритуальные обращения к духу только что убитого медведя, подтолкнуло Р. Виллерслева к мысли, что чрезмерно серьезное восприятие анимизма, возможно, существует в большей степени в представлении самих исследователей, нежели носителей традиции. Суть же произошедшего была следующей.

Автор побывал на медвежьей охоте вместе с двумя юкагирами, один из которых был зрелого возраста, другой относительно молод. Когда зверь был добыт, пожилой юкагир, как предписано обычаем, стал вынимать ножом глаза медведя из глазниц, издавая при этом характерные каркающие звуки. В этот момент молодой напарник, стоявший поодаль неожиданно обратился к медведю со словами: «Дедушка, не дай себя одурачить, это человек, Василий Афанасьевич, пытается тебя ослепить!». После возникшей было паузы захохотали оба. И даже брошенная в ответ фраза пожилого охотника, что, мол, хватит валять дурака, лучше сделай настил для дедушкиных костей, не была знаком осуждения, оба юкагира продолжали смеяться, занимаясь положенными по традиции действиями. Единственным человеком, кого это несерьезное поведение заставило погрузиться в раздумье, был исследователь. Его поразила мысль: «Могу ли я, как антрополог, воспринимать духов серьезно, когда этого не делают сами юкагиры?» (Willerslev, 2013. P. 51).

¹ Описан распространенный среди коренных народов Сибири обычай обращения к духу убитого медведя со словами прощения и называния виновными в его гибели других людей или животных, что иногда сопровождается имитацией чужих голосов и звуков. Обращение призвано отвести от добытчиков и их близких возможную месть со стороны зверя. О культе медведя в верованиях юкагиров см. подробнее: Дьячков, 1992, с. 174-177; 241-243; Прокопьева, 2012, с. 124.

Хотя далее исследователь оговаривается, что он ни в коем случае не ставит под сомнение факт существования веры в духов как таковой со стороны юкагиров, а лишь вводит ее в новом контексте, «разрушительное» начало предлагаемой трактовки анимизма явственно проступает. Фактически, поведение охотников демонстрирует отсутствие у них благоговения перед убитым зверем, и сам ритуал в таком случае выступает скорее как необходимая формальность, нежели мера предосторожности. В то же время, как показывают многочисленные этнографические примеры, именно опасение неминуемого наказания со стороны потусторонних сил за экологические (и другие) проступки является одним из важнейших условий их неукоснительного соблюдения у представителей северных народов (Адаев, 2007. С. 157-159; Попов, 2004. С. 14; Сирина, 2008. С. 4). Речь в данном случае не идет об отрицании самой возможности шутки в процессе общения с миром духов. Совмещение религиозного почитания и шутливого, игрового поведения вполне допустимо в традиции северных народов (Головнёв, 2000. С. 234; см. также: Воробьёв, 2011), но оно имеет свои границы и является, конечно, далеко не общим атрибутом. Шутить с духами можно не везде, не всегда и не всем, нередко это — прерогатива умудренного опытом человека. Именно поэтому приведенный Р. Виллеслевом пример кажется не самым удачным — он свидетельствует, скорее, об уверенности в своих силах и безнаказанности у современных охотников.

Далее, чтобы задать нужный ракурс, оттолкнемся от наиболее критичных позиций в оценке экофильного потенциала практики природопользования и поддерживающего ее мировоззрения у сообществ охотников-собирателей. Довольно четко и однозначно по этому поводу высказывался классик российской этноэкологии В.И. Козлов. Критикуя идеи о самоограничении своих потребностей племенными и древними общностями, он указывал, что в действительности члены подобных коллективов «не очень стремились к самоограничению, и даже при сократившемся числе промысловых животных, например, охота обычно нацеливалась не на минимум, а на максимум добычи. (...) Возникавшие же время от времени экологические кризисы в случае невозможности разрешить их путем миграций являлись важным стимулом развития: побуждали совершенствовать орудия труда, способы охоты и т.д.» (Козлов, 1991. С. 37-38).

В целом, с данным высказыванием трудно не согласиться, однако нужно добавить некоторые комментарии по поводу не-

избежного максимума добычи при сокращении промысловых животных. Если обратиться к материалам этнографии коренных народов Севера Западной Сибири XVII-XX вв., то такого рода примеры неуклонного истребления действительно фиксируются. Но они связаны либо с ситуациями, когда отдельный вид животного уничтожался целенаправленно, как способный нанести серьезный ущерб экономическому благосостоянию (дикий северный олень на полуострове Ямал, уводивший за собой большие группы домашних важенок), либо со случаями, имеющими отношение к товарному промыслу (окончательное истребление западносибирского соболя в XX в. – самого дорогостоящего пушного зверя). В последнем примере, стимулирующий эффект для непрекращающейся добычи имела высокая рыночная цена соболиных шкурок, которая росла обратно пропорционально убывающему количеству зверя. Жители Уватского района и в наши дни пересказывают памятные истории о том, как в 1920-30-е гг. добыча двух-трех соболей обеспечивала промысловика продуктами и боеприпасами до следующего охотничьего сезона. При столь высоких ставках, даже трудноуловимый и редкий соболь имел мало шансов выжить в самых укромных уголках тайги. Оба примера демонстрируют временный дисбаланс отношений со средой, возникший по объективным обстоятельствам: истребление дикого оленя было обусловлено становлением тундрового ненецкого крупностадного оленеводства, и ненцы освобождали экологическую нишу для своих домашних стад; хищнический промысел соболя таежным населением стимулировался извне товарно-рыночными отношениями.

Очевидно, что в качестве критической позиции относительно реальной экологической сбалансированности природопользования охотников-собирателей (в данном случае мы говорим конкретно о народах Севера) был выбран далеко не самый жесткий пример, но даже он может быть принят лишь с рядом оговорок. Безусловно, многое здесь, как всегда, зависит от позиции исследователя — видит ли он пресловутый стакан наполовину полным либо наполовину пустым. Это можно легко проиллюстрировать на конкретном примере. Традиционное природопользование характеризуется в целом весьма прагматичным подходом. Если логически продолжить высказывание В.И. Козлова, то те же представители коренных народов Севера в повседневной жизни чаще всего руководствуются принципом: не просто максимум добычи, а максимум добычи при минимуме усилий. Исследователи с одина-

ковым успехом могут увидеть в этом как явно экофобные черты (перепромысел, неоправданно жестокое обращение с животными и пр.), так и экофильные проявления (прекращение добычи при критическом снижении численности промыслового вида, периодическая смена промысловых угодий и т.д.). Кроме очевидного тезиса о том, что в споре о принципиальной экофильности или экофобности природопользования и стоящего за ним мировоззрения северных народов истина находится где-то посередине и крайние позиции по данному вопросу можно «вынести за скобки», хотелось бы акцентировать внимание на нескольких важных аспектах полнимаемой темы:

- 1) В мировоззрении северных народов заложены противоречивые экологические установки, но, как минимум, часть из них несет явную или косвенную экофильную направленность².
- 2) Имеется существенный разрыв между теорией (тем, как нужно поступать в идеале) и практикой (как люди поступают в реальных случаях), иными словами, есть люфт допустимого нарушения действующих правил. Причем, учитывая такую особенность традиционного сознания, как терпимое отношение к существующим противоречиям в мировоззренческой сфере, параллельно существующим трактовкам (см., например: Зенько, 1997. С. 125), вполне обыденным кажется то, что сами носители традиции подчас искренне не замечают расхождения теории с практикой. Наглядным примером являются описанные в докладе А.А. Рудя эпизодические случаи рубки деревьев и промысла на священных местах теми самыми хантами, которые тут же утверждали о строгом запрете всякой хозяйственной деятельности на «божьих землях» (Рудь, 2015. С. 176). Если говорить до конца, то подобные явления можно назвать формой самообмана.
- 3) Безусловно, в современности и в более ранние периоды мы часто сталкиваемся с фактами утраты экологических традиций, а также с ситуациями, когда культуры северных народов не успевают адаптироваться к резко изменившимся условиям среды или внешним социальным отношениям.³ Многочисленные на-

² Далее по тексту установки, несущие прямую или косвенную экофильную направленность будут для краткости именоваться просто экологическими правилами или экологическими традициями.

³ В данном случае имеет место то, что А.Н. Ямсков называет «запаздывающее развитие экологически обоснованных, или «экофильных» новых форм мировоззрения» (Ямсков, 2005, с. 274).

рушения экологических правил нередко связаны с природными катаклизмами и возникающим в результате них недостатком жизненно важных природных ресурсов, а также с развитием товарных направлений хозяйственной деятельности и распространением более эффективных орудий и способов промысла.

4) При всей противоречивости правил, норм, качественный оценок и алгоритмов действия, заложенных в традиционном мировоззрении, есть основания полагать, что в культуре каждого из коренных народов Севера была интуитивно сформирована своя система установок, поддерживающих некий, более-менее устойчивый баланс отношений с природной средой. Причем принципы действия систем в культурах разных народов могли кардинально различаться: то, что эффективно работало в одной системе, могло полностью отсутствовать в другой, либо не иметь практического значения для поддержания баланса.

Дальнейшая часть данной работы посвящена обоснованию последнего тезиса. Речь пойдет о том, что М.Г. Туров называл активным фондом экологической культуры (Туров, 1997. С. 130), с той только оговоркой, что указанный исследователь относил сюда лишь осознанные действия по обеспечению равновесия этноэкосистемы. Я же полагаю, вслед за Р. Раппапортом, что глубокая экологическая значимость отдельных действий, продиктованных традицией, отнюдь не всегда осознается людьми, и логика поступков может быть продиктована совершенно далекой от экологии мировоззренческой концепцией, что, однако не мешает установишемуся алгоритму действий эффективно поддерживать экологический баланс (Rappaport, 1978. P. 7). Учитывая, что деятельное начало со стороны человека в подобных случаях, безусловно, присутствует, включение их в состав активного фонда экологической культуры выглядит вполне допустимым.

Предлагаемая ниже систематика — лишь предварительные наброски, основанные на исследованиях этнических коллективов, проживающих на территории Севера Западной Сибири. Уже сейчас очевидно, что в типологии можно пойти несколько дальше двухчастной градации моделей взаимодействия с природной средой у народов Севера, которую в свое время наметил И.И. Крупник: 1) группа бореальных охотников — с более «охранительным» и глубоко ритуализованным экологическим мировоззрением; 2) группа арктических тундровых и приморских охотников — с более агрессивной моделью экологического мировоззрения, обуслов-

ленной проживанием в крайне неустойчивой природной среде с укороченными пищевыми цепями (Крупник, 1989. С. 207). Кроме того, собранные данные позволяют конкретнее указать для каждой из выделенных групп населения Западной Сибири свои эффективно работающие механизмы регулирования экологического равновесия, базирующиеся на мировоззренческих установках. Основное внимание при этом будет уделено сохранению видового разнообразия и численности представителей животного мира — тем природным объектам и их показателям, которые в наибольшей степени подвержены влиянию со стороны традиционной хозяйственной деятельности северных народов.

Обские угры (ханты, манси)

- а) Священные места, запретные для любой хозяйственной деятельности, а подчас даже для присутствия человека. У обских угров они могли достигать большой площади, включать обширные участки лесов, болот, гор, целые острова, водоемы. Доказали свою эффективность уже потому, что именно на «священных землях» хантов и манси в верховьях рек Конда и Сосьва сохранилась, в частности, последняя неистребленная популяция западносибирского речного бобра (Castor fiber pohlei) (Гарновский, 1993. С. 21). Показательна и заповедная преемственность: в 1929 г. на указанной территории был организован государственный Кондо-Сосьвинский заповедник.
- б) Жесткие правила промысловой этики, связанные с культом духов-хозяев мест. Согласно этим представлениям, любые природные угодья находятся под контролем и защитой местных духов, человеку предоставляется лишь право пользования местом при условии соблюдения ряда норм: помнить о присутствии истинных хозяев места, приносить им пожертвования за полученные блага, не брать больше, чем нужно, не проявлять неоправданной жестокости к животным, не шуметь без нужды и т.п. Действующие правила озвучиваются и подкрепляются быличками и назидательными мифологическими сюжетами, в которых нарушителей своеобразного договора с духами неизменно находит жестокое наказание. Кроме того, злонамеренного нарушителя обычно ожидало и общественное порицание (см. примеры: Кулемзин, 1999. С. 69; Молданов, 1999. С. 50).
- в) Запреты и ограничения на промысел и использование почитаемых животных, имеющих реальное промысловое значение

(бобр, горностай, лебедь, гагара и др.). Для обских угров было типично многообразие параллельно существовавших запретных списков подобных животных, связанных с отдельными семьями, родовыми или территориальными группами. Ограничения отличались большой вариативностью: кроме просто полного запрета на добычу, могли табуироваться и отдельные действия: пролитие крови, употребление в пищу мяса, использование или снятие шкур, наблюдение падения поверженного зверя и др. На практике люди обычно находили хитроумные способы соблюдения этих правил с минимальным ущербом для себя, кроме того, рядом, как правило, находились соседи, которых подобные запреты не касались (подробнее об этом: Адаев, 2007. С. 179-181). Тем не менее, ограничения, обусловленные почитанием отдельных животных, создавали дополнительные лакуны, где происходило восстановление видовых популяций.

Северные селькупы⁴

- а) Промысловая этика, регулирующая сезонный график добычи. По традиции селькупов, в летнее время всякая охота прекращалась, и главным источником пищи становилась рыбная ловля. Правило соблюдалось довольно жестко, при этом его существование подкреплялось не религиозными представлениями, а рациональными доводами: животные спокойно выводят потомство, они привыкают к безопасности близкого соседства человека, мясо в теплую погоду трудно сохранить, еды и так хватает.
- б) Запреты на промысел почитаемых животных, имеющих реальное промысловое значение. У северных селькупов список запретных животных был довольно ограниченным и устойчивым, в него включались существа, почитавшиеся родоначальниками отдельных групп населения. При этом большинство недозволенных к убийству священных существ промыслового значения не имели (журавль, орел, дятел, кедровка и др.). Известные по этнографическим данным действенные запреты селькупов на промысловых животных относятся либо к южной территориальной группе селькупов (бурый медведь,

⁴ Самостоятельная территориальная группа селькупов, появившаяся в результате миграции части самодийского населения со Средней Оби около XVII в. на северотаежные территории бассейна Верхнего Таза и левого притока Енисея реки Турухан.

- лебедь), либо связываются с далеким прошлым народа (лось) (см.: Пелих, 1998. С. 13; Прокофьева, 1952. С. 97-98).
- в) Священные места, где действуют ограничения на режим природопользования. Данные объекты селькупов имели еще меньшее практическое значение для природосбережения. Во-первых, большинство из них были совсем небольшими по площади, их пространства не только не хватало для проживания какой-то популяции промысловых животных, но и чаще всего было недостаточным даже для временного укрытия преследуемого охотником зверя. На сколь-нибудь серьезно значимых промысловых угодьях, почитающихся священными объектами, обычно действовали лишь малозначимые для экологии регулирующие правила: например, на священном озере Лозыль-то запрещалось обходить водоем кругом и проверять поставленные другим человеком сети (Белич, 1997. С. 106).

Ненцы, эвенки

- а) Регуляция нагрузки на территории природопользования. Ненцы и эвенки, представляющие наиболее мобильные кочевые культуры Западной Сибири, широко практиковали оставление эксплуатируемых угодий «на отдых», меняя пути ежегодных кочевий, чтобы успевали восстановиться оленьи пастбища, периодически чередуя промышляемые по пути следования рыбные озера. У тундровых ненцев дополнительный эффект имело распределение территории между специализированными хозяйственными группами рыбаков-охотников и оленеводов, когда промысловые угодья оказывались своего рода пастбищными заповедниками, а земли оленеводов — резервуарами промысловых биоресурсов (см.: Головнёв, 1995. С. 51). Обоим народам было свойственно обостренное ощущение ранимости земли, наглядными проявлениями чего были: общее для ненцев и эвенков восприятие втыкания металлических предметов в землю в качестве святотатства; основывавшийся на этом отказ эвенков заниматься земледелием в советский период (Кэптукэ, 1995, С. 48): поддерживающийся в ненецкой традиции положительный образ часто кочующего человека («шесты его чума длинные — так как не успевают подгнить»): ненецкое правило даже на старых стойбищах всегда устанавливать чум на новом месте и др.
- б) Ощущение глобального баланса энергии на бытовом уровне. Данный феномен наиболее ярко представлен в культуре тун-

дровых ненцев. Для них, в частности, типичны представления о том, что слишком крупная и легкая добыча предвещает смерть добытчика. Большой интерес представляет и отмеченный у гыданских ненцев обычай «сбивать» большой падеж домашних оленей (явный признак дисбаланса отношений с окружающим миром) длительным отказом от охотничьего промысла (см. подробнее: Адаев, 2007. С. 189-190). Смысловое созвучие можно увидеть и в обязательной практике при массовом промысле зверя, птицы, сборе яиц из гнезда, оставлять в живых пару «на расплод».

в) Выраженный прагматизм организации добывающих промыслов. Именно по отношению к эвенкийскому и ненецкому населению чаще всего выдвигаются обвинения в экофобности их промысловой деятельности. На поверку же нередко оказывается, что их кажущиеся экологически нерациональными действия основаны на глубоком знании природной среды и прагматичном подходе. Таковы, в частности, примеры «нелогичной» зимней добычи яловых лосих и поздних телят эвенками, подмеченные этнографом М.Г. Туровым (в реальности промысел основывался на понимании, что в сложившихся сезонных условиях эти животные все равно не выживут) (Туров, 1997. С. 136-137). У тундровых ненцев подобной же нелогичностью отличаются традиционные сезонные ограничения на промысел перелетной птицы – весной, перед гнездованием, и летом, в период линьки птиц, добыча практикуется, а с началом осени, весь период массового отлета на юг — она запрещена. Такой «странный» режим природопользования обусловлен тем, что лишь в осенний период ненцы надежно обеспечены большим количеством пищи (мясо забиваемых на шкуры оленей и идущая на осенний ход рыба). Здесь же будет нелишним добавить, что одинаково мало функциональны в плане сдерживания и регулирования объемов охотничье-рыболовецкой добычи у обоих народов были как священные места (слишком маленькие по площади, не всегда подразумевали ограничение промысла), так и списки запретных священных животных (практически не содержали промысловых видов, за исключением бурого медведя).

Представленные в статье материалы показывают, что для объективной оценки экологической значимости мировоззрен-

ческих установок коренных народов Севера необходим углубленный и многосторонний системно-функциональный анализ взаимоотношений этнических коллективов с природной средой. Способствующие поддержанию экологического баланса мировоззренческие установки северных этносов приводятся в действие на разном уровне (сознательном и бессознательном), регламентируют различные спектры и режимы хозяйственной деятельности, при этом они складываются в единые системы, отличающиеся заметным своеобразием ключевых принципов регулирования. Вне всякого сомнения, сформированные традиционными обществами Сибири механизмы поддержания экологического баланса, вплоть до сознательного регламентирования времени, места, способов и масштабов хозяйственной деятельности, были далеки от совершенства. Системы подобных правил и запретов складывались стихийно, несли в себе много противоречий, и рационально осмыслить их в полном объеме представители народов Севера были не в состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор-Бук, 2007. 240 с.
- 2. *Белич Иг.В., Белич Ир.В.* К вопросу о культовых местах тазовских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 99-112.
- 3. Воробьёв Д.В. Разыграть непосвященного (размышления о розыгрыше в смеховой культуре народов Севера) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2007-2008. М.: 2011. С. 222-234.
- 4. Воробьёв Д.В. Экофобное и экофильное в культуре охотников на дикого северного оленя // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 170.
- 5. *Гарновский К.В.* В Кондо-Сосвинском заповеднике 1940-1945. Шадринск: ПО «Исеть», 1993. 120 с.
- 6. Головнёв А.В. Говорящие культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- 7. *Головнёв А.В.* Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 208-236.
- 8. *Дьячков А.Е.* Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 163-267.
- 9. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 160 с.

- Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43.
- 11. *Крупник И.И*. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
- 12. *Кулемзин В.М.* Традиционное и новое в современной культуре коренных народов Томской области // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 64-92.
- 13. Кэптукэ Г. Магический круг // Северные просторы. 1995. № 6. С. 46-48.
- 14. Мальцева Н.В. Особенности современного природопользования оленеводов Магаданской области // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2—5 июля 2015 г. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 173.
- 15. *Молданов Т.* Мифология мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 141 с.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во науч.-тех. лит., 1998. 79 с.
- 17. *Попов Н.С.* Экологические традиции в культуре якутов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. культурологи. СПб., 2004. 17 с.
- Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Нов. сер. Т. 18. М.; Л., 1952. С. 88-107.
- 19. *Прокопьева П.Е*. Обрядовый фольклор лесных юкагиров в XXI в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2012. № 2. С. 120-125.
- 20. *Рудь А.А.* Экологическое поведение восточных хантов на сакральных ландшафтах: традиция и современность (по материалам Сургутского Приобья) // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 175-176.
- 21. *Сирина А.* Живая Земля: экологическая этика эвенков и эвенов // Sibirica. 2008. Vol. 7. № 2. P. 1–22.
- Туров М.Г. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье-оленеводческого хозяйства // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. С. 129-147.
- 23. *Ямсков А.Н.* Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры (вместо введения) // Этноэкологические аспекты духовной культуры. Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М.: Изд. ИЭА РАН, 2005. С. 3-14.
- 24. *Rappaport R.A.* Pigs for the ancestors. Ritual in the ecology of a New Guinea People. New Haven and London: Yale University Press, 1978. 311 p.
- Willerslev R. Taking animism seriously, but perhaps not too seriously? // Religion and society: advances in research. 2013. № 4. P. 41-57.

ЧАСТЬ 4

Исследования жизнеобеспечения древнего населения

БИОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ К СРЕДЕ ОБИТАНИЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются результаты комплексных исследований компонентов системы жизнеобеспечения населения эпохи бронзы южных регионов Туркменистана, Таджикистана и частично Ирана в сравнении с таковыми средневековых и современных жителей близких районов. Исследование включает анализ традиционных форм эксплуатации природно-территориальных комплексов, материальных и духовных аспектов животноводства, охоты, рыболовства, земледелия и эксплуатации естественных растительных ресурсов, роли животных и растений (и их дериватов) в ритуальной практике населения, отражения растительной символики в культурных традициях, а также особенности физических показателей жителей. Синтез полученных данных позволяет сделать вывод о значительной устойчивости системы жизнеобеспечения населения указанного региона, начавшей формироваться еще в эпоху бронзы и существующую в традиционном обществе до наших дней. Эта устойчивость обеспечивается удачным сочетанием культурных и биологических механизмов адаптации.

Важной особенностью этноэкологических работ, основателем которых в нашей стране был проф. В.И. Козлов, является проведение исследований на стыке гуманитарных и естественнонаучных дисциплин (Козлов, 1983, 1994). Совершенно справедливо рассматривать экологию человека «как ассоциацию соответствующих разделов медико-биологических, географических, исторических и общественных наук, которые в ее рамках изучают взаимоотношения групп населения с окружающей средой и географическими подразделениями (эколого-экономическими регионами) и в связи с этим численность, бытовые и культурно-производственные навыки, производственные и бытовые условия жизни, состояние здоровья населения, обусловленные

влиянием окружающей среды» (Прохоров, 1986. С 50). Понимая этносы как сложные системы человеческих популяций, которые объединяет общность языка, территории происхождения и культуры, и, изучая их локальное разнообразие, мы с неизбежностью приходим к выводу, что это разнообразие обусловлено в немалой степени биологической и социальной приспособленностью их систем жизнеобеспечения (Арутюнов, Мкртумян, 1984; Козлов, 1991; Культура жизнеобеспечения..., 1984; Ямсков, 2009а,б; и др.) к среде обитания, хотя, бесспорно, не может быть ограничено только этим.

Одной из последних серий исследований, посвященных системам жизнеобеспечения, являются работы Р.М. Сатаева (см: 2017, в печати), в которых он проанализировал имеющиеся точки зрения по этому вопросу и предложил такое понимание термина: «системой жизнеобеспечения» (или общественной территориальной системой жизнеобеспечения) мы обозначаем комплекс взаимосвязанных природных и общественных факторов, явлений и объектов, в совокупности (через удовлетворение материальных и нематериальных потребностей) определяющих характер существования человеческих коллективов на определенной территории» (Сатаев, 2017 в печати). Он полагает (и с этим можно согласиться), что эмерджентным свойством «системы жизнеобеспечения» является ее средообразующая функция, т.е. способность формировать специфическую среду, в которой протекает жизнь членов конкретного социума (Сатаев, 2017, в печати).

Структурные компоненты этой системы он видит близкими к предложенным В.П. Алексеевым (2007) для «антропогеоценоза» и А.Н. Ямсковым (20096) для «этноэкосистемы»: природный (освоенная территория, включающая ландшафтные, климатические характеристики и природные ресурсы); материальный (хозяйственный коллектив, домашние животные, культивируемые растения); культурный (культура жизнеобеспечения и природопользования — знания, навыки, орудия труда, приспособления); социальный (элементы соционормативной и гуманитарной культуры, в частности ориентированные на достижения психологического комфорта) (Сатаев, 2017, в печати).

Далеко не все эти компоненты (особенно касающиеся психологического комфорта, правовых отношений, да и мировоззрения) могут быть напрямую изучены в ретроспективных исследованиях. Древние, особенно бесписьменные, эпохи предстают перед нами лишь в зачастую отрывочных материальных остатках. Поэтому представляется, что наилучшие результаты может принести как можно более полное и всестороннее изучение последних.

Основой проекта являются многолетние исследования, ведущиеся на известном памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе (Сарианиди, 1990, 2002; У истоков цивилизации, 2004; ТрМАЭ, 2008, 2012, 2014; На пути открытия цивилизации, 2010 и др.), отдельные разработки по средневековым памятникам юга Туркменистана – Древнего Мерва и Новой Нисы, а также полевые исследования среди таджиков Бальджуванского и Пархарского районов Таджикистана (2012-2015) и среди туркмен Марыйского велаята Туркменистана (2009-2015)1. Ценная дополнительная информация была получена при работе среди бахтияр Загросских гор (Юго-запад Ирана, 2009). На общем фоне исторической географии региона, динамики климатических показателей анализировались традиционные формы эксплуатации природно-территориальных комплексов, материальные и духовные аспекты животноводства, охоты, рыболовства, земледелия и эксплуатации естественных растительных ресурсов, роль животных и растений (и их дериватов) в ритуальной практике населения региона, отражение растительной символики в культурных традициях, взаимозависимость между отдельными компонентами системы жизнеобеспечения и особенностями физических показателей древнего, средневекового и современного населения (оценка «качества жизни»).

Представленный комплекс исследований дает возможность получить немало интересных результатов в каждой из перечисленных областей. Кроме того, мы надеемся, что изучение различных компонентов систем жизнеобеспечения в разные исторические эпохи позволит нам разработать концепцию их стабильности, построить их классификацию для отдельных регионов, а также проанализировать эффективность разнообразных механизмов поддержания устойчивости систем для сохранения и развития культурного разнообразия.

Исследование древней дельты р. Мургаб были начаты Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) еще в начале 1950-х годов под руководством В.М. Массона. Позднее Институтом археологии АН СССР была создана

¹ Исследования проводились в рамках проекта РФФИ № 13-06-00235, РГНФ № 15-01-18064, а палеоантропологические — по проекту РГНФ № 16-01-00288.

специальная Маргианская археологическая экспедиция под руководством В.И. Сарианиди, работавшая в тесном сотрудничестве с Институтом истории АН Туркменистана, в частности с И. Масимовым, руководившим рядом ее отрядов². Уже на первых этапах исследования археологические раскопки (как и на других территориях Средней Азии) дополнялись углубленным изучением металла (Терехова, 1974, 1975, 1990), растительных остатков (Мейер-Меликян, 1990; Meyer-Melikyan, 2007; Meyer-Melikyan, Avetov, 2007), костей животных (см., например, Ермолова, 1982) и человека (Зезенкова, 1977). Новая страница, именно комплексных исследований была открыта в связи с исследованием Гонур-депе, где раскопки В.И. Сарианиди были начаты в 1974 г. Именно они дали возможность намного подробнее охарактеризовать именно систему жизнеобеспечения населения этого оазиса эпохи бронзы.

Полученные в настоящее время данные показывают, что крупное поселение было основано с учетом многих географических и климатических факторов. Несмотря на то, что самые ранние насельники еще в середине III тыс. до н.э., в связи с наступающим ксеротермическим периодом и значительным увеличением плотности населения, вынужденные выселиться из южных предгорий Копетдага, пытались освоить самые северные низовья р. Мургаб (Келлелийский оазис – Масимов, 1975, 1979, 1980, 1982 и др.), город, руины которого получили название у местного население Гонур-депе («Серый холм» в переводе с туркменского), начал возводиться около 2300 г. до н.э. в замковой части дельты. Это, прежде всего, позволяло контролировать расход воды далее расположенными мелкими поселениями. Для строительства первых зданий было использовано небольшое возвышение, которое в условиях практически плоской местности Каракумов было удобным, по меньшей мере, по двум обстоятельствам. Во-первых, с высоты второго или даже третьего этажа (а исследования, проведенные архитекторами В.И. Артемьевым и А.М. Урмановой, показали бесспорное присутствие таковых - 2010. С. 194-198) (рис. 1), можно было иметь контроль над окрестностями на значительное расстояние. А во-вторых, позволяло и жителям многих соседних населенных пунктов видеть, например, особые сигналы, подаваемые из этого, скорее всего центрального поселения оази-

² Начиная с начала 2000-х годов Российско-Туркменская Маргианская экспедиция работает в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

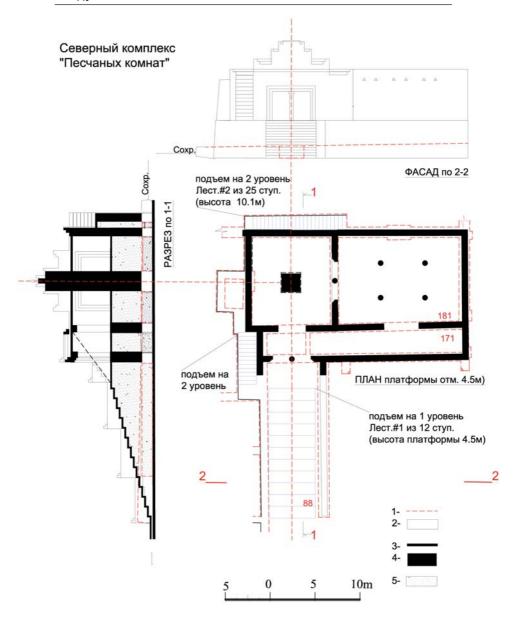

Рис. 1. Гонур-депе. Схема реконструкции одной из башени «Песчаные комнаты». Северный комплекс. План, разрез, фасад.

Условные обозначения: 1 – линия существующего цоколя; 2 – линия реконструкции 2-го уровня; 3 – полы, перекрытия; 4 – кирпичные стены; 5 – засыпка песка (по: Артемьев, Урманова, 2010. С. 195).

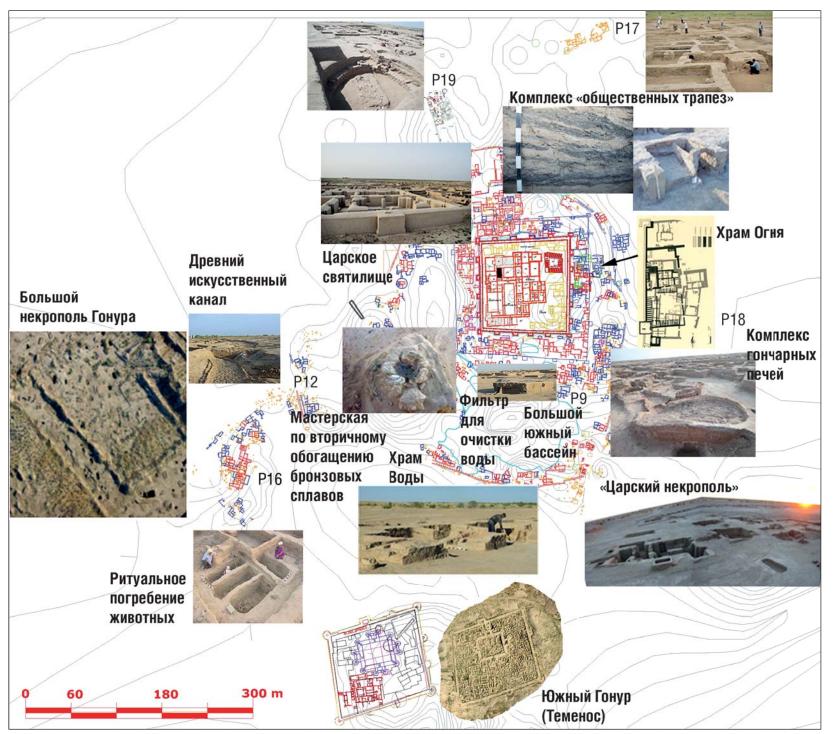

Рис. 2. Гонур-депе. План центральной части с указанием основных объектов памятников.

са. В том числе, например, дым из специальных печей, устроенных в каждой из 21 башни кремлевской и такого же числа башен второго ряда стен («каре») (Сарианиди, 2005. С. 73). Поскольку В.И. Сарианиди было доказано, что Гонур-депе являлся ритуальным центром, а не обычным городским поселениям (так называемым «городом царей и богов» — Сарианиди, 2005), эта функция оповещения, по всей видимости, была одной из важных. Как было установлено еще на первых этапах изучения Гонурского оазиса, в ближайших окрестностях от центрального, самого крупного поселения находилось несколько значительно более мелких пунктов (Сарианиди, 1990. С. 13—34; Сарианиди, Дубова, 2012. С. 39—45).

С. Сальватори, который проанализировал систему расселения в древней дельте Мургаба с помощью метода «правило ранга и размера», показал, что в эпоху средней бронзы центральное поселение Гонура достигло, а, возможно, даже превышало по размерам 40 га. Это делало его, без сомнения, самым крупным населенным пунктом во всей дельте в то время. Обрисовка окружностей с радиусом приблизительно 10, 15, 20, 30 и 40 км, в центре которых находится Гонур, показала, что они охватывают практически всю систему известных на сегодня поселений. По мнению автора, это свидетельствует о той или иной форме интеграции территориальной иерархии или политико-административного доминирования гонурского центра (Salvatori, 1998. Р. 58).

Практически все помещения на территории памятника, заключенные в три ряда стен, не могут быть отнесены к хозяйственным или жилым постройкам. Исключений совсем мало. Это — так называемая «резиденция» во дворце, где предположительно проживал правитель со своей семьей (Сарианиди, 2005. С. 62), и помещения мастерской для вторичного обогащения сплавов на основе бронзы около юго-западного угла стены каре (Дубова, 2008; Папахристу, 2016). Возможно, еще одна подобная мастерская функционировала некоторое время и на юго-востоке памятника, к югу от стены каре (Сарианиди, Дубова, 2014. С. 103—109) (рис. 2).

Как показали раскопки на восточном фасе комплекса, к югу от Храма Огня (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 33-39; 2014. С. 92—97), именно эта территория использовалась первоначально в качестве небольшого подсобного земледельческого участка, где выращивались ячмень и пшеница. А отдельные помещения между наружными стенами кремля могли использоваться и для временного содержания скота (Сатаева, Сатаев, 2015). Судя по имеющимся данным,

Рис. 3. Гонур-депе. Микрофотография стебля растения и колоса злака с раскопа 18. Фото Л.В. Сатаевой.

чуть далее к востоку от этой территории проходил или один из мелких рукавов р. Мургаб, или был выкопан искусственный канал³. Благодаря этому, на ранних этапах существования города (около 2300 до н.э.)⁴ орошение здесь имело лиманный характер. Об этом говорит наличие горизонта сизовато-серого суглинка на глубине более 2 м от древней дневной поверхности на большей части указанной территории (Сатаев, 2012. С. 56), а также и в северной части поселения (Сатаева, Сатаев, 2016. С. 32). В этих же слоях обнаружены семена злаков (Сатаева, Сатаев, 2012. С. 58, 62 и др.) (рис. 3).

Но выращивание зерновых в той части памятника просуществовало недолго. На самом юге восточного фаса началось возведение большого числа гончарных печей, поверх которых, уже во втором строительном периоде (около 1900—1800 до н.э.) был выстроен ряд помещений. В северной части восточного фаса, к востоку от Храма Огня хозяйством не занимались. Имеющиеся постройки, относящиеся как к раннему, так и ко второму периодам,

³ В настоящее время специальные исследования здесь пока не могли быть проведены ввиду высоких земляных отвалов, образовавшихся за многие десятилетия работы на памятнике. Но характер грунта, уходящего под эти отвалы, свидетельствует о наличии водной артерии. Косвенным свидетельством близкого расположения крупного водного потока являются остатки глубокого шириной до 1 м канала, идущего с северо-востока на юго-запад и юг поверху стен строений предыдущих периодов.

⁴ В.И. Сарианиди выделял три этапа строительства Гонур-депе: 1 — основание поселения и его расцвет, 2300-1900 до н.э.; 2 — восстановление после большого пожара 1900-1800 до н.э.; 3 — уход вод Мургаба на юго-запад и полное запустение памятника — 1800-1600 до н.э. Окончательно городское поселение прекратило свое существование к 1500 годам до н.э.

включая круглый алтарь, носят ритуальный характер (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 34—37).

На территории Гонур-депе выявлена целая система водохранилищ (бассейны), которые связаны с комплексами построек, в которых устроено большое число особых двухкамерных ритуальных очагов (Сарианиди, 2010. С. 36—38), а также с открытыми «площадями общественных трапез» (Сарианиди, 2010. С. 44—45; Сарианиди, 2010а. С. 237—244). Имеющиеся керамические трубы, «кобуры», а также небольшие арыки показывают, что они заполнялись первоначально дождевой водой, в том числе с окружающих такыров⁵.

Особый интерес вызывает специальное инженерное сооружение для очистки речной воды. Оно выстроено внутри так называемого Малого южного бассейна (58 х 29(42), глубина -0.9 м), связанного с Большим южным бассейном (180 х 85 м, глубина – 2,0 м) длинным желобом шириной 0,5 м, сделанным из сырцовых кирпичей. К моменту раскопок этот желоб сохранил лишь фрагменты кирпичей у основания. Но около стенки фильтровального устройства сохранность бортика желоба составила уже 5 кирпичей. Устройство имеет форму неправильного четырехугольника с размерами 7,6 (северная) х 6,2 м (западная) х 5,6 (восточная) х 7,5 м (южная) и сохранившейся высотой 1,8 м (рис. 4). Северная и южная стенки фильтра имеют толщину 1,05 м, а западной и восточной – 50-55 см. Они сложены из стандартных для Гонура сырцовых кирпичей (45 х 25 х 12 см). Стенки сооружения стоят на дне малого бассейна, а его основание углублено в грунт на 30-40 см. У основания южной стенки фильтра сделано входное отверстие, вход в которое укреплен своеобразным «порталом» также из сырцовых кирпичей высотой 1 м и шириной 0,62 м. В восточной стенке имеется второе прямоугольное отверстие, основание которого находится на высоте 1 м от базы фильтра. Все пространство внутри сооружения, судя по сохранившимся следам на стенах и по результатам флотации, было заполнено тростником и, возможно, верблюжьей колючкой. По имеющимся этнографическим данным, подобная технология применялась и современными туркме-

⁵ Такыр (от тюрк. — гладкий, ровный, голый) — форма плоского рельефа, образуемая при высыхании засолённых почв в пустынях и полупустынях. Во время сильных дождей верхние плотные глинистые слои не позволяют воде быстро уходить вглубь, в результате чего образуются лужи, зачастую очень значительных размеров. Если такыр находится в углублении, то скопившаяся здесь за зиму-весну вода может, несмотря на крайне высокие летние температуры и инсоляцию, простоять до осени.

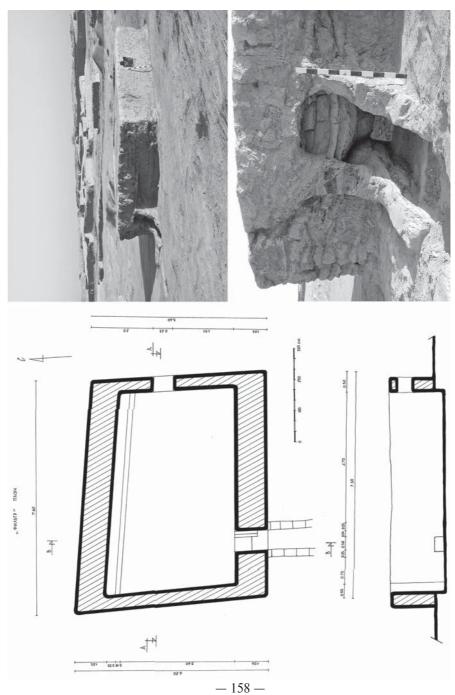

Рис. 4. Гонур-депе. Фильтровальное устройство в малом южном бассейне. Общий вид, входное отверстие, план и разрез.

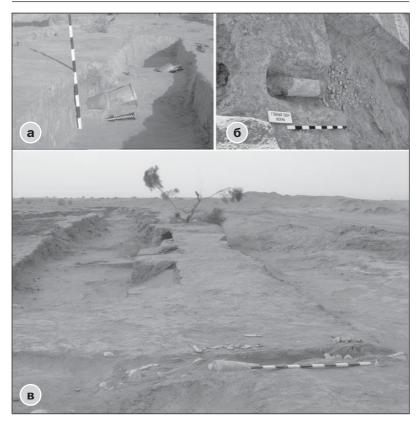

Рис. 5. Гонур-депе. Керамические трубы – кобуры под обводной стеной памятника. a) – в северной части; б) – в южной части; в) – на юго-западном участке.

нами в сельских труднодоступных районах до самого последнего времени для очистки воды от взвеси глины (тростник) и для ее обеззараживания (верблюжья колючка⁶).

Фильтрация воды проходила, видимо, следующим образом. Вода из р. Мургаб подводилась к южной окраине Большого южного бассейна с помощью специального отвода из протоки или основного русла и посредством керамических кобуров (рис. 5) заполняла емкость бассейна. При наличии достаточных осадков она достигала северного берега водоема и попадала в указанный

⁶ Верблюжья колючка обладает антибактериальными, антимикробными и гемостатическими свойства. Она традиционно используется в народной медицине как дезинфицирующее и вяжущее средство (см., например: Бурдымухамедов, 2009. С.100; Энциклопедический словарь..., 1951. С. 58).

выше сырцовый желоб, посредством которого затекала в фильтр. Там она отстаивалась, и, соответственно, внизу скапливалась глина, а верхние ее слои были значительно чище. Как только уровень воды в фильтровальном устройстве достигал уровня восточного отверстия, очищенная вода могла выливаться и сохраняться внутри малого бассейна. Возможно, были и какие-то дополнительные устройства, позволявшие активнее проводить данный процесс и доставлять очищенную воду. Но пока никаких свидетельств их присутствия не было обнаружено. Также как и указаний на наличие и отсутствие перекрытий у фильтра. Только логически можно думать, что все же некие перекрытия могли быть, дабы препятствовать попаданию лишнего песка и мусора внутрь конструкции. Скорее всего, сырцовое перекрытие имел желоб, ведший из большого бассейна. Косвенно об этом свидетельствует наличие похожей конструкции на юго-западе Гонур-депе, на так называемом Раскопе 16 около «Ритуального погребения животных». Правда, там похожий желоб шел под землей и заканчивался в круглом сооружении не вполне ясного назначения (рис. 6). Но в данном

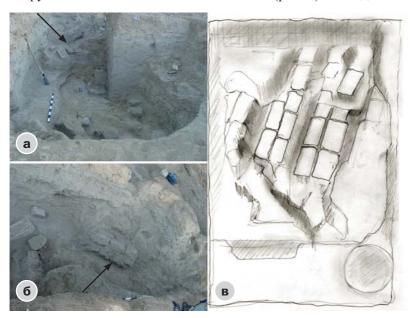

Рис. 6. Гонур- депе. Подземный желоб около ритуального погребения животных на раскопе 16 после расчистки.

а) вид с юга, б) вид с запада, в) прорисовка кирпичной кладки от его перекрытия.
 Стрелки указывают не местоположение данного желоба.

Рис. 7. Сардоба. Пос. Талимарджан, Лебапский велаят Туркменистана (правобережье Амударьи). 2010. Фото из архива журнала «Туркменистан».

случае подразумевается именно наличие самой конструктивной системы, а не аналогий в устройстве транспортировки воды. Развитием подобных фильтровальных устройств в Средней Азии являются хорошо известные для Средневековья хранилища воды — так называемые *сардоба* — перекрытые сводом подземные хранилища воды большого объема (рис. 7).

Конечно, содержание и уход за таким сооружением требовал наличия специальных рабочих. Хорошо известно, что во всех регионах Древнего Востока должность *мираба* (ответственного за наличие, состояние и распределение воды) была необходимой и очень уважаемой. Поэтому можно достаточно обоснованно предполагать, что уровень воды в обоих бассейнах, состояние желобов, самого фильтра постоянно контролировались, и при необходимости проводились их ремонт и очистка. Интересные данные в этой связи дали исследования палеопатологических изменений на костных останках человека. Так, например, в ушных каналах мужчин зрелого возраста из погребений 3331, 3683 и 3702 (все были совершены во второй период существования памятника) зафиксировано наличие экзостозов. Известно, что оссеофитные образования в ушном проходе могут расцениваться как маркер негативного воздействия холодной воды при нырянии (Standen, Arriaza, Santoro, 1997, цит. по:

Бужилова, 1998). Деятельность этих субъектов могла быть связана с гидротехническими работами по налаживанию и чистке водосборных и водораспределительных сооружений (Дубова, Куфтерин, 2008).

К сожалению, никаких датирующих предметов или остатков угля, позволивших бы провести абсолютное датирование фильтра, не было обнаружено. Но то, что никаких следов культурного слоя у основания малого бассейна и самого фильтра найдено не было, дает возможность предполагать, что он был выстроен в течение первого строительного периода, возможно, как один из этапов обустройства всего центрального комплекса.

Усиление аридизации в начале II тыс. до н.э., снижение уровня Мургаба и пересыхание ряда его многочисленных рукавов, в том числе и в результате активного занятия земледелием (Сатаев, Сатаева, 2008), привело к переходу населения к искусственной ирригации. На территории Гонур-депе зафиксировано множество поздних, перерезающих прежние помещения, каналов, ведущих к бассейнам (рис. 8). Подробное исследование одного из таковых (Сатаев, 2008) выявило их близкое сходство с подобными, традиционно используемыми современными

Рис. 8. Арыки, проведенные в последние периоды обитания на Гонур-депе. а) северо-восточный фас памятника; б) общий вид того же арыка; 7) юго-западная часть памятника.

жителями Средней Азии для орошения, водоотведения и водоочистки.

Еще одной интересной особенностью памятника является сочетание использования разных способов водоснабжения. Кроме уже описанных (накопление дождевых осадков, забор и очистка воды из крупных водотоков), использовались и колодцы. Так, характерно, что на уже упоминавшемся Раскопе 16 на юго-западе памятника, который расположен, как достоверно установлено, на берегу одной из проток р. Мургаб, буквально в непосредственной близости от берега этой протоки, устроено сразу несколько глубоких колодцев. Поскольку, нами было прослежено несколько этапов освоения этой территории, (Сарианиди, Дубова, 2008. С. 42-44), логично предположить, что при высыхании близлежащей протоки р. Мургаб, вода в ней стала мало пригодной для питья. Это заставило жителей искать водоносные слои на глубине, для чего и стали сооружаться колодцы. Однако пока специальному исследованию ни конструкции самих кололцев, ни их солержимое, ни их расположение на поселении не были подвергнуты.

Особенности земледелия древнего населения Юго-Восточных Каракумов специально изучались Р.М. и Л.В. Сатаевыми: определение видового состава культивируемых растений, выяснение характера оснащенности земледельцев средствами обработки земли, сбора и хранения урожая, а также приемы, повышающие эффективность использования земельных ресурсов. С этими целями проводилось выявление и извлечение макроскопических растительных остатков из культурных горизонтов памятника и заполнений археологических объектов (использовался метод сухого просеивания и флотации грунта) и их видовая идентификация. Как и на других археологических памятниках, на Гонурдепе имеются разные формы сохранения растительных остатков: древесные угли, углефицированные семена и плоды, древесина (чаще всего законсервированная солями меди), отпечатки частей растений (на керамике, кирпичах, обмазке, в полу различных сооружений), навоз животных. Параллельно проводилось изучение культурных отложений на предмет выявления следов обработки почвы и орошения, а также анализ артефактов, связанных с земледельческой практикой (Сатаева, Сатаев, 2016. С. 31).

Анализ археоботанического материала показал, что в эпоху бронзы были представлены те же культуры, которые выращи-

ваются в регионе и в настоящее время. Наиболее широко были представлены зерна пленчатых пшениц (однозернянки *Triticum monococcum*, двузернянки *T. dicoccum*) и голозерных (мягкой *T. aestivum*, карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя (*Hordeum vulgare*). Жители Гонура выращивали также из бобовых — чечевицу, нут и горох (мелкосемянную форму), из садовых — яблоню, алычу (сливу), вишню, виноград, из бахчевых — дыню. Сравнительно крупные размеры и общие пропорции зерен злаков свидетельствуют, что растения выращивались в условиях достаточного влагообеспечения.

Крайне интересным оказалось содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения № 3901, устроенного на территории «царского некрополя» (Сатаева, Сатаев, 2012). Микроскопический и биохимический анализ содержимого показал присутствие там зерновых оболочек проса (*Panicum miliaceum*) (рис. 9), наличие крахмала и белка. Вероятнее всего, это была каша или густая похлебка, сваренная на молоке (Сатаева, Сатаев, 2016. С. 33). Подобное содержимое в посуде на Гонуре было встрече-

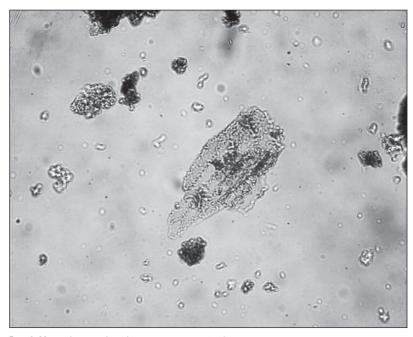

Рис. 9. Микрофотография фрагмента зерновой оболочки проса из содержимого керамического сосуда 3901 (увеличение x280). Фото Л.В. Сатаевой.

но впервые. Существует длительная дискуссия о происхождении и центрах доместикации обыкновенного проса (см., например, Hunt et al., 2008, 2011). На основании того, что эти зерна не были найдены ни на ранних земледельческих памятниках юга Средней Азии, в том числе в Южном Туркменистане и Северном Афганистане, ни на р. Зеравшан в Саразме ранее конца ІІІ тыс., исследователи полагают, что оно могло быть завезено из района Синьцзяна не ранее этого периода (McNeill, 1963; Spengler, 2015. P. 229).

Гонурское погребение 3901, где было найдено просо, совершено в цисте, устроенной за пределами южной части обводной стены комплекса, неподалеку от «царской гробницы» 3905. В соответствии с выводами В.И. Сарианиди (Сарианиди, 2001. С. 35-36) о социальной стратификации маргушского общества, погребенная в нем женщина относилась к аристократическим, богатым слоям. Погребение имеет очень незначительную глубину, что, скорее всего, является свидетельством сооружения цисты почти на поверхности, а не под землей (рис. 10). Устройство рядом расположенной и, вероятно, синхронной богатой гробницы

Рис. 10. Общий вид погребения 3901 на Гонур-депе.

3915 относится к 3630 ± 55 до наших дней. Сходной же датировке не противоречит и керамический набор (11 сосудов разных форм) погр. 3901.

Л.В. Сатаева отмечает сравнительно высокое содержание в изученных на Гонур-депе археоботанических сборах зерен винограда. Семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разно ориентированных зерен, что позволяет идентифицировать их как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока (Сатаева, Сатаев, 2016. С. 33). Также в помещениях и погребениях часто присутствуют крупные сосуды («хумы»), вкопанные в землю, которые использовались, как полагают, для хранения разнообразных продуктов, в том числе вина. Возможно, они применялись и в его производстве. Подобные факты свидетельствует о наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия. Как предполагал В.И. Сарианиди, одним из помещений, где мог иметь место данный процесс, является Раскоп 17 на северо-востоке комплекса за пределами обводной стены (рис. 11) (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 29–31).

Благодаря широкомасштабным раскопкам на Гонур-депе удалось восстановить и методы обработки земли, применявшиеся в древней дельте р. Мургаб в эпоху бронзы. Обработка земли под посевы происходила вручную с помощью бронзовых мотыг. Сбор

Рис. 11. Гонур-депе. Раскоп 17. Общий вид «помещения с хумами» с юго-запада.

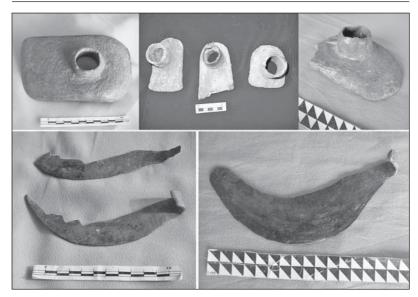

Рис. 12. Бронзовые тяпки-мотыги и серпы, найденные на разных территориях Гонур-депе.

урожая (злаков и бобовых культур) производился бронзовыми серпами с закрепленной деревянной ручкой (рис. 12). Зерно (и продукты переработки) хранили в хумах и в специальных ямах - хранилищах, промазанных изнутри глиной. Для помола использовались массивные каменные зернотерки и песты. Г.Н. Лисицына (1978. С. 55) предполагала, что пашенная обработка земли в Южном Туркменистане появляется во второй половине III тыс. до н.э. Этот вывод был сделан на основании находок миниатюрных терракотовых моделей повозок с вмазанными в их переднюю часть головами быков и верблюдов. Возможно, также использовались и сохи. Тягловыми животными в IV – первых веках III тыс. до н.э. в Южном Туркменистане являлись только быки (волы). В более позднее время – и верблюды (Кирчо, 2009. С. 30). Среди глиняных фигурок животных на Гонуре было найдено значительное число статуэток быка-вола, в том числе один фрагмент (передняя часть), на котором вокруг шеи животного проходит хорошо выраженная борозда, вероятно, обозначающая элемент упряжи. Надо сказать, что на этом памятнике были выявлены достоверные останки кастрированных особей крупного рогатого скота — волов (Сатаев, 2013).

Как ранее, так и в наши дни, в обществах, ведущих традиционный образ жизни, существует избирательность в отношении дре-

весины, идущей на топливо. Печи и очаги, используемые для приготовления пищи и обогрева жилищ, действительно обычно топят наиболее распространенными в окрестностях селения и доступными видами растений. Как показали специальные наблюдения за использованием топлива в быту современными туркменами, таджиками, а также бахтиярами, при возможности, выбираются растения, чья древесина при горении дает более сильный жар и меньше чадит. Например, на Копетдаге это клен, в Каракумах – саксаул, в горах Загроса – дуб. При недоступности же или ограниченности древесного топлива, оно может заменяться другим, более доступным. Например, верблюжьей колючкой, тростником, кизяком. Основными критериями использования того или иного вида топлива в гончарных и металлургических печах являлись даваемая им температура и длительность горения. Кроме того, при проведении ритуальных действий могли сжигаться вполне определенные виды древесных растений (Сатаева, Сатаев, 2015). Изучение углей, происходящих из заполнения очагов, печей, мусорных куч Гонур-депе, показывает, что основным источником топлива являлась древесная растительность и одревесневшие стебли верблюжьей колючки после их плодоношения и высыхания на корню. В меньшем количестве использовали другие виды топлива (солому и навоз животных). Обращает на себя внимание преобладание в изученном материале углей, происходящих от небольших веток саксаула, что, возможно, было связано как со сложностью заготовки целых стволов (твердая древесина саксаула с трудом поддается рубке даже современными инструментами), так и с тем, что такая стратегия заготовки топлива (когда срубают только отдельные ветви) позволяет дольше сохранять запасы древесины. Нужно отметить высокую устойчивость саксаула к подобным вырубкам, когда дерево не погибает даже при значительном оголении, восстанавливая свою крону. Учитывая объем использования древесного топлива (в первую очередь саксаула), можно предполагать значительные первичные запасы древесной растительности на окружающей город территории (Сатаев, Сатаева, 2015. С. 111).

Состав растительных остатков, полученных из выше упоминавшихся двухкамерных печей, очень широкий. Кроме древесных углей, он может включать обугленные стебли тростника (*Phragmites australis*), верблюжьей колючки (*Alhago pseudoalhago*), других травянистых растений, семена культурных и дикорастущих видов, навоз животных. В заполнении печей обнаружены и зерна злаков, а также спекшиеся массы виноградного жмыха. Скорее всего, сжигание зерна и виноградного жмыха являлись ритуальными актами (Сатаева, Сатаев, 2017).

Угли из гончарных и металлургических печей, найденных во множестве на Гонуре, происходят в основном от крупных веток (диаметром более 50 мм) саксаула, с небольшой примесью хвороста саксаула и кустарниковых солянок (по-видимому, хворост использовался для розжига).

Отдельный интерес представляют угли, оставшиеся в местах ритуальной кремации животных или в жертвенниках вместе с сожженными костями. Наиболее массовый материал на этот счет дает содержимое так называемых «жертвенников-лунок» (Сатаев, 2010; 2016. С. 96-97; 108-134). Эти жертвенники представляют собой небольшие ямки, заполненные обугленными костями животных, в целом ряде случаев перемешанные с древесным углем. Лунки, сходные с гонурскими, были выявлены В.И. Сарианиди и на бактрийском памятнике эпохи бронзы Дашлы-3 (Северный Афганистан). Здесь они фиксировались на уровне полов разных строительных периодов, что, по мнению автора раскопок, указывает на устойчивость данного ритуала, в котором главную роль играло культовое сожжение животных. Животные сжигались «на стороне», а затем их остатки помещались в лунки (Сарианиди, 1984. С. 16-17). Жертвы (мелкий рогатый скот — овца или коза), чьи кремированные остатки в лунках были смешаны с древесным углем, кремировались двумя способами: в «открытой топке» (на площадке, костре, алтаре) при средних температурах не выше 500°C; в закрытой топке (печь) в контакте с топливом при достаточно высокой температуре — 800°C и выше. Температура сжигания определялась Р.М. Сатаевым путем оценки стадий озоления костей животных (Сатаев, 2010; 2016). Анализ древесных углей показывает, что в первом случае использовались крупные и средние ветки саксаула, а во втором — мелкие ветки его же, а также кустарниковых форм солянки (хворост). При этом лунки, в которых содержались остатки животных, сожженных по первому типу, более ранние. Вероятнее всего, это объясняется тем, что сжигание туши в открытой топке требовало более калорийного и качественного топлива (из-за высокой потери тепла), а также большего времени. При сжигании животных в печи снижение качества топлива компенсировалось особенностями конструкции топки, позволявшей с меньшими затратами поддерживать в ней высокую температуру. Более широкий таксономический состав обнаруживают угли из помещений дворцово-храмового комплекса. Они происходят не только от топлива, но и от сгоревших строительных конструкций. Найденные здесь угли принадлежат тамариску, саксаулу, джузгуну (Calligonum sp.), тополю (Populus sp.), клену (Acer turcomanica) и другим растениям. На территории, ныне прилегающей к руинам Гонур-депе, встречаются 2 вида тополей подрода туранга: тополь евфратский (P. euphratica) (4—8 м высотой) и тополь сизолистный (P. pruinosa) (3—5, до 8 м высотой). По всей видимости, конструкции дворца были выполнены из них обоих (Сатаева, Сатаев, 2017).

Под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену восточного и южного фаса кремля Гонура, были обнаружены скопления обугленной древесины, анализ которых позволил реконструировать перекрытие коридора, идущего по всему периметру памятника между внутренней и наружной стеной кремля, которая обрушилась при большом пожаре, упоминавшемся выше при характеристике строительных периодов. Роль несущих балок в конструкции играли стволы тополя, уложенные поперек проемов между внутренней и наружной стеной на расстоянии, по-видимому, не более 1,5 м друг от друга. При пожаре балки обрушились последними, в целом сохранив свою ориентацию относительно стен кремля. Диаметр балок составлял около 15 см, на основании чего (привлекая коэффициенты зависимости диаметра ствола и высоты дерева) можно сделать вывод, что для их изготовления подбирались деревья высотой около 10 м. Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего, толстые ветки) из тополя диаметром около 5 см. При скреплении частей деревянной конструкции, в отдельных случаях, применялись бронзовые гвоздикостыли. Костыль, обнаруженный в балке северной стены, имеет квадратное сечение (со сторонами квадрата в верхней части 7,2 мм) и длину 93 мм. Устройство кровли на разных участках несколько различается. Наиболее сложное строение имеет кровля восточного коридора. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше - маты из стеблей тростника. Сверху конструкция была покрыта саманной обмазкой, армированной ивовыми прутиками (выявлены на изломе остатков обмазки) (Сатаева, Сатаев, 2017).

Кроме земледелия, население страны Маргуш активно занималось и скотоводством, что еще раз подтверждает комплекс-

ный характер хозяйства древних обществ Средней Азии. Такое сочетание животноводства с земледелием было достаточно характерной чертой многих ранних цивилизаций. Изучение остатков животных производилось с применением двух основных подходов, которые условно можно назвать «внеконтекстным» и «контекстным». В первом случае материал изучался после изъятия их из грунта – вмещающего слоя; во втором – остатки животных исследовались на месте их нахождения (in situ), т.е. в археологическом контексте. Второй подход позволяет получить значительно больший объем информации о генезисе и особенностях захоронения животных и их дериватов, а также об археологическом объекте в целом. Он проводится в комплексе с седиментологическими и археоботаническими исследованиями. Очевидно, что второй подход предпочтительнее, но значительно более трудозатратный, поэтому «контекстный» подход применялся преимущественно в отношение к сложным и закрытым комплексам.

Как отмечает Р. Сатаев, культурный слой Гонура слабо насыщен костями животных, и эта насыщенность сильно изменяется по площади. Например, из стратиграфического шурфа на раскопе 18 (размерами 4 х 4 м, пройденного в глубину на 1 м), в ходе проходки которого было извлечено 16 м³ грунта, происходит 52 фрагмента костей, а в разведочной траншее на раскопе 8 (размеры 10,4 х 4 м, глубина 2,1 м) на почти 90 м³ заполнения приходится всего 30 экземпляров. Этот факт может быть обусловлен разными причинами: резким преобладанием в рационе древних жителей растительной пищи; расположением мест содержания скота (возможно и забоя животных) в основном за пределами города; существованием практики специальной утилизации остатков животных и т.п. (Сатаев, 2016. С. 42-43).

Начиная с 2007 г., поступающий археозоологический материал анализируется в процессе раскопок Гонур-депе постоянно. Но наиболее представительные выборки остатков животных кухонно-бытового генезиса в настоящее время получены для трех участков памятника за пределами обводной его стены: раскопы 19 (северо-западная часть памятника), 18 (восточный фас) и 23 (юго-западная часть). Они свидетельствуют, что древние жители оазиса содержали мелкий и крупный рогатый скот, верблюдов, ослов, свиней и собак (рис. 13). Кроме перечисленных на рисунке животных, на памятнике имеется 8 местонахождений

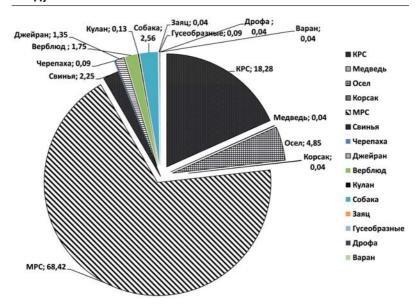

Рис. 13. Гонур-депе. Доля разных животных от суммарной численности костных остатков на 18, 19 и 23 раскопах. Рассчитано и построено по данным: Сатаев, 2016. (табл. 4 на стр. 47).

костей лошади, только единожды представленной полным скелетом (гробница 3200) и в одном случае – целым черепом. Несмотря на то, что находки этого животного малочисленны (что, скорее всего, демонстрирует ограниченность его использования в хозяйстве и, возможно, его элитарность), они являются самыми ранними для региона (Сатаев, 2016. С. 80-87). По всей видимости, лошади принадлежали местной знати и воспринимались, как экзотическая форма осла, который, судя по ряду показателей (в том числе специальным захоронениям), играл важную роль, как в хозяйстве, так и в духовной жизни древних маргушцев. Не исключено, что лошадей было больше, чем это выявляется на зооархеологическом материале, тем более что мясо этого животного не ели. Сходная ситуация отмечается на современном материале — костях животных со свалок в туркменских населенных пунктах, где остатки лошадей не обнаруживаются, хотя лошади в хозяйстве присутствуют (Сатаев, 2016. С. 87).

В материале кухонно-бытового генезиса из помещений наиболее многочисленны кости мелкого рогатого скота (барана и козы) (52,9%), но и остатков крупного рогатого скота достаточно много (31%). Хотя по количеству костей крупный рогатый скот уступает

мелкому, на первый приходится 62,3% от объема мясной продукции, против 21,2% у второго (Сатаев, Сатаева, 2015. С. 112). Разводимый древним населением Гонурского оазиса крупный рогатый скот по своим размерам был не меньше, а возможно и несколько крупнее, чем в степи и лесостепи. Разведение крупного рогатого скота такого физического типа в аридных условиях и в значительных количествах, позволяет говорить, что этот вид сельскохозяйственных животных имел большое значение для древнего населения Маргианы, будучи не только и не столько источником мяса и молока, сколько тягловой силой и продуцентом естественных удобрений. Для аридной зоны это — испытанный веками способ поддержания плодородия пустынных почв и необходимое условие развития данной земледельческой культуры (Сатаев, 2016. С. 80).

Одной из особенностей Гонура является отсутствие общего для всего населения протогородского центра подхода к эксплуатации животных, поэтому материалы, происходящие с разных участков, отражают неодинаковые «стратегии» в отношении использования домашнего скота. Обитатели кварталов, окружающих дворцово-храмовый комплекс (возможно, это был контингент, занимавшийся обслуживанием административной и духовной элиты), скорее всего, непосредственно не занимались разведением скота и получали мясную продукцию со стороны. Возможно также, что животноводство для них играло лишь вспомогательную роль, что во многом подтверждает мнение В.И. Сарианиди об особом статусе гонурского поселения как административно-религиозного центра (Сатаев, 2016. С. 174-175).

Остатки диких видов животных на Гонур-депе немногочисленны и, вероятно, охота не играла значительной роли в жизни населения. Кости диких животных преимущественно принадлежат джейрану (в основном роговые стержни). Из птиц определены кости крупных гусеобразных (*Ancer sp.*) и дрофы, домашние формы птиц отсутствуют (Сатаев, Сатаева, 2015. С. 112).

Животные играли важную роль и в мировоззрении древнего населения Гонур-депе. На основе изучения зооархеологических комплексов Р.М. Сатаев выделяет три основные группы ритуального использования животных: остатки животных из погребений; самостоятельные захоронения животных или их частей и захоронения кремированных животных или их частей и др., 2012; Сатаев, 2016. С. 95–97). В первую группу включаются такие формы как: 1) «напутственная пища» (отдельные расчле-

ненные части туш животных - «мясные куски» - и/или блюда, приготовленные из мяса; 2) «сопровождающие животные» — одно или несколько животных помещено целиком в погребение, сопутствующее ему сооружение («хозяйственный двор») или похоронено рядом за пределами погребальной конструкции (привходовая площадка), с целью сопровождать умершего в загробный мир и стать частью его имущества (мелкий и крупный рогатый скот — «стадо»; верблюд, осел, лошадь — «транспорт»; собака — «охрана дома и стада»); 3) «животное — заместитель умершего» — целая туша животного в погребении замещает покойника и захоронена в соответствии с обрядом погребения человека; 4) отдельные части туши (или кости, уже очищенные от мягких тканей) одного или нескольких разных животных помещены в символическое погребение (кенотаф); 5) «изделия из костей животных» — бытовые и/или культовые предметы, изготовленные из костей животных (в том числе необработанные изолированные роговые стержни и астрагалы). Во вторую: 1) животное (или животные), захороненное целиком в специально подготовленной яме или котловане с погребальным инвентарем или без него; 2) целая туша животного захоронена в специально подготовленной яме в расчлененном виде, с определенным порядком выкладки отдельных ее частей; 3) целенаправленно захороненные части туш животных (головы, рога, конечности и т.д.); 4) части туш или кости животных, очищенные от мягких тканей (кости съеденных животных) и помещенные в сосуд. А в третью: 1) целые кремированные туши животных, оставленные на месте их сожжения и прихороненные в золе (частично сохраняется анатомический порядок скелета); 2) остатки животных, сожженных на стороне и помещенные в специально устроенные и оформленные ямки — «жертвенники-лунки» или керамические сосуды (например, в погр. 3310); 3) остатки сожженных животных, сохранившиеся в специально устроенных конструкциях — алтарях. Кроме перечисленных форм, можно говорить и о ряде дополнительных.

Одно из интереснейших и весьма характерных для ${\sf БMAK}^7$ явлений — наличие самостоятельных погребений животных

⁵ БМАК - Бактрийско-Маргианский археологический комплекс или, по предложению E.В. Антоновой, - археологическая культура. Выделен В.И. Сарианиди (Сарианиди, 1974; 1977. С. 4–5). Гонур-депе является одним из его самых ярких и охарактеризованным со многих сторон памятником, благодаря тому, что его центральная часть раскопана почти полностью.

(Сарианиди, Дубова 2007, 2015; Дубова 2008; 2012). К настоящему времени на Гонур-депе выявлено 40 таких захоронений. Из них почти половину (19 могил) составляют погребения баранов. На втором месте по численности (16 могил) находятся собаки (рис. 14). Характерно, что семь последних устроены на царском некрополе, причем они устроены несколькими группами, как бы ограничивающими элитарный могильник с востока (Сатаев, Дубова, 2016). Пока процитированные исследования носят преимущественно описательный характер. Необходим подробный анализ символики этих сооружений. Е.В. Антонова, ведущий специалист в области представлений древневосточного населения, изучив погребения, подобные описанным выше, делает предварительный вывод о том, что «за образами животных в разнообразных проявлениях культуры БМАК так или иначе стоят сверхъестественные существа, в том числе представлявшиеся и как человекоподобные» (Антонова, 2005. С. 116). Но и сейчас имеющиеся данные свидетельствуют, что у жителей страны Маргуш (Маргианы) в первой половине II тыс. до н.э. бытовали сложные, но, увы, пока не вполне ясные воззрения и ритуалы, связанные не с бараном, лошадью, верблюдом, собакой или с божеством, которое олицетворяло то или иное животное, а с представлениями об устройстве мира и загробной жизни. Кроме того, они еще раз подчеркивают отсутствие кардиналь-

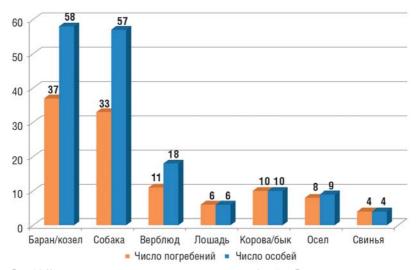

Рис. 14. Численность разных видов животных и их погребений на Гонур-депе.

ного противопоставления земледельческого и скотоводческого типов хозяйства.

Сопоставить описанную систему жизнеобеспечения с таковыми более поздних периодов по всем параметрам пока не представляется возможным. Тем не менее, нами получены некоторые оригинальные данные, которые позволяют это сделать хотя бы частично. Так, изучение остатков животных из раскопок городища Кыз-Кала (XIII в., Древний Мерв) показывает, что по количеству костей здесь доминирует КРС (46,8%), ему заметно уступает МРС (26,4%) и лошадь (17,3%); отмечен верблюд (7,5%) и домашний осел (1,5%). Такое соотношение забиваемых на мясо животных достаточно высоким процентом лошади заметно отличается и от установленного для Гонура, и от фиксируемого на этнографических материалах. Поскольку климат в это время по аридности был близок к современному, можно предположить, что характер использования животных был обусловлен не природными, а социальными условиями (значительным внешним влиянием, т.к. на XIII в. приходятся монгольские завоевания) (Дубова, Сатаев, 2016).

В предгорной полосе Копетдага состав стада домашних животных в большей степени отвечал природно-климатическим условиям территории. Об этом свидетельствуют материалы, изученные Р.М. Сатаевым с памятника Новая Ниса (Ахалский велаят Туркменистана, раскопки В.Н. Пилипко), где со времени существования Парфянского царства до XVII в. включительно среди забиваемых животных почти всегда доминирует МРС. Такая стратегия в области животноводства была здесь обусловлена сохранением традиций, которые оправдывали себя на протяжении предыдущих поколений, а также не резкими климатическими изменениями, имевшими место в этой части Южного Туркменистана. Исключение составляет материал XII—XIII вв., когда, как и в Мерве, среди забиваемых на мясо животных возрастает доля КРС и лошади, а также верблюда (Дубова, Сатаев, 2016).

Другой характер использования животных, демонстрируют костные остатки из могильника Шахидон (Таджикистан, VII—VIII вв., раскопки Т.Г. Филимоновой) 8 . Хотя о специфике хозяйства по погребальным материалам судить сложно, и эти данные

⁸ В настоящее время результаты раскопок только готовятся к публикации, поэтому здесь имеется возможность дать только тезисную информацию, которая посвоему ценна.

не полностью сравнимы с выше описанными, но определенную информацию получить можно. Нужно отметить, что здесь преобладают лошади и мулы, также встречены остатки коз и овец. В погребения чаще всего помещались «шкуры» (голова и конечности), а также «мясные куски», что может свидетельствовать и об активном использовании этих видов на мясо. Практика широкого использования эквид в погребальном обряде (а также в пищу), хорошо отражает кочевнические традиции.

Важным блоком в нашем комплексе являются палеоантропологические исследования. Изученный в указанных регионах богатый палеоантропологический материал показал, что, несмотря на широкое распространение отдельных заболеваний, население в диахронии показывает довольно хорошую приспособленность к комплексу факторов окружающей среды. Данные палеопатологии, фенетики черепа и посткраниального скелета, а также других систем признаков, показывают, что все изученные группы древнего населения не демонстрируют выраженных проявлений дезадаптации.

Анализ данных по возрасту и полу 2556 индивидов, похороненных на некрополе Гонура, и 625 индивидов, похороненных на руинах дворцово-храмового ансамбля Гонура, показал, что соотношение полов в обобщенной палеопопуляции близок к единице -1,06 (51,5% мужчин). Показательно, что только 11,7% из могил на некрополе принадлежат детям старше 14 лет, а в руинах -67.6%. Можно сказать, что на некрополе хоронили детей старше 7-8 лет. Только после того, как поселение стало терять свое значение административного и религиозного центра, на его территории, а точнее, уже на руинах некогда величественных зданий жили последние насельники города, и в непосредственной близости хоронили своих умерших младенцев и детей. Детская смертность на этом поселении по сравнению с другими памятниками бронзового века достаточно мала -212 детей старше 3 лет (23,45%) и 85 индивидов, умерших в возрасте 1 год и старше (9,4% из 903 детей до 16 лет). Средний возраст смерти взрослых мужчин — 36,67 лет, женщин — 36,30 лет, во всей популяции — 36,48 лет; средний возраст группы (включая детей) - 29,86 лет, для мужчин <math>- 29,27, для женщин -30.49 лет. Эти показатели свидетельствуют, что группа имела достаточно высокий уровень жизни, была успешной в демографическом отношении или, иными словами, хорошая адаптированность к факторам среды подтверждается (Дубова, Рыкушина, 2007).

К этим показателям близки те, которые получены на значительно большей по численности детской выборке, изучение которой проведено В.В. Куфтериным. Наибольшее число детей выборки представляет первую возрастную когорту $(0-4\ roga)-116(21,9\%$ от всей серии -530 индивидов, или 54% от выборки детей и подростков). На втором месте представители когорты 5-9 лет -67 индивидов (соответственно 12,6% или 31,2%). Меньше всего детей в возрасте 10-14 лет -32 индивида (6% от всей серии и 14,8% от количества детей и подростков). Показатель смертности в первый год жизни для группы в целом $(530\ индивидов)$ составил величину 10,75. Его величина для всех детей группы $(0-15\ лет)-26,5\%$, а для детей первой возрастной когорты $(0-4\ roga)-49,1\%$. Таким образом, около половины всех детей в период раннего детства умерло в грудном возрасте (Куфтерин, 2016).

Значительный по численности и собираемый по всем возрастным категориям (начиная с умерших при рождении) материал дал возможность получить данные и о ростовых процессах в гонурской палеопопуляции. Предварительное исследование темпов продольного роста длинных костей у гонурских детей (23 детских и подростковых скелета), проведенное В.В. Куфтериным, подтвердило выводы о хорошей адаптированности группы к условиям окружающей среды, что выражается в некоторой ретардации скелетной зрелости в изученной выборке. Это согласуется с выводами о замедлении процесса онтогенеза в «долгожительских» популяциях (Павловский, 1987; Бужилова, 2005). Индивидуальные значения показателя *бlm*, характеризующего среднее отклонение от стандартных размеров, варьируют в пределах 0,73-1,02; среднегрупповое значение — 0,90 (данные Мареш-Федосовой; Федосова, 2003). По сравнению со средневековой славянской популяцией (данные по четырем костям – плечевой, лучевой, бедренной, большеберцовой) (Stloukal, Hanakova, 1978), отставание в темпах продольного роста менее значительно: индивидуальные вариации -0.82-1.09, среднее значение -0.97. Проксимальные сегменты, в сравнении с дистальными, обнаружили большую задержку в росте. Наименьшее отставание по показателям продольного роста демонстрируют дети в возрасте 0,5-2 лет. У детей старших возрастных групп задержка ростовых процессов выражена значительнее (Куфтерин, 2015).

В группе отмечается достаточно высокий показатель зубных патологий (кариес, эпиплазия эмали, пародонтоз), достигаю-

щий у раннего населения, захороненного на Большом некрополе 78,1%, а у более позднего (захоронения на руинах дворцово-храмового комплекса) 80% (746 индивидов). Среди мужчин (81,1%) частота этих заболеваний больше, чем среди женщин (75,6%). С возрастом частота патологий увеличивается (от 28,6% в раннем детском возрасте *infantilis* I до 90,1% в старческом *senilis*). Г.В. Рыкушина, проводившая эти исследования, полагает, что данные факты отражают, с одной стороны, дефицит некоторых микроэлементов в пище и воде и не вполне благоприятную экологическую обстановку в среде обитания населения, которая могла оказать косвенное влияние на изменение генофонда населения. Кроме того, материалы подтверждает культурную, биологическую и социальную преемственность населения на данном памятнике на протяжении всего времени обживания территории (Dubova, Rykushina, 2007).

Специальный анализ более многочисленных одонтологической и остеологической серий, собранных в последующие годы, относящихся в основном к детям (зубная система – 1468 единиц; остеологически - полные и фрагментированные скелеты 215 индивидов) показал, что преобладающими заболеваниями в структуре палеопатологического профиля детей Гонур-депе являются зубные патологии (кариес и зубной камень), а также индикатор анемичных состояний (cribra orbitalia – 7,6% среди 920 индивидов). В.В. Куфтерин, изучавший этот блок данных, сделал вывод, что основными факторами, обусловливавшими особенности патологического статуса серии, являются предполагаемая высокая плотность населения и выраженная земледельческая ориентация хозяйственной деятельности. Но, по его мнению, популяция обитала почти в оптимальных условиях, о чем свидетельствует фиксируемая остеологически низкая частота инфекций, отсутствие случаев цинги, рахита и травматических повреждений. Полученные выводы не противоречат тезису о хорошей приспособленности жителей Гонур-депе к воздействию комплекса факторов окружающей среды (Куфтерин, 2016). Высокая распространенность некоторых заболеваний (например, стоматологических и дегенеративных) может быть следствием увеличения продолжительности жизни и профессиональной специализации людей, что в целом также связано с высоким уровнем развития производящего хозяйства и урбанизацией (Куфтерин, 2015).

Суммарную частоту встречаемости заболеваний суставов и позвоночника у взрослого населения (32,8% из 338 костяков), захороненного в руинах дворцово-храмового комплекса, исследователь характеризует как довольно высокую. Примечательно, что у женщин (34,2%) данные патологии отмечались несколько чаще, чем у мужчин (31,0%).

Частота патологических изменений воспалительного характера у населения второго и третьего периода жизни на Гонур-депе также невысока (3,7% из 920 индивидов). Воспалительные процессы в детско-подростковой (2,9% на черепе и 0,5% на посткраниуме из 582 случаев) и женской подгруппах (3,1% и 1,5% соответственно из 196 случаев) чаще были локализованы на черепе, в мужской – на длинных костях скелета. Однако, принимая во внимание относительную малочисленность зафиксированных случаев и отсутствие статистической значимости отмеченных различий, их корректную интерпретацию В.В. Куфтерин пока затруднился. В абсолютном выражении на детскую группу приходится наибольшее количество воспалительных заболеваний черепа, таких как мастоидит и отит, по-видимому, нередко являвшихся непосредственной причиной смерти (Дубова, Куфтерин, 2008; Куфтерин, 2009а). Необходимо подчеркнуть, что небольшой суммарный процент распространенности различных инфекционных заболеваний для крупного городского поселения выглядит несколько неожиданным. По этой причине, ввиду отсутствия у антропологов, исследовавших представленный материал, специальной задачи проведения палеопатологической экспертизы, приведенные данные нуждаются в осторожном истолковании (Куфтерин, 2012а. С. 78-81).

Сходную структуру палеопатологического профиля, когда при преобладании дегенеративных и стоматологических заболеваний занижены частоты инфекций и травм, что, в целом, типично для земледельческих палеопопуляций региона, по данным В.В. Куфтерина, показывают некрополи эпохи бронзы Алтын-депе (Южный Туркменистан) и Бустон VI (Узбекистан) (Дубова, Куфтерин, 2015. С. 69—73). Данные свидетельствуют о сходстве протекания процессов адаптации у населения Шерабадского (Бактрия), Мургабского (Маргиана) оазисов и предгорий Копетдага.

Свидетельством достаточно хорошей адаптированности населения к условиям окружающей среды являются материалы из Южного Таджикистана первых веков нашей эры (могильник Ксиров) и раннего средневековья (могильник Шахидон VII-VIII вв.), для которых также свойственна невысокая частота встречаемости различных стрессовых маркеров. При значительных различиях в морфологии черепа серии сближаются по частотам палеопатологических маркеров. Так, частота (интенсивность) кариозных поражений в Шахидоне составляет 6,2% (зубной счет — 7 пораженных зубов на 113 обследованных), а прижизненной утраты зубов — 9,6% (9 зубов из 94 обследованных). Данные частоты близки к таковым для раннего и развитого Средневековья Великобритании (Roberts, Manchester, 2005. Р. 69, 74). В двух погребениях Шахидона фиксируются признаки, вероятно, свидетельствующие об использовании зубов в профессиональной деятельности (Дубова, Куфтерин, 2016).

Выше была изложена часть выводов, полученных в результате проведения многосторонних исследований нескольких систем жизнеобеспечения. По понятным причинам разные исторические периоды изучены с разной степенью полноты. Но представляется, что даже в таком, пока усеченном виде, эти материалы дают представление о разных компонентах изучаемых систем и позволяют выявить факторы, влияющих на их локальное разнообразие, стабильность, устойчивое развитие и эволюцию.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Антонова Е.В. Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н. Е.А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, д.и.н. Б.А. Литвинского. М., 2005. С. 105—117.
- 2. *Артемьев В.И., Урманова А.М.* Предварительные итоги архитектурного исследования Северного Гонура в 2007 году // На пути открытия цивилизации [ТрМАЭ. Т. 3] / Ред. Кожин ПМ., Косарев М.Ф., Дубова Н.А. СПб.: Алетейя, 2010. С. 172—203.
- 3. *Арутнонов С.А., Мкртумян Ю.И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- Бердымухамедов Г. Лекарственные растения Туркменистана. Т. 1. Ашхабал. 2009.
- 5. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

- Дубова Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 94- 104.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур Депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии / Ред. А.П. Бужилова, М.В. Добровольская, М.Б. Медникова. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 113—116.
- 8. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с.
- 9. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012 2013 гг. в Бальджуванском районе // АРТ. Вып. XXXVIII. Душанбе, 2016. С. 67–80.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309-319.
- 11. Дубова Н.А., Сатаев Р.М. Комплексное изучение систем жизнеобеспечения населения южных районов Средней Азии от эпохи бронзы до современности // Экология древних и традиционных обществ. Материалы V Международной научной конференции. Тюмень. 7–11 ноября 2016 г. / под ред. Н.П. Матвеевой. Вып. 5. Тюмень, 2016. Ч. 2. С. 40-43.
- 12. *Ермолова Н.М.* Остатки млекопитающих эпохи бронзы из городища Алтын-депе // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 144—150.
- 13. Зезенкова В.Я. Краниологический материал из Маргианы // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 48–62.
- 14. *Кирчо Л.Б.* Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. 1(37). С. 25–33.
- Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.
- Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14 – 43.
- Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования. (На материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984.
- Куфтерин В.В. К палеоэкологии населения эпохи бронзы Южного Туркменистана (материалы Гонур-депе) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 149-156.
- Куфтерин В.В. Биоархеологические аспекты исследования детских погребений Гонур-депе (по материалам 2009—2010 гг.) // Этнос и среда обитания. 2012. Вып. 3. С. 46—65

- Куфтерин В.В. Антропоэкология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Тольятти, 2012а.
- Куфтерин В.В. Исследование темпов продольного роста длинных костей у населения Гонур-Депе: Туркменистан, эпоха бронзы // Палеоантро-пологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики / Отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Широбоков. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 58–61.
- Куфтерин В.В. Палеопатология детей и подростков Гонур-депе (Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016.
 № 1(32). С. 91–100.
- Куфтерин В.В. Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана (погребение эпохи бронзы в местности Обидара) // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2016 (в печати).
- 24. *Лисицына Г.Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южном Туркменистане. М.: Наука, 1978. 240 с.
- Масимов И.С. Новый оазис бронзы в низовьях реки Мургаб. //АО 1975 г. М., 1976.
- Масимов И.С. Археологические исследования в Марыйской области / / КД. вып. VII, Ашхабад, 1979.
- Масимов И.С. Келлели новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 3—21.
- Масимов И.С. Новые памятник раннего железного века Мургабского оазиса // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982. С. 20–33.
- Мейер-Меликян Н. Р. Определение растительных остатков из Тоголок 21 // Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 203— 205, 310—313.
- На пути открытия цивилизации [ТрМАЭ. Т. 3] / Ред. Кожин П.М., Косарев М.Ф., Дубова Н.А. СПб: Алетейя, 2010. 712 с.
- 31. *Павловский О.М.* Биологический возраст человека. М.: Изд-во МГУ, 1987. 278 с.
- Папахристу О.А. Опыт сопоставления: Мастерская металлистов на городище Гонур-депе (Туркменистан) и квартал металлистов на городище Шахдад (Иран) // ТрМАЭ. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С. 232–256.
- Прохоров Б. Б. Первоочередные проблемы экологии человека в связи с созданием глобальной системы мониторинга окружающей среды // Проблемы экологии человека. М., 1986.
- 34. *Сарианиди В.И*. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. Вып. 3 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1984. С. 5—31.
- 35. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- 36. *Сарианиди В.И*. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В.И. Гонур-депе. Туркменистан. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

- 38. *Сарианиди В.И.* Задолго до Заратуштры / Long before Zaratushtra. M., 2010.
- 39. *Сарианиди В.И*. Площади «общественных трапез» в Маргиане // На пути открытия цивилизации [ТрМАЭ. Т. 3]. СПб., 2010а. С. 237–244.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008—2011 гг. // ТрМАЭ. Т. 4. М., 2012. С. 29—63.
- 41. *Сарианиди В.И., Дубова Н.А.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. // ТрМАЭ. Т. 5. М., 2014. С. 92–111.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Культ животных в Маргиане // Записки Восточного Отделения Русского Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. III(XXVIII). Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007—2015). Археология, история, культура / Под ред. В.П. Никонорова, В.А. Алёкшина. СПб., 2015. С. 521—558.
- 43. *Сатаев Р.М.* Раскопки древнего ирригационного канала // ТрМАЭ. Т.2. М.: Старый сад, 2008. С. 65-66.
- Сатаев Р.М. Животные из раскопок памятников позднеэламского времени (провинция Хузистан, Иран) // Курсом развивающейся Молдовы.
 Т.8 Единство и многообразие в системе культурного наследия. Москва: Старый сад, 2009. С. 80–88.
- Сатаев Р.М. Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур-Депе // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди [ТрМАЭ. Т.3]. СПб: Алетейя, 2010. С. 466—484.
- 46. *Сатаев Р.М.* Седиментологические исследования осадочных отложений в пределах раскопа 18 // ТрМАЭ. Т. 4. М: Старый сад, 2012. С. 56.
- 47. *Самаев Р.М.* Исторические предпосылки разведения крупного рогатого скота в аридных условиях юга Средней Азии // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2013. № 1(25). С. 62—65.
- 48. *Сатаев Р.М.* Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.
- Сатаев Р.М. Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // ЭО. 2017, в печати.
- Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Погребения собак на царском некрополе Гонура // ТрМАЭ. Т.6. Памяти В.И. Сарианиди. М., 2016. С. 204—223.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Исторический анализ экологического кризиса Древней Маргианы // Природное наследие России в 21 веке. Материалы II Международной научно-практической конференции. Уфа, 2008. С. 354—356.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Возможности использования этноэкологических аналогий при реконструкции системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса // Интеграция этнографических и археологических исследований. Казань; Омск, 2010. С. 171–174
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Проблема реконструкции природных условий древнего Гонурского оазиса // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург; Челябинск: Рифей. 2010а. С.190—193.

- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур-депе в 2010 г. // ТрМАЭ. Т.4. М: Старый сад, 2012. С. 57–62.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Взаимодействие человеческих обществ с природной средой на ранних этапах межкультурной интеграции // Актуальные вопросы антропологии. Сборник научных трудов. Вып. 10. Минск, 2015. С. 105–113.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В, Куфтерин В.В. Опыт классификации ритуальных объектов с животными (на примере материала Гонур-депе) // Этнос и среда обитания. Т. 3. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 36–45.
- 57. *Сатаева Л.В., Сатаев Р.М.* Археоботанические исследования на Гонурдепе // ТрМАЭ. Т.4. М: Старый сад, 2012. С. 159—162.
- 58. Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Результаты археозоологических и археоботанических исследований 2012-2013 гг. на Гонур Депе // ТрМАЭ. Т.5. М: «Старый сад», 2014. С.177-184.
- Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Земледелие в древней Маргиане // Вестник БГАУ. 2016. № 3. С. 30 – 36.
- 60. *Сатаева Л.В., Сатаев Р.М.* Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. Вып 1(36). С. 134-142.
- 61. *Терехова Н.Н.* Металлообработка на энеолитическом поселении Геоксюр // СА. 1974. № 2. С. 167—179.
- 62. *Терехова Н.Н.* Металлообрабатывающее производство древнейших земледельцев Туркмении // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- 63. *Терехова Н. Н.* Обработка металлов в древней Маргиане // Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 177–202, 306–309.
- 64. ТрМАЭ. Т. 2. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2008. 253 с.
- ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008—2011 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. 340 с.
- ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011 -2013 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2014. 256 с.
- 67. У истоков цивилизации / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. 470 с.
- 68. *Федосова В.Н.* Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 521–530.
- 69. Энциклопедический словарь лекарственных, эфирномасличных и ядовитых растений / Сост. Г. С. Оголевец. М.: Сельхозгиз, 1951. 584 с.
- Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Вып. 1 / Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009а. С. 73-94.
- Ямсков А.Н. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 34. М.: Наука, 2009б. С. 130-142.

- Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. P. 296-329.
- 73. Hunt H.V., Vander Linden M., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G., Colledge S., Jones M.K. Millets across Eurasia: Chronology and context of early records of the genera *Panicum* and *Setaria* from archaeological sites in the Old World // Vegetation History and Archaeobotany. 2008. 17. P. 5–18.
- Hunt H.V., Campana M.G., Lawes M.C., Park Y.-J., Bower M.A., Howe C.J., Jones M.K. Genetic diversity and phylogeography of broomcorn millet (Panicum miliaceum L.) across Eurasia // Molecular Ecology. 2011. 20. P. 4756–4771.
- 75. McNeill W.H. The rise of the West. Chicago: Chicago University Press, 1963.
- Meyer-Melikyan N.R. Analysis of floral remains from Togolok 21 // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 178–179.
- 77. *Meyer-Melikyan N.R.*, *Avetov N.A.* Analysis of floral remains in the ceramic vessel from the Gonur temenos // Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 176–177.
- 78. *Salvatori S.* Margiana Archaeological Map: The Bronze Age Settlement Pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-1995 / Eds. Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. [Reports and Memoirs. Series Minor, III. IsIAO]. Roma, 1998. P. 57-65.
- Sataev R., Sataeva L. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P 369–372.
- 80. *Stloukal M., Hanáková H.* Die Länge der Längsknochen Altslawischer Bevölkerungen Unter besonderer Berückichtigung von Wachstumsfragen. // Homo. 1978. Bd. 29. S. 53-69.
- 81. *Spengler R.N.* Agriculture in the Central Asian Bronze Age // Journal of World Prehistory. 2015. Vol. 28. Iss. 3. P. 215–253

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ¹

В статье рассматривается место, занимаемое изделиями и орудиямия, изготовленными из костей животных, в системе жизнеобеспечения населения города бронзового века Гонур-Депе (2300—1600 до н.э., Туркменистан). Автором анализируются основные категории предметов из кости, а также приводятся результаты трасологического и технологического исследования изделий из кости. Делается вывод о том, что изделия из кости, несмотря на высокоразвитое производство металлических предметов, занимали важное место в системе жизнеобеспечения Гонур-Депе.

ость как сырье для изготовления орудий, различных предметов быта, украшений, занимает значительное место в жизни древних обществ. Не является в данном плане исключением и город бронзового века Гонур-депе в Туркменистане², где кость широко применялась в качестве материала для изготовления различных предметов. В эпоху бронзы, когда происходит угасание техники обработки камня, для изготовления орудий и предметов наравне с металлом начинают активнее, чем ранее, применяться подручные материалы, в том числе кости животных (Поплевко, 1988. С. 51). Кость обладала в первую очередь тем преимуществом, что являлась доступным и дешевым сырьем, в отличие от металла и камня. Так как изделия, изготовленные из кости, были включены в различные сферы жизнедеятельности населения Гонур-депе, то можно говорить о том, что они являлись неотъемлемой составной частью системы жизнеобеспечения.

Находки изделий из костей животных на этом памятнике являются относительно немногочисленными (Сарианиди, 1990.

¹ Работа подготовлена по проекту РФФИ № 15-36-50663

² Памятник расположен в Юго-Восточных Каракумах, раскапывается с 1974 г. Маргианской экспедицией под руководством В.И. Сарианиди (1973, 1990, 2001 и мн. др.)

С.33). Очевидно, это объясняется не только сравнительно редким использованием кости в качестве материала для изготовления различных вещей, но также и особенностями их сохранности. В зависимости от локальных условий залегания костяных вещей в культурном слое или погребениях сохранность кости на памятнике существенно варьирует (Сатаев, 2008. С. 138). Следует также отметить и то, что металлургия, достигшая в эпоху существования Гонура достаточно высокого уровня развития, постепенно заменила большую часть орудий и предметов, изготавливавшихся из кости, дерева и камня металлическими. Также, к примеру, как и в случае с изделиями из кости, снизилось значение предметов из камня, что отмечено скромным их видовым разнообразием на Гонур-депе и небольшой численностью (Юминов, 2012. С.166). Металлические изделия охватили все сферы жизни общества и из металла изготавливались орудия труда, оружие, украшения. Тем не менее, предметы из кости занимали определенное место в хозяйстве и духовной жизни населения Гонур-депе.

О производстве костяных изделий на Гонур-депе свидетельствуют обнаруженные скопления заготовок костяных орудий и фрагменты костей, преднамеренно отобранных для технических целей (Сатаев, Сатаева, 2012. С. 57). Это указывает на широко распространенную практику использования костей животных в производственных целях как сырья для изготовления различных предметов. Первой ступенью в изучении технологического процесса изготовления изделий из кости является отбор сырья, который выражается и в выборе определенных костей для изготовления конкретных изделий.

Что касается технологических приемов и методов обработки костей животных и изготовления из них разнообразных предметов, то здесь наблюдается использование различных технологических косторезных систем, свойственных эпохе бронзы. Среди таких технологических систем можно выделить частичное использование естественной формы в производстве, использование сырьевых осколков для изготовления вещей, а также систему раскроя и расщепления исходного сырья для изготовления готовой продукции (Бородовский, 1997. С. 44). Достаточно редко в отличие от перечисленных систем применяется система полного использования естественной формы кости. Практически все представленные на Гонур-депе костяные изделия, если и не целиком изготовлены путем раскроя и расщепления, то, во всяком случае,

имеют следы подработки, такие как строгание, шлифование, пиление и прочие.

Так в качестве примера полного использования естественной формы сырья можно привести так называемые «игольники», изготовленные из трубчатых костей животных. Подобный предмет, был обнаружен в результате работ осенью 2015 г. на раскопе 12 (юго-запад памятника вне пределов обводной стены). Костяная трубочка имеет насечки на обоих концах диафиза, которые, по всей видимости, представляют собой простейший орнамент.

Для иллюстрации частичного использования костного сырья можно привести чесала (гребни) из ребер КРС, функциональное назначение которых не совсем ясно, но которые могли предположительно использоваться для расчески шерсти. Аналогии подобным предметам известны в материалах степных скотоводческих культур эпохи бронзы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 165, рис. 130). Так, очевидно, в данном случае была использована естественная изогнутая и уплощенная форма ребра, но в тоже время для применения орудия в работе потребовалась дополнительная его подработка, что и было реализовано путем вырезания зубьев.

Имеются и многочисленные случаи использования в качестве сырья кухонных отходов, обломков костей. В частности обломки трубчатых костей использовались для изготовления проколок. Для этого сломленный край диафиза приострялся с помощью ножа, и предмет использовался для прокалывания кожи и шкур в кожевенном деле.

В целом же стоит отметить, что преимущественным был именно раскрой и расщепление кости, изготовление из нее предметов, которые целиком утрачивали свою естественную форму. Эта система отличается от предыдущих наличием косторезных навыков у мастера, а также приданием кости требуемой формы, а не использованием ее естественных особенностей. Сюда мы можем отнести большинство украшений, предметов культа, а в особенности художественные резные предметы, которые украшают сложные орнаменты. Безусловно, многочисленность данной категории вещей является показателем высоких косторезных навыков населения Гонур-депе.

Исходя из основных сфер, в которых использовались изделия из кости, можно разделить весь комплекс костяных вещей на

хозяйственно-бытовые, оружие, украшения, предметы искусства («художественная кость»), предметы культа.

К предметам хозяйственно-бытового назначения относятся орудия труда, изготовленные из кости, а также костяные предметы, использовавшиеся в обиходе населения города Гонур-депе. Нами уже отмечалось, что подавляющее большинство предметов в первой половине II тыс. до н.э. уже начинают изготавливать из бронзы. Бронза составила серьезную конкуренцию кости как сырью. Так предметы, в более ранних эпохах изготавливавшиеся практически исключительно из костей животных, начинают производиться из более практичного и долговечного сырья — металла. Однако кость хотя и уступает по своим качествам металлу, но все же обладает и большим преимуществом – доступностью и дешевизной данного вида сырья: как уже отмечалось, и кухонные отходы могли быть использованы в качестве сырья для производства различных изделий. Однако, говоря о дешевизне и доступности, следует сделать оговорку относительно слоновой кости, использовавшейся для изготовления художественных изделий и украшений и обладавшей высокой ценностью.

Возвращаясь к предметам хозяйства и быта отметим, что здесь в качестве сырья главным образом использовались кости домашних животных. Так в результате изучения костей из различных участков Гонур-депе был сделан вывод о высоком уровне развития животноводства у населения данного города (Сатаев, 2008. С. 140). В тоже время отмечается малочисленность костных остатков, учитывая значительную площадь раскопа, что является нехарактерным для поселенческих памятников (Сатаев, Сатаева, 2011. С. 205). Такая ситуация может быть объяснена по-разному, но в качестве одного из вариантов можно предположить и особую форму утилизации костей, которые могли использоваться в том числе и в косторезном деле.

Среди основных категорий предметов, относящихся к сфере хозяйства, принадлежат уже упомянутые нами проколки, костяные гребни, чесала, игольники. С определенной долей условности сюда можно отнести и шлифованные астрагалы, некоторые из которых по характеру изношенности их поверхности могут интерпретироваться как лощила по коже. Об использовании кости для изготовления различных предметов быта свидетельствуют также обнаруженные в погребениях костяные косметические флаконы (Сарианиди, 2001. С. 72; Табл. 25, 4).

В целом же следует отметить, что изделия из кости не получили широкого распространения в хозяйственной и бытовой сферах жизни на памятнике Гонур-депе. Это можно связывать с одной стороны с тем, что кость здесь уступает свое место металлу, с другой стороны — с особенностями экономики раннеземледельческих обществ. Для памятников, оставленных кочевыми и оседлыми скотоводческими обществами, где гораздо большую роль в хозяйстве играло животноводство, в большей степени развита и практика использования костяных орудий. Примечательным является и тот факт, что в бронзовом веке, когда сферы применения костяных орудий сократились, наблюдается превалирование их в кожевенном деле. В кочевых обществах кожевенное дело также занимало значительное место и обеспечивалось преимущественно костяными орудиями - стругами, тупиками, трепалами, лощилами и пр. Очевидно, что и на Гонуре сфера кожевенного производства была практически единственной, где хотя бы в какой-то мере сохранилось значение костяных орудий.

Также в качестве участия предметов из кости в системе жизнеобеспечения населения Гонур-Депе можно рассматривать и производство оружия из данного вида сырья. Следует отметить, что немногочисленное оружие, обнаруженное на Гонуре, в основном является охотничьим. К категории оружия можно отнести лишь такую группу предметов как наконечники стрел. Немногочисленные их находки на городище Гонур-депе представлены в большинстве своем втульчатыми двух- и четырехгранными наконечниками стрел. Имеется однако, в том числе, и небольшое число черешковых наконечников. Маловероятно, что они имеют боевое назначение, и, по всей видимости, предназначались для использования в охоте.

Впрочем, следует отметить, что неправильным было бы останавливаться только на рассмотрении костяных предметов хозяйственного назначения и предметов вооружения. Понятие «жизнеобеспечение» не сводится исключительно к обеспечению пищей, одеждой, жильем. Поскольку человек — социально-биологическое существо, то его жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических, так и социально-культурных, в частности духовных потребностей (Козлов, 1991. С. 15-16). Изделия из кости использовались и на удовлетворение данной категории потребностей. Примером применения костяных изделий в непро-

изводственной сфере является изготовление из кости различных украшений (заколки, нашивки на одежду) и поделок, хорошо известных благодаря погребальному обряду. Среди украшений одной из наиболее многочисленных находок являются небольшие костяные пластинки с нанесенными на них насечками. Небольшие по размеру, в пределах от одного до трех-пяти сантиметров в длину и около одного сантиметра в ширину, данные пластинки, вероятно, использовались в качестве нашивок на одежду, сумки или иные изделия из кожи и ткани. В качестве украшений могли использоваться и пластины больших размеров, имеющих прямоугольную и листовидную форму, с нанесенным на них в большинстве случаев круговым орнаментом.

Довольно простым украшением, изготовленным из кости являются и костяные бусы, которые использовались наряду с бусами из камня. Из кости выполнены и многочисленные булавки, которые главным образом представлены материалами из погребений. Данные предметы встречены и в мужских и женских могилах, однако, в большей степени в последних. Булавки располагаются, как правило, около головы умерших, что говорит об использовании их в качестве заколок для волос (Сарианиди, 2001. С. 72). Данные изделия имеют один заостренный край и в большинстве своем украшены различными орнаментами, нередко они имеют навершия в виде руки, сжатой в кулак, с вытянутым пальцем, раскрытой ладонью и пр. (Сарианиди, 2001. Рис. 38).

Помимо перечисленных выше категорий, можно выделить и предметы культа, изготовленные из костей животных. Конечно, мы можем только догадываться о той роли, которую играли различные вещи, в том числе и костяные в духовной жизни населения Гонур-депе. Однако то, что некоторые предметы имели ритуальное назначение, неутилитарный характер не вызывает сомнений. К таковым предметам можно отнести немногочисленные церемониальные топоры, обнаруженные в погребениях, которые выточены из кости и имеют втулку для крепления к деревянной рукояти (Сарианиди, 2001. Рис. 38а.). Скорее всего эти предметы имели ритуальный характер, они, возможно, играли определенную роль в погребальном обряде, а также отражали социальный статус умершего.

К материалам Гонур-депе также был применен и трасологический анализ для определения функционального назначения

костяных предметов. Небольшая выборка вещей была изучена с помощью бинокуляра МБС-1 при рабочем увеличении до 50 крат. К сожалению, для большей части предметов методика трасологического исследования неприменима, что объясняется плохой сохранностью их поверхности, на что, очевидно, повлияли особенности залегания в песке. Однако некоторые предметы дают возможность проследить микроследы и провести их функциональную идентификацию. Как удалось установить, главным образом это – орудия кожевенного производства. Благодаря тому, что заполировка, образовавшаяся в результате контакта с кожей, сохранила поверхность артефактов, стало возможным наблюдать следы от контакта с мягким неабразивным материалом (кожей), которые установлены на проколке и шлифованном астрагале из материалов раскопа 12. На поверхности проколки также имеются мелкие линейные следы-царапины, которые направлены вдоль длинной оси орудия и являются характерными для проколок по коже.

На астрагале имеются крупные абразивные следы от шлифовки, возникшие в результате его обработки. Яркая заполировка перекрывает эти следы. Происхождение заполировки может быть двоякой: либо это контакт с кожей, в результате использования астрагала в качестве лощила; либо это последствия намеренной заполировки его и использования в неутилитарных целях, например игре.

В целом следует отметить, что, несмотря на немногочисленность костяных изделий среди находок с Гонур-депе, они позволяют получить информацию о различных сторонах жизни его населения. Кость представляла собой, также как и другие материалы, сырье для изготовления различных вещей. Костяные изделия использовались в различных сферах жизни, и делятся на хозяйственно-бытовые предметы, оружие, украшения, предметы искусства («художественная кость»), предметы культа.

Таким образом, изделия из кости занимали немаловажное место в системе жизнеобеспечения населения Гонур-депе. Наш краткий анализ показывает, что в земледельческих обществах Средней Азии в эпоху бронзы происходит снижение значения костяных вещей в хозяйственно-бытовой сфере и главным образом изготовления из кости орудий труда. Они использовались главным образом в технологических процессах, связанных с производством одежды и предметов из кожи. В то же время можно

констатировать широкое применение костей животных в качестве сырья для украшений, предметов искусства, ритуальных изделий, что позволяет говорить о том, что костяным изделиям принадлежало важное место и в духовной жизни населения Гонур-депе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
- 2. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- 3. *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43.
- Поплевко Г.Н. Возможности экспериментально-трасологических исследований для изучения орудий эпохи бронзы // Теоретические проблемы современной археологии (Тез. докл. на симпозиум методологических семинаров Отдела археологии АН МССР, ЛОИА АН СССР, и Совета молодых ученых отдела этнографии и искусствоведения АН МССР). Кишинев, 1988. С. 50 51.
- Сарианиди В.И. Древности низовий Мургаба // АО 1972 г. М., 1973. С. 483–484.
- 6. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
- 7. *Сарианиди В.И*. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мирмедиа, 2001. 246 с.
- 8. *Сатаев Р.М.* Животные из раскопок городища Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.2. М.: Старый сад, 2008. С. 138-142.
- 9. *Сатаев Р.М., Сатаева Л.В.* Особенности системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса (Туркменистан) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 204—207.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур-депе в 2010 году // ТрМАЭ. Т.4. М.: Старый сад, 2012. С. 163-166.
- 11. *Юминов А.М.* Горные породы, употреблявшиеся для изготовления орудий и изделий из камня, обнаруженных при археологических раскопках административно-культового комплекса Гонур-Депе (южная часть Дворца и Теменос) // ТрМАЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 163–166.

наши авторы

Адаев Владимир Николаевич —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень).

Вальков Иван Александрович -

лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Алтайский государственный университет (г. Барнаул).

Григулевич Надежда Иосифовна —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

Дубова Надежда Анатольевна —

доктор исторических наук, кандидат биологических наук, зав. сектором этнической экологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

Клоков Константин Борисович -

доктор географических наук, старший научный сотрудник, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Любимова Галина Владиславовна —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

Михайлов Владимир Валентинович —

доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН (г. Санкт-Петербург).

Охотников Андриан Юрьевич —

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; доцент Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск).

Сатаев Роберт Мидахотович —

кандидат биологических наук, докторант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

Сатаева Лилия Вакиловна —

кандидат биологических наук, доцент Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа).

Ямсков Анатолий Николаевич —

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва).

ABSTRACTS

Yamskov A.N. Subsistence systems and economic and cultural types Concepts of "subsistence" and "subsistence systems" are analyzed in the interpretation of professor V.I. Kozlov, including its similarities and differences with the Soviet ethnographic concept of "economic and cultural types". Recent attempts to substitute the latter with the derivatives of the "subsistence" are criticized. Prospects for using and further developing the concept "subsistence systems" are explored.

Sataev R.M., Sataeva L.V. Paleoethnobotany and paleoethnozoology in the system of knowledge about ecology of ancient societies

The paper discusses terms "paleoethnobotany" and "paleoethnozoology", their contents and relations to ethnic (cultural) ecology, archaeology, and biology. Authors present a review of related concepts of archaeology, used to analyze excavated remains of plants and animals. Methods of studies in "paleoethnobotany" and "paleoethnozoology" are summarized, as well as archaeological sources of information

Grigulevich N.I. Fishing on the Upper and Middle Volga: traditions and dynamics of subsistence.

Our country's territory is rich in forest and water resources. People have been using them for a wide variety of purposes for a long time. Subsistence culture, with its important component of the traditional diet, is closely related to the natural environment. Archaeological finds show that in Ancient Rus fish played a significant role in the diet. Later, in the days of Kiev and Moscow Rus, its role in the material culture of the Russian people has increased. Fishing and fish cuisine had vividly manifested itself in the Russian North, where, due to a difficult climate, farming was at risk. Despite the abundance of fish resources in the country, for a long time the authorities have been taking measures to limit the catch, especially of valuable fish species. Fish has been always used in a very diverse ways in the Russian cuisine. Fish could be bought, as well as caught. But over the time, in Volga basin fish species, especially valu-

able, have become less and less abundant. Nowadays one can not see the wild Russian sturgeon on the Upper and Middle Volga. This is due to human intervention in natural processes, poaching, and pollution.

Lyubimova G.V. Religious Prescriptions as Regulator of Human Life and Subsistence Culture (on Traditions of Natural Resources Use Practiced by Siberian Old Believers)

Based on traditional natural resources use practiced by different groups of Siberian Old Believers the paper discusses functions of religious prescriptions in human life and subsistence culture of inhabitants of monasteries and remote settlements. The adaptive role of biblical principles relating to the nature of agricultural labor and the labor process in whole is analyzed. Author's interpretation of genesis of guilt motive that accompanies modernization processes in Old Believers culture is given.

Okhotnikov A. Yu. The impact of agrarian modernization on the evolution of ethnic and cultural landscape markers of Siberian-German village (on the materials of ethnographic expeditions in Omsk Irtysh region)

The paper traces the evolution of the decor dwellings elements of the Siberian Germans - descendants of immigrants from Saratov Volga region. The history of architecture of German village of Krasnoyarka (Omsk region) is considered through the prism of the modernization theory. The article is based on the author's field research and data from local archives.

Klokov K.B. & Mikhailov V.V. Impact of natural and social factors on the livelihood of local reindeer herders' communities in the taiga and tundra landscapes

The study of the impact of natural and social factors on the life-sustaining activity of local indigenous communities in the North of Russia requires the use of various methodological approaches. The purpose of the article is to display and to compare two different approaches. The climate and weather impact on the traditional life-sustaining activity of reindeer herders' communities was investigated with methods of system analysis, including mathematical modeling on the computer. The impact of acculturation on reindeer herders' communities was studied using an alternative approach based on the analyses of ethnocultural contexts. The first part of the article shows how the mathematical mod-

eling of the heat balance of reindeer can help to identify most favorable for different types of traditional reindeer herding areas. The second part contains the theoretical basis of the new approach, which gives the possibility to reveal the evolution of several ethnic and cultural contexts in the taiga reindeer herding of Evenks and Tofalars.

Adaev V.N. On the role of the traditional worldview of the indigenous Northern peoples as a regulator of sustainable use of natural resources

The worldviews of the indigenous Northern peoples contain contradictory ecological impulses but at least some of the impulses have explicit or indirect environment-friendly tendencies. With all the contradictory rules, norms, morals, modes of action, specific to the traditional worldview, there is a reason to believe that each Northern native culture has its own intuitively formed system of attitudes that support a more or less stable balance relationship between people and the natural environment. And the principles of action of such systems could vary dramatically from ethnic group to ethnic group: what worked effectively in one system would be completely absent in the other or do not have a practical value for maintaining ecological balance. These provisions are discussed in this article on the example of the indigenous Northern peoples of Western Siberia.

Dubova N.A. Biological and social adaptation of ancient and medieval populations in the southern regions of Central Asia: A complex approach

The paper discusses results of complex studies of subsistence systems of populations, residing in southern regions of Turkmenistan, Tajikistan and partially Iran in the Bronze Age. It is compared to subsistence systems of medieval and contemporary populations of the adjacent areas. The study includes analysis of traditional modes of exploiting natural landscapes, material and spiritual aspects of pastoralism, hunting, fishing, farming and using natural vegetation, the role of animals and plants, as well as their derivatives, in rituals, the reflection of vegetation symbols in cultural traditions, and physical characteristics of populations. Synthesis of the results leads to the conclusion that subsistence system of the population in these regions has been rather sustainable from the Bronze Age until the present day within local traditional societies. This sustainability is based on fortunate combination of cultural and biological modes of adaptation.

Valkov I.A. Products made from the bone in the life support system of Gonur Depe population

The article deals with the place of products and tools made from animal bones in the life support system of the Bronze Age population of Gonur-Depe (2300-1600 BC, Turkmenistan). The author analyzes the main categories of objects made from the bone, as well as the results of trasological and technological analysis of some of them. Despite the highly developed production of metal objects, bone products occupied an important place in the livelihood system of Gonur-Depe.

CONTENTS

Introduction
Kozlov V.I.
System of subsistence of an ethnos:
The concept and its ecological aspects
PART 1.
CONCEPTS AND TERMS IN THE STUDIES
OF SUBSISTENCE SYSTEMS
Yamskov A.N.
Subsistence systems and economic and cultural types36
Sataev R.M., Sataeva L.V.
Paleoethnobotany and paleoethnozoology in the system
of knowledge about ecology of ancient societies47
PART 2.
SUBSISTENCE SYSTEMS
OF REGIONAL AND LOCAL GROUPS
OF RUSSIAN AND GERMAN PEOPLES
Grigulevich N.I.
Fishing on the Upper and Middle Volga:
traditions and dynamics of subsistence
Lyubimova G.V.
Religious Prescriptions as Regulator of Human Life
and Subsistence Culture (on Traditions of Natural Resources
Use Practiced by Siberian Old Believers)
Okhotnikov A. Yu.
The impact of agrarian modernization on the evolution
of ethnic and cultural landscape markers
of Siberian-German village (on the materials of ethnographic
expeditions in Omsk Irtysh region)95

Contents

PART 3.
SUBSISTENCE SYSTEMS OF PEOPLES
OF SIBERIA AND THE FAR NORTH
Klokov K.B., Mikhailov V.V.
Impact of natural and social factors
on the livelihood of local reindeer herders' communities
in the taiga and tundra landscapes
Adaev V.N.
On the role of the traditional worldview
of the indigenous Northern peoples as a regulator
of sustainable use of natural resources
PART 4.
STUDIES OF SUBSISTENCE SYSTEMS
OF ANCIENT POPULATIONS
Dubova N.A.
Biological and social adaptation of ancient
and medieval populations in the southern regions
of Central Asia: A complex approach
Valkov I.A.
Products made from the bone in the life support system
of Gonur Depe population
OUR AUTHORS195
ABSTRACTS197

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия, Москва

AРТ – Археологические работы в Таджикистане, Душанбе

БГАУ — Башкирский государственный аграрный университет, Уфа

КД - Каракумские древности, Ашхабад

МГПУ — Московский городской педагогический университет, Москва

СА - Советская археология, Москва

СПИИРАН — Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук, Санкт-Петербург

СЭ — Советская этнография, Москва

ТрМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции, Москва

Научное издание

Этнос и среда обитания

Сборник статей по этнической экологии

Выпуск 5

Исследования систем жизнеобеспечения

Москва, 2017

Утверждено к печати Ученым Советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

> Компьютерная верстка П.В. Воронин, Ф.А. Игнащенко

На обложке — террасные поля в долине реки Колка (Анды, Перу, 2011 г.) и тыкыры Каракумов. Фотографии Н.А. Дубовой.

Подписано к печати 28.03.2017 г. Формат $60 \times 84 \ 1/16$ Усл. печ. л. 11,25 Тираж 500 экз.